

O'ZBEKISTON RESPUBLIKASI
KRIMINOLOGIYA TADQIQOT INSTITUTI

II XALQARO FORUM

*JAHON KRIMINOLOGIYASINING
ILG'OR TAJRIBALARI*

II INTERNATIONAL FORUM

*ADVANCED EXPERIENCE
IN GLOBAL CRIMINOLOGY*

II МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ

*ПЕРЕДОВОЙ ОПЫТ МИРОВОЙ
КРИМИНОЛОГИИ*

Samarqand
17-18.11.2025

United Nations
Office on Drugs and Crime

REPUBLIC OF TÜRKİYE MINISTRY OF CULTURE AND TOURISM
TURKISH COOPERATION AND COORDINATION AGENCY

FORUM MATERIALLARI TO'PLAMI - СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ ФОРУМА - COLLECTION OF FORUM MATERIALS

O'ZBEKISTON RESPUBLIKASI
KRIMINOLOGIYA TADQIQOT INSTITUTI

II XALQARO FORUM

JAHON KRIMINOLOGIYASINING ILG'OR TAJRIBALARI

II INTERNATIONAL FORUM

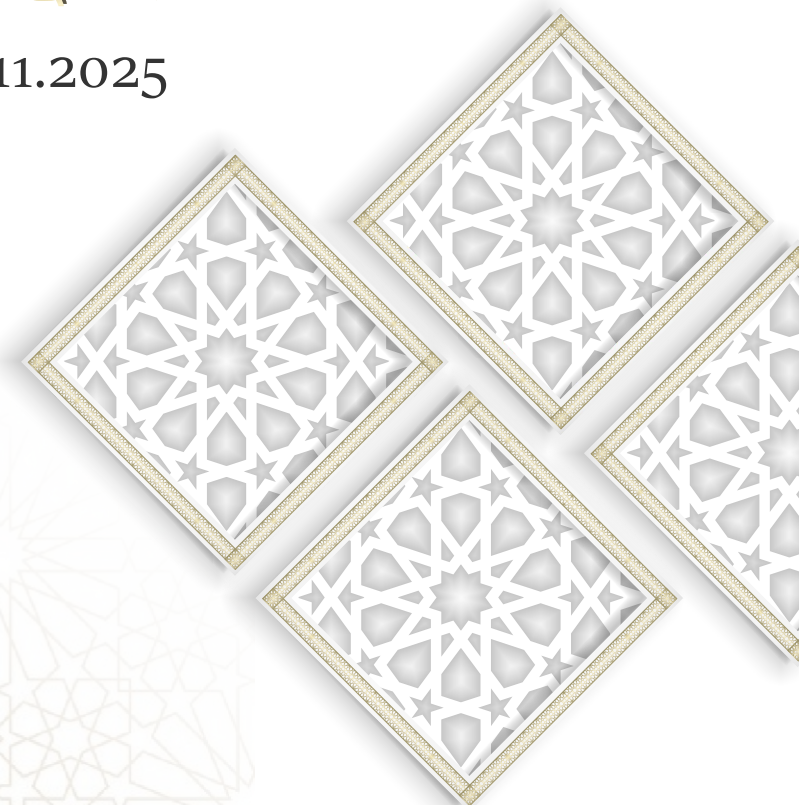
ADVANCED EXPERIENCE IN GLOBAL CRIMINOLOGY

II МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ

ПЕРЕДОВОЙ ОПЫТ МИРОВОЙ КРИМИНОЛОГИИ

SAMARQAND

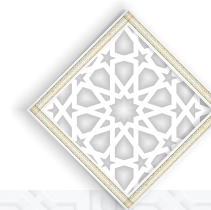
17-18.11.2025

II XALQARO FORUM *JA'HON KRIMINOLOGIYASINING ILG'OR TAJRIBALARI*
II INTERNATIONAL FORUM *ADVANCED EXPERIENCE IN GLOBAL CRIMINOLOGY*
II МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ *ПЕРЕДОВОЙ ОПЫТ МИРОВОЙ КРИМИНОЛОГИИ*

DASTUR / AGENDA

1-KUN | DAY 1

	<i>O'tkazish joyi Venue</i>	<i>"Hilton Samarkand Regency"</i>	<i>17.11.2025</i>
09:00-10:00	Ochilish marosimi Opening Remarks moderator - Agzamova Yelena Yuryevna <i>psixologiya fanlari nomzodi, dotsent PhD in Psychology, Associate Professor</i>		
10:00-10:10	O'zbekiston Respublikasi Ichki ishlar vazirligi rahbariyatining Forumni ochib berish uchun kirish so'zi Opening remarks by the leadership of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan to open the Forum Berdialiyev Baxtiyor Erkinovich <i>O'zR Kriminologiya tadqiqot instituti boshlig'i, yuridik fanlar bo'yicha falsafa doktori</i> <i>Head of the Research Institute of Criminology, Doctor of Philosophy in Law (PhD)</i>		
10:10-10:20	Xanazarov Baxromjon Turgunovich <i>Uyushgan jinoyatchilikka qarshi kurashishni muvofiqlashtirish byurosi direktori o'rinbosari, polkovnik Deputy Director of Bureau for the Coordination of Combating Organized Crime, Colonel</i>		
10:20-10:30	Video lavha Video presentation		
10:30-10:40	Salome Florez Siyerra Franzoni <i>BMTrning Jinoyat va narkotiklar bo'yicha Markaziy Osiyo mintaqaviy boshqarmasi (UNODC) UN Regional Office for Central Asia on Crime and Drugs (UNODC)</i>		
10:40-10:50	Ro'ziyev Xurshidbek Xasanovich <i>O'zbekiston Respublikasi Ichki ishlar vaziri maslahatchisi Advisor to the Minister of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan</i>		
10:50-11:00	Kozhokar Valery Vasilyevich <i>Butun Rossiya IIV ilmiy tadqiqot instituti boshlig'i Head of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs</i>		
11:00-11:10	Toshpo'latov Akrom Ikromovich <i>O'zbekiston Respublikasi Oliy Majlisi Qonunchilik palatasi huzuridagi Parlament tadqiqotlari instituti boshlig'i, yuridik fanlar doktori Head of the Institute of Parliamentary Studies under the Legislative Chamber of the Oliy Majlis of Uzbekistan, Doctor of Law</i>		
11:10-11:20	Prof. Dr. Purvi Pokhariyal <i>Hindiston Respublikasi IIV Milliy Kriminologiya va sud ekspertizasi instituti rahbari Head of the National Institute of Criminology and Forensic Sciences of the Republic of India</i>		
11:20-11:30	Tünde Andrea Barabás <i>Vengriya Milliy Kriminologiya instituti boshlig'i, professor Head of the Hungarian National Institute of Criminology, Professor</i>		
11:30-11:40	Azim Shuhrat <i>O'zbekiston Respublikasi Kriminologiya tadqiqot instituti boshlig'i o'rinbosari, yuridik fanlar doktori, polkovnik Deputy Head of the Research Institute of Criminology of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Law, Colonel</i>		

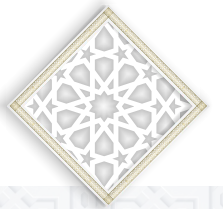
1-KUN | DAY 1

11:50-12:00	Rustambayev Mirzayusup Xakimovich <i>O'zbekiston Respublikasi Jamoat xavfsizligi universiteti boshlig'i, yuridik fanlar doktori, professor Head of the University of Public Safety of Uzbekistan, Doctor of Law, Professor</i>
12:00-12:10	Li Chan Jen <i>Xitoy Xalq Respublikasi Sinxua universitetining Jamoat xavfsizligi masalalari bo'yicha Xeyfey ilmiy-tadqiqot instituti, Favqulotda holatlar tadqiqot markazi boshlig'i o'rinbosari Deputy Head of the Emergency Research Center, Hefei Public Security Research Institute of the Tsinghua University, People's Republic of China</i>
12:10-12:20	Prof. Dr. Gábor Kovács <i>Vengriya Qirol Lyudovik Davlat xizmati universiteti Huquqni muhofaza qilish departamenti rahbari Head of the Department of Law Enforcement (Police Academy) of the Ludovika National University of Public Service of Hungary, Major General</i>
12:20-12:30	Stefan Buchmayer <i>Xalqaro hamkorlik bo'yicha Germaniya jamiyati (GIZ) Projekt rahbari German Society for International Cooperation (GIZ) Project Manager</i>
12:30-12:40	Gridyushko Pavel Vladimirovich <i>Belarus Respublikasi IIV Akademiyasi boshlig'i o'rinbosari, polkovnik Deputy Head of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Colonel</i>
12:40-12:50	Hoji-Murod Isroilovich Isoqov <i>O'zbekiston Respublikasi Odil sudlov akademiyasi prorektori v.v.b., yuridik fanlar nomzodi, professor Acting Vice-Rector of the Academy of Justice of the Republic of Uzbekistan, PhD in Law, Professor</i>
12:50-13:00	Fotosessiya va muzokaralar Group photo & Discussions
15:00-15:10	Kolenko Yevgeniy Vyacheslavovich <i>O'zbekiston Respublikasi Huquqni muhofaza qilish Akademiyasi boshlig'ining birinchi o'rinbosari, adliya katta maslahatchisi, yuridik fanlar doktori First Deputy Head of the Law Enforcement Academy of the Republic of Uzbekistan, Senior Advisor to the President of the Republic of Uzbekistan, Doctor of Law</i>
15:10-15:20	Filatova Mariya Alekseyevna <i>Rossiya Federatsiyasi Jinoyat huquqi va kriminologiya tahliliy markazi boshlig'i, yuridik fanlar doktori PhD in Law, CEO of Analytical Center of Criminal Law and Criminology</i>
15:20-15:30	Kuliyev Kadir <i>O'zbekiston Respublikasi Kriminologiya tadqiqot instituti yetakchi ilmiy xodimi. Markaziy Osiyo komplayens bo'yicha malakali mutaxassislar instituti Maslahat va ekspertlar kengashi a'zosi Leading Researcher at the Research Institute of Criminology of the Republic of Uzbekistan. ICCP Central Asia, Member of the Advisory and Expert Council</i>
15:30-15:40	Otajonov Abrorjon Anvarovich <i>Toshkent davlat yuridik universiteti professori, yuridik fanlar doktori, professor Professor of Tashkent State Law University, Doctor of Law, Professor</i>

II XALQARO FORUM *JAHON KRIMINOLOGIYASINING ILG'OR TAJRIBALARI*
II INTERNATIONAL FORUM *ADVANCED EXPERIENCE IN GLOBAL CRIMINOLOGY*
II МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ *ПЕРЕДОВОЙ ОПЫТ МИРОВОЙ КРИМИНОЛОГИИ*

DASTUR / AGENDA

1-KUN | DAY 1

- 15:40-15:50 BMTning Jinoyat va narkotiklar bo'yicha Markaziy Osiyo mintaqaviy boshqarmasi (UNODC) eksperti | Expert of the United Nations Regional Office on Drugs and Crime (UNODC) for Central Asia
- 15:50-16:00 Karavayeva Yuliya Stanislavovna
Rossiya Federatsiyasi "Oliy iqtisodiyot maktabi" Milliy tadqiqot universitetining Perm filiali | Perm branch of the National Research University of the Russian Federation "Higher School of Economics"
- 16:00-16:10 Safarzoda Hayot Sayidamir
Tojikiston Respublikasi Ichki ishlar vazirligi Akademiyasi, yuridik fanlar nomzodi, dotsent, polkovnik | Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Police Colonel
- 16:10-16:40 Muzokaralar | Discussions
- 16:40-16:50 Niyazova Salomat Saparovna
Toshkent davlat yuridik universiteti, yuridik fanlar doktori, professor | Tashkent State Law University, Doctor of Law, Professor
- 16:50-17:10 Kozubenko Yuriy Vyacheslavovich
Rossiya Federatsiyasi Ural davlat yuridik universiteti Xalqaro hamkorlik boshqarmasi boshlig'i, yu.f.n., professor | Head of the Department of International Cooperation, Ural State Law University of the Russian Federation, PhD in Law, Professor
- Mayorov Andrey Vladimirovich
Rossiya Federatsiyasi Ural davlat yuridik universiteti rektori, yuridik fanlar doktori, dotsent | Ural State Law University of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor
- 17:10-17:20 Naumov Stanislav Sergeyevich
Rossiya Federatsiyasi IIVning O'zbekistondagi vakolatxonasi rahbari, general-mayor | Head of the Russian Ministry of Internal Affairs' Office in Uzbekistan, Major General
- 17:20-17:50 Ikki tomonlama hamkorlik o'rnatish yuzasidan Memorandum imzolash marosimi | On establishing bilateral cooperation Memorandum Signing Ceremony
- Rossiya Federatsiyasi Ichki ishlar vazirligining Butunrossiya ilmiy-tadqiqot instituti federal davlat muassasasi | Federal State Institution "All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation"
 - Rossiya Federatsiyasi Ural davlat yuridik universiteti | Ural State Law University of the Russian Federation
 - Vengriyaning "Ludovika" Davlat xizmati universiteti Huquqni muhofaza qiluvchi organlar fakulteti | Hungarian University of Public Service "Ludovika" with the Faculty of Law Enforcement Agencies
 - Turkiya Milliy Politsiya Akademiyasi | Turkish National Police Academy
- 20:00-21:00 "Boqiy shahar" majmuasi kechki sayr | Evening walk in the "Eternal City" complex

2-KUN | DAY 2

- O'tkazish joyi | Venue "Hilton Samarkand Regency" 18.11.2025
- 10:00-10:10 BMTning Jinoyat va narkotiklar bo'yicha Markaziy Osiyo mintaqaviy boshqarmasi (UNODC) eksperti | Expert of the United Nations Regional Office on Drugs and Crime (UNODC) for Central Asia
- 10:10-10:20 Mironov Sergey Nikolayevich
Rossiya Federatsiyasi IIVning Kazan yuridik universiteti boshlig'i o'rinbosari, polkovnik, PhD | Deputy Head of the Kazan Law University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Colonel, PhD
- 10:20-10:30 Kalashnikov Igor Vladimirovich
Rossiya Federatsiyasi IIVning V.Ya. Kikot nomidagi Moskva universiteti | Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, PhD in Law, Associate Professor
- 10:30-10:40 Solovyev Vladislav Sergeyevich
Rossiya Federatsiyasi IIVning Krasnodar universiteti Ilmiy kengash kotibi | Secretary of Academic Council of Krasnodar University of MIA of the Russian Federation, Colonel
- 10:40-10:50 Filippov Pavel Aleksandrovich
M.V.Lomonosov nomidagi Moskva davlat universiteti Jinoyat huquqi va kriminologiya fakulteti professori | Professor, Faculty of Criminal Law and Criminology, Lomonosov Moscow State University
- 10:50-11:00 Qozog'iston Respublikasi IIVning B.Beysenov nomidagi Qarag'anda Akademiyasi vakili | Representative of the B. Beisenov Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan
- 11:00-11:10 Sharafutdinov Alisher Ozatovich
O'zbekiston Respublikasi Kriminologiya tadqiqot instituti yetakchi ilmiy xodimi | Leading Researcher of the Research Institute of Criminology of Uzbekistan
- 11:30-11:40 Yakubov Uchqun Maxmarasulovich
Samarqand viloyati IIB boshlig'i o'rinbosari | Deputy Head of the Samarkand Regional Department of Internal Affairs
- 11:40-11:50 Berdialiyev Baxtiyor Erkinovich
Forumni yakuni bo'yicha nutqi. Kriminologiya tadqiqot instituti boshlig'i | Closing speech of the Forum. Head of the Research Institute of Criminology, PhD in Law
- 11:50-12:00 O'zbekiston Respublikasi Ichki ishlar vazirligi rahbariyatining Forumni yopish marosimidagi nutqi | Speech by the leadership of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan at the closing ceremony of the Forum
- 15:00-20:00 Samarqand shahrining diqqatga sazovor joylariga tashrif
Visit to the sights of Samarkand city

Tashpulatov Aziz Anvarovich
O'zbekiston Respublikasi Ichki ishlar vaziri,
general-leytenant
*Minister of internal affairs of the Republic of Uzbekistan,
Lieutenant General*

Assalomu alaykum, hurmatli anjuman ishtirokchilari!

Avvalo, barchangizni bugungi “Jahon kriminologiyasining ilg'or tajribalari” mavzusida O'zbekistonda ikkinchi bor o'tkazilayotgan xalqaro forumda ko'rib turganimdan bag'oyat mamnunman.

Qadimiy va hamisha navqiron Samarqand zaminiga xush kelibsiz!

Fursatdan foydalanib, forum ishtirokchilarining barchasiga qimmatli vaqtlarini ayamadan kelganliklari uchun o'zimning samimiy minnatdorigimni bildiraman. O'ylaymanki, bugungi forum ishtirokchilari o'z chiqishlarida ilgari suradigan fikr va takliflar kelgusida xalqaro hamkorlikni mustahkamlashga, eng asosiysi, transmilliy jinoyatlarga qarshi kurashishga, global jamoat xavfsizligini ta'minlashga xizmat qiladi.

Hurmatli forum qatnashchilari,

Barchangizga yaxshi ma'lumki, bugungi kunda O'zbekistonda Prezidentimiz, hurmatli Shavkat Miromonovich Mirziyoyev rahbarligida Yangi O'zbekistonni barpo etish borasida izchil islohotlar amalga oshirilmoqda. Yangi O'zbekistonning tanlagan yo'li – dunyo mamlakatlari bilan ochiq tashqi siyosat tamoyili asosida, o'zaro hamjihatlik va hurmat, yaqin qo'shnichilik va strategik sheriklik ruhida amaliy hamkorlikni mustahkamlash va, albatta, O'zbekiston xalqiga munosib turmush sharoitlarini yaratishdan iborat.

Yangi O'zbekistonning tanlagan yo'li va olib borayotgan siyosatining mazmun-mohiyati joriy yilning 23-sentyabr kuni Nyu-York shahrida o'tkazilgan BMTning 80-yubiley sessiyasi hamda kuni kecha Samarqand shahrida bo'lib o'tgan YUNESKO bosh konferensiyasining 43-sessiyasida Davlatimiz rahbarining ma'ruzalarida o'z ifodasini topgan.

Bugungi Forum ham O'zbekiston Respublikasi Prezidentining “Kriminologiya sohasida ilmiy-amaliy tadqiqotlarni tashkil etish to'g'risida”gi qarori asosida, Vazirlar Mahkamasining Ichki ishlar vazirligi bilan hamkorligida tashkil etilmoqda. Ushbu forum jinoyatchilikka qarshi kurashishda ilmiy yondashuvlar, texnologiyalar va xalqaro hamkorlikni yanada kengaytirish, bu sohadagi eng so'nggi yutuqlar bilan o'zaro o'rtoqlashish imkonini yaratadigan betakror platforma bo'lishiga ishonaman.

Sizlarning ishtirokingiz nafaqat mamlakatlarimiz o'rtasidagi do'stlik va ishonch ramzi, balki xavfsiz va barqaror jamiyatni barpo etish yo'lidagi umumiy sa'y-harakatlarimizning yorqin ifodasidir. Hozirgi globallashuv sharoitida jinoyatchilik turlari tez o'zgarib borayotgan bir paytda, faqat bir

mamlakatning ichki imkoniyatlari bilan cheklanib qolish mumkin emas. Kiberjinoyatchilik, transmilliy uyushgan jinoyatlar, terroristik tahdidlar – bularning barchasi davlatlarimizdan birgalikdagi yechimlarni taqozo etadi.

Respublikamizda kuzatilayotgan jinoyatchilik tendensiyalarini tahlil va prognoz qilish, jinoyatchilik omillarini ilmiy diagnoz qilish, shuningdek, ilmiy tadqiqotlarni huquq-tartibot amaliyotidagi muammolarning manzilli hal etilishiga yo'naltirish mexanizmlarini tubdan isloh qilish maqsadida keng ko'lamli islohotlar amalga oshirilmoqda.

Muhtaram Prezidentimiz ta'kidlaganlaridek, *“jinoyat oqibatlari bilan kurashishni emas, balki jinoyatchilikning asl omillarini aniqlash va o'z vaqtida bartaraf etish orqali uning barvaqt oldini olishni ustuvor maqsadga aylantirish”* huquq-tartibot idoralari oldidagi dolzarb vazifalardan biridir.

Shu maqsadda, O'zbekiston Respublikasi Prezidentining bevosita tashabbusi hamda 2024-yil 15-yanvardagi “Jamoat xavfsizligini ta'minlash va jinoyatchilikka qarshi kurashish sohasini ilmiy tadqiq qilish faoliyatini sifat jihatidan yangi bosqichga ko'tarish chora-tadbirlari to'g'risida”gi farmon asosida O'zbekiston Respublikasi Kriminologiya tadqiqot instituti tashkil etildi.

Kriminologiya tadqiqot instituti *Markaziy Osiyoda* jinoyatchilikka qarshi kurashish va uning oldini olish faoliyatini ilmiy tadqiq qilishga ixtisoslashgan yagona institut bo'lib, kriminologik tadqiqotlar o'tkazish orqali jinoyatchilikka qarshi kurashish hamda uning oldini olishning kompleks chora-tadbirlarini amalga oshirish bo'yicha maxsus vakolatlarga ega.

Shu bois bugungi uchrashuv tajriba almashish, ilmiy tadqiqotlarga asoslangan strategiyalarni muhokama qilish, jinoyatchilikning oldini olish va xavfsizlikni ta'minlashda samaradorlikni oshirish yo'lida qo'llanilayotgan innovatsion usullarni o'rganish uchun juda muhimdir. Biz jamiyat xavfsizligini mustahkamlash, inson huquqlarini himoya qilish va huquqiy madaniyatni oshirish borasida o'z zimmamizga olgan mas'uliyatni juda yaxshi anglaymiz.

Men ishonamanki, forum davomida olib boriladigan ochiq muloqotlar, muhokamalar va o'zaro manfaatli tashabbuslar umumiy maqsadlarimizga erishishda yangi sarhadlarni ochadi. Har biringizning faol ishtirokingiz, bildirgan fikr va takliflaringiz ushbu tadbirning amaliy ahamiyatini yanada oshiradi.

Bugungi kunda jinoyatchilik va xavfsizlikka doir tashvishlar global darajada kengayib bormoqda. Zamonaviy jinoyatchilik faqatgina mahalliy hududlarda sodir bo'lmay, transmilliy darajada rivojlanib, raqamli va kiber fazoda yangi tahdidlar tug'dirayotganini alohida qayd etish lozim. Shu bois, kriminologiya fanining ilg'or yutuqlarini o'rganish, amaliyotga joriy etish va ularni mahalliy sharoitga moslashtirish borasida xalqaro hamkorlik biz uchun har doimgidan-da zarur.

O'zbekistonda ham ichki ishlar sohasida keng ko'lamli islohotlar amalga oshirilmoqda. Xususan, ichki ishlar organlari faoliyatini zamon talablariga moslashtirish, jinoyatchilikning oldini olishda profilaktika yo'nalishini kuchaytirish, jinoyat sodir bo'lgan holatlarni tahlillar asosda o'rganish va raqamli texnologiyalardan foydalanish keng yo'lga qo'yilmoqda. Masalan, jinoyatlar statistikasi va manzillarini ilmiy asosda prognoz qilish, ochiq ma'lumotlar bilan jamoatchilik nazoratini ta'minlash kabi jarayonlar yo'lga qo'yilgan.

Shuningdek, O'zbekistonda jinoyat sodir etgan shaxslarni qayta ijtimoiylashtirish, jazoni jamiyatda o'tash imkoniyatlarini kengaytirish, maslahat va kasb-hunarlariga yo'naltirishni ta'minlash choralari ko'rilmogda. Bu – faqat jazo emas, balki shaxslarni ijtimoiy faollikka qaytarishga qaratilgan yondashuvdir.

Bugungi forumda sizlar bilan jinoyatchilikka qarshi zamonaviy profilaktika usullari, raqamli tahlil vositalari, jinoyatchilarni rehabilitatsiya qilishning zamonaviy modellari, yoshlar jinoyatchiligining oldini olish kabi muhim mavzularni muhokama qilish rejalashtirilgan.

Hurmatli forum ishtirokchilari!

Bugungi muloqot barchamiz uchun katta ahamiyatga ega. Zero jahon kriminologiyasining ilg'or tajribalarini o'rganish bu yo'nalishda milliy modellarimizni yanada takomillashtirish imkonini beradi.

Adolat ustuvor bo'lgan, xavfsizlik kafolatlangan, inson qadr-qimmatini himoya qilingan jamiyat – bizning eng oliy maqsadimiz.

Sizlarning faol ishtirokingiz, ilmiy va amaliy takliflaringiz ushbu maqsadga erishishga beqiyos hissa qo'shishiga ishonaman. Zero, zamonaviy tahdidlar va xavf-xatarlar borasida doimiy muloqot o'rnatish, ularga qarshi kurashish bo'yicha eng samarali usullar yuzasidan o'zaro tajriba almashish har qachongidan ham muhimdir.

Barchangizga forum ishida omad tilayman!

E'tiboringiz uchun rahmat!

Assalomu alaykum, respected participants of the conference!

First of all, I am truly pleased to see all of you at today's international forum — “Advanced Practices in Global Criminology,” which is being held for the second time in Uzbekistan.

Welcome to the ancient yet eternally young land of Samarkand!

Taking this opportunity, I would like to express my sincere gratitude to all forum participants for finding the time to attend. I am confident that the ideas and proposals put forward in your speeches today will contribute to strengthening international cooperation and, most importantly, to the global fight against transnational crime and the promotion of public safety around the world.

Dear participants,

As you are all aware, today, under the leadership of our President, His Excellency Shavkat Mirziyoyev, Uzbekistan is implementing consistent reforms aimed at building a *New Uzbekistan*.

The path chosen by New Uzbekistan is based on an open foreign policy, strengthening practical cooperation in a spirit of mutual respect, good neighborliness, and strategic partnership — all while creating decent living conditions for the people of Uzbekistan.

The essence of this policy was vividly reflected in the speeches of our President delivered at the 80th Anniversary Session of the United Nations in New York on September 23 of this year, and at the 43rd Session of the UNESCO General Conference held recently here in Samarkand.

Today's Forum is being held in accordance with the Presidential Resolution *“On the Organization of Scientific and Practical Research in the Field of Criminology”*, jointly organized by the Cabinet of Ministers and the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan.

I firmly believe that this forum will serve as a unique platform for expanding scientific approaches, technologies, and international cooperation in combating crime, as well as for sharing the latest global achievements in this field.

Your participation today is not only a symbol of friendship and mutual trust between our nations, but also a reflection of our shared commitment to building a safe and sustainable society.

In this era of globalization, when the forms of crime are rapidly evolving, no country can rely solely on its internal capacities. Cybercrime, transnational organized crime, and terrorist threats — all of these demand joint solutions from our states.

In our country, large-scale reforms are underway to analyze and forecast crime trends, identify criminogenic factors, and reform mechanisms for applying research findings to address practical issues in law enforcement.

As our esteemed President has emphasized, *“We must prioritize not only fighting the consequences of crime but identifying and addressing its root causes in a timely manner to ensure effective prevention”*.

In line with this vision, under the direct initiative of the President, the Decree of January 15, 2024, *“On Measures to Qualitatively Enhance Scientific Research in the Field of Public Security and Combating Crime”* established the Criminology Research Institute of the Republic of Uzbekistan.

This Institute is the only specialized research institution in Central Asia focused on the scientific study of crime prevention and control. It is empowered to develop and implement comprehensive measures to combat and prevent crime through criminological research.

Therefore, today's meeting is of great importance for exchanging experience, discussing evidence-based strategies, and learning about innovative methods to improve the effectiveness of crime prevention and ensure public safety.

We are fully aware of our responsibility to strengthen public security, protect human rights, and enhance legal awareness in society.

I am confident that the open discussions and mutually beneficial initiatives during this forum will open new horizons for achieving our common goals. Your active participation, insights, and proposals will significantly enhance the practical value of this event.

Today, concerns about crime and security are expanding on a global scale. Modern crime no longer occurs only within local boundaries — it is developing transnationally, manifesting in the digital and cyber spheres, creating new threats.

Therefore, studying the best practices of criminology, applying them in practice, and adapting them to local contexts through international cooperation is more essential than ever.

In Uzbekistan, large-scale reforms are also being implemented in the internal affairs system. In particular, the activities of law enforcement bodies are being aligned with modern requirements by strengthening crime prevention, conducting analytical studies based on data, and actively using digital technologies.

For example, we are introducing methods for forecasting crime statistics and locations scientifically, and ensuring public oversight through open data.

Furthermore, Uzbekistan is taking measures to reintegrate individuals who have committed crimes back into society, expanding opportunities for serving sentences within communities, and providing counseling and vocational guidance. This approach focuses not only on punishment, but on rehabilitation and social reintegration.

At today's forum, we plan to discuss key topics such as modern methods of crime prevention, digital analysis tools, models for offender rehabilitation, and strategies for preventing youth crime.

Dear forum participants,

Today's dialogue is of great importance to all of us. Learning from the best global practices in criminology will help us further improve our national models in this field.

A society where justice prevails, safety is guaranteed, and human dignity is protected — this is our ultimate goal.

I am confident that your active participation and valuable scientific and practical proposals will make an invaluable contribution toward achieving this goal. Indeed, maintaining constant dialogue about modern threats and sharing the most effective countermeasures has never been more important.

I wish all of you great success in your work at this forum.

Thank you for your attention!

Berdialiye Baxtiyor Erkinovich

*O'zbekiston Respublikasi Kriminologiya tadqiqot instituti boshlig'i,
yuridik fanlar bo'yicha falsafa doktori*

*Head of the Criminology Research Institute of Uzbekistan,
Doctor of Philosophy in Law*

Assalomu alaykum xonimlar va janoblar!

Hurmatli hamkasblar, mehmonlar, xalqaro tashkilotlar va akademik doira vakillari!

Barchangizni ushbu anjumanda ko'rib turganimdan bag'oyat xursandman, xush kelibsiz!

Sizlarni *“Jahon kriminologiyasining ilg'or tajribalari”* mavzusidagi ikkinchi xalqaro forumda qutlar ekanman, O'zbekiston Respublikasi Kriminologiya tadqiqot instituti nomidan samimiy tilaklarimni izhor etaman.

Bugungi anjumanimiz — jinoyatchilikka qarshi kurashishda ilmiy-amaliy yondashuvlarni kengaytirish, axborot va tajriba almashish, hamkorlikni yangi bosqichga ko'tarish uchun benazir minbar, umumiy maqsadlarimizga xizmat qiladigan ishonchli dialog maydonidir. Bu yerda bildirilgan har bir fikr, har bir taklif — xavfsiz va adolatli jamiyat qurishda mustahkam poydevor bo'lishiga hech qanday shubha yo'q. Davlatlarimiz va institutlarimiz o'rtasidagi bunday ochiq muloqot transmilliy tahdidlar oldida birlashish, qonun ustuvorligini ta'minlash va inson qadrini yuksaltirishdagi harakatlarimizni yanada mustahkamlaydi.

Hurmatli tadbir ishtirokchilari, muhtaram Vazirimiz o'z ma'ruzalarida jinoyatchilikka qarshi kurashda O'zbekiston davlatining tutgan yo'li, olib borayotgan siyosati va bu borada amalga oshirayotgan islohotlarga atroflicha to'xtaldilar. Men, avvalo, O'zbekiston Respublikasi Kriminologiya tadqiqot instituti rahbari sifatida, Institutimizning maqomi va missiyasi haqida to'xtalib o'tsam.

Kriminologik faoliyatni ilmiy va ekspertlik jihatdan ta'minlashga ixtisoslashgan mazkur Institut Ichki ishlar vazirligi tashkiliy tuzilmasiga kiradi, shu bilan birga Hukumatga bevosita hisobdor bo'lgan respublika ilmiy-tadqiqot muassasasidir. Boshqacha aytganda, biz amaliyotga yaqin tuzilma sifatida ichki ishlar tizimining kundalik ehtiyojlarini chuqur anglaymiz, bir vaqtning o'zida davlat darajasida siyosiy-strategik qaror qabul qilish uchun zarur bo'lgan xolis, dalillarga asoslangan tahlil va tavsiyalarni tayyorlaymiz. Bir so'z bilan aytganda, Institutni mamlakatimizda jinoyatchilikka qarshi kurash siyosatining *“ilmiy qo'mondonlik punkti”*, deyish mumkin.

Institut o'z faoliyatini boshlaganidan beri ko'p vaqt o'tmagan bo'lsa-da, qisqa fursat ichida institutlashuv jarayonlari yakunlandi. Aniq vakolat hamda katta mas'uliyat bilan ustuvor yo'nalishlar belgilab olindi, ilmiy dasturlar ishga tushirildi va ularning natijalarini amaliyotga tatbiq etishning uzluksiz mexanizmi shakllantirildi. Bugun Institut faqat tadqiqot maskani emas, balki idoralararo muvofiqlashtirish, ma'lumotlar almashuvi, siyosatni baholash va takomillashtirish bo'yicha milliy ekspertlik markazi sifatida ham ishlamoqda. Shu orqali biz profilaktikadan tortib jazoni ijro etish tizimigacha bo'lgan barcha bo'g'inlarda dalillarga asoslangan yondashuvni qaror toptirish, hududiy darajada manzilli yechimlar ishlab chiqish va xalqaro tajribani milliy sharoitga sog'lom tarzda moslashtirishni ta'minlayapmiz.

Shu o'rinda ta'kidlashni istardim: Institutning missiyasi – raqamlar yig'indisi yoki nazariy xulosalar bilan cheklanib qolmasdan, har bir tadqiqotni amaliyotda qo'llash, har bir tavsiyani ijroga olib chiqishdir. Bu – jamoat xavfsizligi va qonun ustuvorligiga qaratilgan barqaror, tizimli va hisobdor yondashuvdir.

Bugun Institut shaxsiy tarkibining 56 foizini ilmiy daraja va unvonga ega mutaxassislar tashkil etadi. Ularning 6 foizi fan doktori (DSc), 43 foizi falsafa doktori (PhD) bo'lib, 15 foizi professor-dotsentlardan iborat. Bu salohiyat bizga tezkor tahlil, chuqur tadqiqot va amaliy qarorlarni ilmiy asoslash imkonini beradi.

Ayni paytda, Institutda respublikamizda jinoyatchilik tendensiyalari, omillari va mahalla jinoyatchiligini tadqiq qilish, shuningdek, MDH va Osiyo davlatlari, Yevropa va boshqa xorijiy davlatlar jinoyatchiligini o'rganishga ixtisoslashgan uchta markaz faoliyat yuritmoqda. Shuningdek, tashkiliy, xalqaro hamkorlik, kadrlar, axborot-texnologiyalar, moliya-moddiy ta'minot, tahririy-noshirlik va axborot-resurs bo'linmalari hamda ilmiy-ishlab chiqarish laboratoriyasi faoliyatimizni kompleks tarzda qo'llab-quvvatlaydi.

Institut qoshida *“O'zbekiston Respublikasi Kriminologiya kengashi”* va *“Xalqaro ekspertlar kengashi”* tuzilgan, bu kengashlar mamlakatimizda jinoyatchilikka qarshi kurashish va uning oldini olish borasidagi muhim ilmiy ishlanmalarni muhokama qilinadi va manzilli amaliy choralarni shakllantiradi.

Asosiy maqsadimiz – jinoyatchilikning salbiy tendensiya va omillarini kompleks ilmiy o'rganish, ularni bartaraf etish orqali barvaqt profilaktik tizimni ilmiy, uslubiy, huquqiy va tashkiliy-amaliy jihatdan ta'minlashdir.

Shu o'rinda, o'tgan qisqa fursatda qo'lga kiritilgan natijalarga to'xtalsam. O'zbekistonda ilk bor jinoyatchilik omillariga to'liq ilmiy diagnoz qo'yildi va har chorak yakunida *“Jinoyatchilik tendensiyalari va omillari davlat hisobotlari”* tayyorlanib, 25 dan ortiq mas'ul tuzilma, 14 hudud va 208 shahar-tuman ichki ishlar organlariga yuborilyapti. Bu hisobotlar faqat raqamlar to'plami emas, balki boshqaruv qarorlarini ilmiy asoslashga xizmat qiladigan analitik hujjatlardir. Istiqbolli tadqiqotlar doirasida ma'muriy-hududiy loyihalardan tortib, idoralar buyurtmasiga asosan korrupsiya profilaktikasi, o'g'rilik tipologiyasi, masofaviy nazoratning apparat-dasturiy komplekslari, shuningdek, dipfeyk texnologiyalari orqali huquqbuzarliklarni aniqlashga qaratilgan dasturiy yechimlar ishlab chiqilmoqda. Loyihalarga 60 dan ortiq vazirlik va idoralarning yetakchi mutaxassislari hamkor sifatida jalb etilgani – “bir tizim” tamoyilining amaldagi ifodasidir.

2024-yil yakunida *“Kriminologiya tadqiqotlar davlat hisoboti”*da 45 ta ilmiy ta'rif tizimlashtirildi, 15 ta ilmiy-amaliy taklif ishlab chiqildi, 12 ta ilmiy anjuman natijalari ilova qilindi, 9 ta dissertatsiya ishi doirasidagi tavsiyalarning amaliyotga joriy etilishi baholandi, 7 turdagi jinoyatning kriminologik tavsifi yaratildi. Yuqori darajadagi boshqaruv organlariga 20 dan ortiq, hududiy va sektorlararo darajadagi organlarga 30 dan ortiq axborot-tahliliy hujjat taqdim etildi, jami 100 dan ziyod ilmiy asoslangan taklif kiritildi. Shuningdek, Ichki ishlar tizimi uchun xalqaro reyting va indekslar bilan samarali ishlashni muvofiqlashtirish vazifasi Institutimizga yuklatilgan.

Ilmiy faoliyat yo'nalishida tuzilgan to'rt ixtisoslik bo'yicha doktorlik dissertatsiyasi kengashlari – Kriminologiya (12.00.15), Huquqbuzarliklar profilaktikasi va jamoat xavfsizligi, probatsiya (12.00.14), Jinoyat va jinoyat ijroiya huquqi (12.00.08) hamda Kiberxavfsizlik, kiberjinoyatchilik (05.01.12) – soha uchun ilmiy kadrlar tayyorlashning institutsional poydevorini mustahkamlamoqda. 55 nafar mustaqil izlanuvchi qabul qilindi. Beshta respublika miqyosidagi konferensiya va bitta xalqaro forum yuqori saviyada o'tkazildi. OAK bilan hamkorlikda 1992–2024-yillarda himoya qilingan barcha yuridik dissertatsiyalar tahlil qilinmoqda. Ilmiy natijalarni tarqatish uchun “Kriminologik faoliyat” milliy va “Kriminologiya” xalqaro jurnallari davriy chop etilmoqda. Har chorak ijtimoiy so'rovlar orqali

hududlardagi salbiy tendensiyalar monitoringi yo'lga qo'yilgan; javobgar organlarga manzilli tavsiyalar berib boramiz. Institut rasmiy veb-sayti – www.kti.iiv.uz ishga tushirildi; ish hujjatlarining elektron aylanmasi yo'lga qo'yildi.

Mahalladagi jinoyatchilikni izchil o'rganish uchun maxsus markaz faoliyat boshladi. “Mahalla yettiligi” va hududiy IIBlari bilan birgalikda har bir mahalla kesimida ilmiy diagnoz qo'yilib, individual “yo'l xaritalari” tayyorlandi. O'g'rilik, firibgarlik, badanga shikast yetkazish jinoyatlarini oldini olish bo'yicha yangi avlod hudud metodikalari, shuningdek *“Ijtimoiy profilaktika faoliyatini tashkil etish asoslari”* metodikasi ishlab chiqildi. Maktablarning 9–11-sinf o'quvchilari uchun *“Jinoyatsiz hayot – ma'rifatli avlod qo'lida”* dasturi orqali huquqiy madaniyat va profilaktika bo'yicha zamonaviy yondashuvlar joriy etilyapti.

Ilmiy-ishlab chiqarish laboratoriyamiz amaliyotga yo'naltirilgan innovatsiya markazidir. Davlat buyurtmasi asosida uy qamog'i va ozodlikni cheklash jazosidagi shaxslarni masofaviy nazorat qilishga xizmat qiluvchi elektron braslet tayyorlandi. Shu bilan birga, xizmatchini xatardan himoya qiluvchi yengil “pichoqqa qarshi qalqon”, yo'l harakati xavfsizligi uchun “robot YPX xodimi”, emotsional holatni boshqarishga yordam beruvchi “tinchlantiruvchi soat”, portativ “yolg'onni aniqlovchi qurilma”, haydovchining uyqusini aniqlab ogohlantiruvchi “anti-halokat” tizimi, jamoatchilik ishtirokini oshiradigan “bezori haydovchi” platformasi, tergovchiga moslashgan “voqea joyi chizmasi” elektron dasturi, huquq-tartibot xodimlari uchun “tarjimon ruchka”, YTH bo'yicha tezkor “onlayn xulosa” platformasi va ichki turizm xavfsizligi uchun “Xavfsiz sayohat” uskunasi ustida ish ketmoqda.

Xalqaro hamkorlik – faoliyatimizning ajralmas qismi. 2024-yil 28–31-oktyabr kunlari “Jahon kriminologiyasining ilg'or tajribalari” mavzusidagi birinchi xalqaro forumga 10 ta xorijiy davlat tashkilotlari, 5 ta xalqaro tuzilma va 10 ga yaqin mahalliy ilmiy-ta'lim muassasasi vakillarini jamladik.

Koreya Kriminologiya va adliya instituti, Xitoyning Xeyfey ilmiy-tadqiqot markazi, Vengriya Milliy kriminologiya instituti, Hindiston IIV huzuridagi Milliy kriminologiya va sud ekspertizasi instituti, Rossiyaning Jinoyat huquqi va kriminologiya tahlil markazi, Belarus IIV Akademiyasi bilan memorandumlar imzolandi. Yana 15 ga yaqin xorijiy-xalqaro institutlar bilan muzokaralar olib borilmoqda.

Institutimiz MDH Ichki ishlar vazirlari kengashi huzuridagi ilmiy-maslahat kengashining doimiy a'zoliciga qabul qilindi. Giyohvandlik jinoyatchiligi bo'yicha Vengriya, sun'iy intellekt yondashuvlari bo'yicha Hindiston, kadrlar tayyorlash va malaka oshirish bo'yicha Qatar bilan amaliy yo'nalishda ishlayapmiz. KOICA, TİKA va GIZ bilan ham hamkorlik doiralari kengaymoqda.

Hurmatli anjuman ishtirokchilari!

Institut sifatida biz quyidagi tamoyillarga tayanamiz: *profilaktika – birinchi o'rinda; ilm – qaror qabul qilishning asosi; jamoatchilik – hamkor; xalqaro tajriba – tezkor innovatsiyalarning drayveri.*

Bugun sizlarni quyidagi tashabbuslarga sheriklikka chorlayman: ma'lumotlar almashinuvi va qo'shma tahlil platformalarini yo'lga qo'yish; mahalla darajasida pilot loyihalarni o'tkazish; yoshlar jinoyatchiligi, kiberjinoyatchilik va uyushgan jinoyatlarga qarshi qo'shma tadqiqotlar olib borish; amaliyotga tatbiq etiladigan dasturiy-texnik yechimlarni birgalikda yaratish.

Institutimiz ochiq: ilmiy izlanuvchilar, amaliy xizmatlar, fuqarolik jamiyati va biznes bilan hamkorlikka tayyormiz. Bugungi forum natijalari asosida ishchi guruhlar tashkil qilib, manzilli “yo'l xaritalari”ni birga tayyorlashga tayyormiz.

So'zimni yakunlar ekanman, barchangizga samimiy minnatdorchilik bildiraman. Adolat ustuvor bo'lgan, inson qadri himoya qilingan va xavfsizlik kafolatlangan jamiyat – bizning umumiy maqsadimiz. Birgalikdagi mehnat, ilmiy hamkorlik va amaliy natijalar orqali bu maqsadga albatta yetamiz.

E'tiboringiz uchun rahmat!

Ladies and Gentlemen!

Dear colleagues, guests, and representatives of international organizations and the academic community!

I am delighted to welcome you all to the Second International Forum on “*Advanced Practices in World Criminology*.” I extend my sincere regards on behalf of the Criminology Research Institute of the Republic of Uzbekistan.

Today's event is a unique platform for broadening scientific-practical approaches to combating crime, exchanging information and experience, and elevating cooperation to a new stage – a reliable venue for dialogue that serves our common goals. There is no doubt that every idea and proposal voiced here will help lay a solid foundation for building a safe and just society. Such open dialogue among our states and institutions strengthens our unity in the face of transnational threats, upholds the rule of law, and advances human dignity.

Distinguished participants, our Honorable Minister has comprehensively outlined Uzbekistan's path in combating crime, the policies pursued, and the reforms being implemented. As the Head of the Criminology Research Institute, allow me to highlight the Institute's status and mission.

Specialized in providing scientific and expert support to criminological activity, our Institute is part of the organizational structure of the Ministry of Internal Affairs and, at the same time, a national research institution directly accountable to the Government. As a practice-proximate body, we understand the day-to-day needs of the internal affairs system while preparing impartial, evidence-based analyses and recommendations for policy and strategic decision-making at the state level. In short, the Institute may be described as the country's “*scientific command center*” for crime-control policy.

Although not much time has passed since the Institute began its work, we rapidly completed institutionalization processes. With clear mandates and high responsibility, we defined priority areas, launched research programs, and established a continuous mechanism for translating their results into practice. Today, the Institute is not only a research hub; it also functions as a national expert center for interagency coordination, information exchange, policy evaluation, and policy improvement. Through this, we are entrenching evidence-based approaches across all links – from prevention to the penal system – developing targeted solutions at the regional level, and responsibly adapting international best practices to national conditions.

Let me emphasize: the Institute's mission is not confined to aggregating figures or drawing theoretical conclusions; it is to apply every study in practice and to carry every recommendation through to implementation. This is a stable, systematic, and accountable approach aimed at public safety and the rule of law.

Today, 56 percent of our staff hold academic degrees and titles: 6 percent are Doctors of Science (DSc), 43 percent are Doctors of Philosophy (PhD), and 15 percent are professors or associate professors. This capacity enables rapid analysis, deep research, and the scientific substantiation of practical decisions.

At present, three centers operate within the Institute, specializing in: (1) nationwide crime trends, factors, and neighborhood-level (mahalla) criminality in Uzbekistan; (2) crime in CIS and Asian countries; and (3) crime in Europe and other foreign countries. Organizational, international cooperation, human resources, information-technology, finance and logistics, editorial-publishing, and information-resource divisions, along with a research-and-production laboratory, provide comprehensive support for our activities.

A Criminology Council of the Republic of Uzbekistan and an International Council of Experts have been established under the Institute. These councils discuss major research developments in combating and preventing crime and shape targeted practical measures.

Our primary objective is to conduct a comprehensive scientific study of negative crime trends and factors and – by addressing them – to provide scientific, methodological, legal, and organizational-practical support for early prevention.

Allow me to briefly highlight results achieved in a short time. For the first time in Uzbekistan, a full scientific diagnosis of crime factors has been produced, and at the end of each quarter, *National Reports on Crime Trends and Factors* are prepared and sent to more than 25 responsible bodies, 14 regions, and 208 district and city internal affairs departments. These reports are not mere collections of numbers; they are analytical documents that scientifically ground managerial decisions. In forward-looking projects – ranging from administrative-territorial initiatives to agency-commissioned work – we are developing solutions on corruption prevention, theft typologies, hardware-software complexes for remote monitoring, and tools for detecting offenses involving deepfake technologies. Over 60 ministries and agencies' leading specialists are engaged as partners – an embodiment of the “single-system” principle.

By the end of 2024, our *State Report on Criminology Research* systematized 45 scientific definitions, developed 15 scientific-practical proposals, included the outcomes of 12 scientific conferences, evaluated the implementation of recommendations from 9 dissertations, and produced criminological profiles of 7 types of crimes. We submitted more than 20 information-analytical documents to high-level governing bodies and over 30 at regional and cross-sectoral levels – over 100 evidence-based proposals in total. In addition, our Institute has been tasked with coordinating effective engagement with international ratings and indices for the internal affairs system.

In the academic sphere, four doctoral dissertation councils have been established – on criminology (12.00.15); prevention of offenses, public safety, and probation (12.00.14); criminal law and penal law (12.00.08); and cybersecurity and cybercrime (05.01.12) – thus reinforcing the institutional foundation for training scientific personnel. Fifty-five independent researchers have been admitted. We have held five nationwide conferences and one international forum. Together with the Higher Attestation Commission, we are analyzing all legal dissertations defended between 1992 and 2024. To disseminate research outcomes, the national journal *Criminological Activity* and the international journal *Criminology* are published regularly. Each quarter we conduct public opinion surveys to monitor negative trends across regions and provide targeted recommendations. The Institute's official website, www.kti.iiv.uz, has been launched, and electronic document workflow has been introduced.

A special center has begun operating to systematically study crime at the mahalla (neighborhood) level. Together with the “Mahalla Seven” system and district internal affairs departments, we have produced scientific diagnoses for each mahalla and prepared individual road maps. We have developed new-generation territorial methodologies to prevent theft, fraud, and intentional bodily injury, as well as the methodology “*Fundamentals of Organizing Social Prevention Activities*”. For students in grades 9-11, the program “*A Life without Crime – In the Hands of an Enlightened Generation*” is introducing modern approaches to legal culture and prevention.

Our research-and-production laboratory is a practice-oriented innovation hub. By state order, we have developed an electronic bracelet for remote monitoring of persons under house arrest and restricted liberty. In addition, we are working on: a lightweight anti-knife shield to protect personnel; a robot traffic officer for road safety; a calming watch that helps regulate emotional states; a portable

lie-detection device; an anti-accident system that detects driver drowsiness and issues warnings; a “Vigilant driver” public reporting platform to increase public participation; an electronic crime-scene sketch program tailored for investigators; a translator pen for law-enforcement officers; a rapid *online-conclusion* platform for traffic accidents; and Safe Travel equipment to improve security in domestic tourism. Each project directly serves safety and prevention.

International cooperation is an integral part of our work. On 28-31 October 2024, our first international forum on “Advanced Practices in World Criminology” brought together representatives of 10 foreign state organizations, 5 international bodies, and nearly 10 domestic academic institutions. We signed memorandums with the Korea Institute of Criminology and Justice, China's Hefei Research Center, Hungary's National Institute of Criminology, India's National Institute of Criminology and Forensic Science under the Ministry of Home Affairs, Russia's Center for Criminal Law and Criminological Analysis, and the Academy of the Ministry of Internal Affairs of Belarus, and we are negotiating with about 15 more foreign and international institutes. Our Institute has been admitted as a permanent member of the Scientific Advisory Council under the CIS Council of Ministers of Internal Affairs. We are working with Hungary on drug-related crime, with India on AI approaches, and with Qatar on training and capacity building. Cooperation with KOICA, TIKA, and GIZ is expanding.

Esteemed participants, our work rests on four principles: *prevention first; science as the basis for decision-making; the public as a partner; and international experience as a driver of rapid innovation.*

I invite you to join these initiatives: establishing data-exchange and joint-analysis platforms; piloting projects at the mahalla level; conducting joint research on youth crime, cybercrime, and organized crime; and co-developing practical software and technical solutions.

Our Institute is open to cooperation – with researchers, operational services, civil society, and business. Based on the forum's outcomes, we are ready to form working groups and prepare targeted road maps together.

In conclusion, I express my sincere gratitude to all of you. A society where justice prevails, human dignity is protected, and security is guaranteed is our shared goal. Through joint effort, scientific cooperation, and practical results, we will certainly achieve it.

Thank you for your attention.

Ro'ziyev Xurshidbek Xasanovich
O'zbekiston Respublikasi Ichki ishlar vaziri maslahatchisi
Advisor to the Minister of Internal Affairs
of the Republic of Uzbekistan

YANGI O'ZBEKISTON: ISLOHOTLAR VA NATIJALAR

New Uzbekistan: Reforms and Results

Inson qadri, uning huquq va erkinliklari eng oliy qadriyat sanalgan yangi O'zbekistonda barcha sohalarida keng qamrovli islohotlar amalga oshirilmoqda. Davlatimiz rahbari tomonidan alohida ahamiyat qaratib kelinayotgan muhim masalalardan biri – yurtida tinchlik-osoyishtalik va fuqarolar xavfsizligini ta'minlash. O'zbekiston Respublikasi ichki ishlar tizimida olib borilayotgan islohotlarning tub mohiyati ham aynan ushbu masalaga qaratilgan

Mamlakatimizda 25-oktyabr – Ichki ishlar organlari xodimlari kuni sifatida qonun bilan belgilangan. Bu sana Vatanini sevgan, uning tinchligi, barqaror taraqqiyoti va farovonligi yo'lida xizmat qilayotgan har bir yurttdoshimiz uchun ham birday qadrlil bayram.

Kasb bayrami munosabati bilan Davlatimiz rahbarining xodimlar hamda faxriylarga yo'llagan bayram tabrigi hamda bir guruh hamkasblarimizning yuksak davlat mukofotlari bilan taqdirlanganligi, butun tizimga berilgan baho, bildirilgan katta ishonch va g'amxo'rlik ifodasi bo'lib, har bir xodim zimmasiga ulkan mas'uliyat ham yuklaydi, albatta.

Darhaqiqat, bugun tizimda faoliyat samaradorligini oshirish, jamoat tartibini saqlash, fuqarolar huquqlari, erkinliklari va qonuniy manfaatlarini ishonchli himoya qilishni ta'minlashda xodimlarning mas'uliyatini kuchaytirish borasidagi ishlar izchillik bilan olib borilmoqda.

So'nggi yillarda muhtaram Prezidentimizning bevosita tashabbuslari ostida ichki ishlar organlari tubdan isloh qilindi. Bugungi kunda ichki ishlar organlari xalq manfaatlariga xizmat qiluvchi, xalqchil tuzilmaga aylanib bormoqda. Shaxsiy tarkibning asosiy qismi quyi tizimlarga tushirilib, bevosita hududlarda, mahallalarning o'zida xizmat o'tamoqda.

Joylarda barcha huquq-tartibot idoralari va jamoatchilik, xususan “mahalla yettiligi”ning o'zaro hamjihatlikdagi faoliyati bu boradagi sa'y harakatlarda asosiy omil bo'lmoqda.

Oxirgi yillarda jinoyatchilikka qarshi kurashish, mahallalarda xavfsiz muhitni yaratish, jinoyat va huquqbuzarliklarning oldini olish borasidagi yondashuv tubdan o'zgardi.

Ayniqsa, O'zbekiston Respublikasi Prezidentining “2025-yilda respublika mahallalarida xavfsiz muhitni yaratish va huquqbuzarliklarning barvaqt oldini olish tizimi samaradorligini yanada oshirish bo'yicha chora-tadbirlar to'g'risida”gi qarori huquqni muhofaza qilish organlari faoliyatida dasturulamal bo'lib xizmat qilmoqda. Unda har bir mahallada huquqbuzarliklarning barvaqt oldini

olish barcha rahbarlar uchun ustuvor vazifa etib belgilandi. O'tgan yilgi tahlillariga ko'ra, kriminogen vaziyat og'ir deb topilgan 1 235 ta mahalla tuman-shahar rahbarlariga nomma-nom biriktirildi.

Qaror doirasida Farg'ona, Andijon, Namangan, Samarqand va Toshkent viloyatlarida 419 ta mahallani o'z ichiga olgan 84 ta "Mahalla huquq-tartibot maskani" faoliyati yo'lga qo'yildi.

Bundan ko'zlangan maqsad, ushbu maskanlarda xodimlarning xizmat samaradorligini oshirish, tezkorligini ta'minlab, fuqarolarning murojaatlari bilan ishlash tizimini takomillashtirishdan iborat.

Tizimdagi islohotlarning mantiqiy davomi sifatida 2025-yil 18-avgustda Davlatimiz rahbarining "O'zbekiston Respublikasi Prezidentining ayrim qarorlariga mahallalarda jinoyatchilikning barvaqt oldini olish tizimi natijadorligini yanada oshirishga qaratilgan o'zgartirish va qo'shimchalar kiritish to'g'risida"gi qarori qabul qilindi. Unda mahallalarda xavfsiz muhit yaratish bo'yicha tashkiliy-profilaktik tadbirlar samaradorligini yanada oshirish, ijtimoiy profilaktika tadbirlarini amalga oshiruvchi subyektlarning shaxsiy javobgarligini kuchaytirish, kriminogen vaziyati murakkab mahallalarda alohida yondashuv asosida manzilli ishlash mexanizmlarini joriy etishni ko'zda tutadi. Mazkur qaror bilan so'nggi besh yilda kriminogen vaziyati murakkab bo'lib qolayotgan mahallalarda jinoyatlarni jilovlash bo'yicha manzilli choralar konsepsiyasi tasdiqlandi.

Konsepsiya asosida har bir kriminogen vaziyati murakkab bo'lgan mahalla kesimida alohida har oylik "yo'l xaritasi" ishlab chiqildi. Mahallalarda kechayu kunduz kuch-vositalarining tezkor harakatlantirishini ta'minlash maqsadida 2 nafar profilaktika inspektori shtati kiritildi, 2 nafardan iborat patrul-post xizmati naryadining faoliyati yo'lga qo'yildi hamda 1 nafar tezkor xodim biriktirildi.

Bosh prokuror va Ichki ishlar vazirining qo'shma qarori qabul qilinib, respublikamizning kriminogen vaziyati murakkab mahallalari hamda ularga biriktirilgan mas'ullar ro'yxati tasdiqlandi.

Ko'rilayotgan amaliy chora-tadbirlar o'z samarasini bermogda. Xususan, joriy yilning bahor va yoz fasllarida jinoyatchilikning oldini olish, huquqbuzarliklar profilaktikasi, jamoat tartibi va aholi xavfsizligini ta'minlashga qaratilgan ikki bosqichli "Xavfsiz va sog'lom yurt" tezkor-profilaktik oyligi o'tkazildi. Natijada oldi olinishi lozim bo'lgan jinoyatlar 39 foizga kamaydi, xodimlarining tashabbusi bilan jinoyatlarni aniqlash 50 foizga yaxshilandi.

Turli sohaviy xizmatlar xodimlari tomonidan amalga oshirilgan tadbirlar natijasida joriy yilning o'tgan 9 oyida oldini olish lozim bo'lgan jinoyatlar soni o'tgan yilning mos davriga nisbatan 9 foizga kamaydi. Qotillik, o'g'rilik, talonchilik, bosqinchilik, firibgarlik, bezorilik jinoyatlari, yo'l-transport hodisalari sezilarli darajada qisqardi.

Ayni paytda, xalqimiz osoyishtaligini ta'minlashga qaratilgan harakatlarni izchil davom ettirish, giyohvandlik bilan bog'liq jinoyatlarga qarshi kurashda tezkor-profilaktik tadbirlarni kuchaytirish, tizimda sun'iy intellekt va raqamli texnologiyalar imkoniyatlaridan keng foydalanish, aholini kiberjinoyatlarning tahdid va ta'siridan ishonchli himoya qilish kabi masalalar kelgusi faoliyatimizning ustuvor yo'nalishlari sifatida belgilangan.

Jamoatchilikni jiddiy tashvishga solayotgan muammolardan biri bo'lgan giyohvandlik illatiga qarshi kurashish bo'yicha yangicha ishlash mexanizmi amaliyotga joriy etildi. Jumladan, giyohvandlik vositalarining noqonuniy aylanishini bartaraf etish yo'nalishida tunu kun faoliyat ko'rsatadigan "Call-markaz" tashkil etilgan.

Joriy yilning o'tgan 9 oyi davomida ushbu Markazga kelib tushgan 637 ta ma'lumotning 467 tasi bo'yicha fuqarolarga huquqiy yordam berildi, 118 tasi bo'yicha esa tezkor-qidiruv tadbirlari o'tkazildi.

Hozirda tizimda faoliyatni raqamlashtirish va "inson omilini" kamaytirish choralari ko'rilmogda. Barcha hududlarda "Xavfsiz shahar" tizimining sun'iy intellekt asosida boshqariluvchi "Qalqon" nomli dasturiy platformasi ishga tushirildi. Unga 60 308 ta videokuzatuv kamerasi hamda vazirlik va idoralarning 37 dan ortiq ma'lumotlar bazalari integratsiya qilindi.

Tizimda intellektual va professional bilim darajasi, ma'naviy-axloqiy sifatlari yuqori bo'lgan xodimlarni tarbiyalash masalasiga ham alohida e'tibor berilmogda. Albatta, xalq manfaatlarini yo'lida xizmat qilayotgan har bir xodim, avvalo, o'zining bilimi, ma'naviyati va dunyoqarashi bilan ajralib turishi kerak. Ichki ishlar organlarida kadrlar salohiyatini oshirish, jumladan zamonaviy fikrlaydigan, yangilikka intiluvchan va tashabbuskor xodimlarni yetishtirish muhim ahamiyat kasb etadi. Chunki, ichki ishlar organlari faoliyatining samaradorligi bevosita tizimda xizmat qilayotgan kadrlarning salohiyatiga bog'liq.

Barcha hududlardagi Ichki ishlar vazirligining akademik litseylari hamda Nukus shahridagi Temurbeklar maktabida kelgusida yurt posboni bo'lishga ahd qilgan yangi avlod vakillari kamol topmogda. Joriy yilda soha uchun professional kadrlarni tayyorlash tizimini takomillashtirish borasida bir qator ijobiy ishlar qilindi. Xususan, IIV Akademiyasi kunduzgi ta'lim shakli qabul kvotasi 900 kishiga oshirildi, keyingi o'quv yilidan 1100 nafarga yetkazish rejalashtirilgan.

O'z navbatida, xodimlarning ma'naviy dunyoqarashini rivojlantirish maqsadida "Vatanga va xalqqa sadoqat bilan xizmat qilish – oliy burchimiz!" degan g'oyani amaliyotga tatbiq etish bo'yicha kompleks chora-tadbirlar ham amalga oshirilmogda.

Bugun tizimda xizmat qilayotgan barcha xodimlarning bosh maqsadi – xalqimizning, Prezidentimizning bizga bildirgan yuksak ishonchini oqlashdan, faoliyatimiz orqali xalqimizning davlat rozi bo'lishiga erishishdan iborat.

Xulosa shuki, Yangi O'zbekistonda yangi ichki ishlar organlari tizimini shakllanmogda.

In the New Uzbekistan – where human dignity and the protection of rights and freedoms are the highest values – comprehensive reforms are being carried out across all spheres. One of the key priorities consistently emphasized by our Head of State is ensuring peace and public order in the country and safeguarding the security of our citizens. The core essence of the reforms under way in the system of internal affairs is precisely directed at this objective.

In our country, 25 October is established by law as the Day of Internal Affairs Officers. This date is a cherished holiday for every compatriot who loves the Motherland and serves for its peace, sustainable development, and prosperity.

On the occasion of the professional holiday, the President's congratulatory message to officers and veterans, as well as the awarding of high state decorations to a number of our colleagues, is both a recognition of the entire system and an expression of great trust and care – while, undoubtedly, placing a great responsibility on every officer.

Indeed, consistent work is being carried out today to increase the effectiveness of the system, maintain public order, and strengthen the responsibility of officers in ensuring the reliable protection of citizens' rights, freedoms, and legitimate interests.

In recent years, on the direct initiative of our esteemed President, the internal affairs bodies have undergone profound reform. Today, the internal affairs system is increasingly becoming a people-oriented structure that serves the interests of the public. The majority of personnel have been reassigned to grassroots levels and now serve directly in the field, in the very neighborhoods (mahallas) themselves.

The coordinated work on the ground among all law-enforcement bodies and the public – particularly within the “Mahalla Seven” format – has become a decisive factor in these efforts.

In the last few years, our approach to combating crime, creating a safe environment in mahallas, and preventing crime and offenses has fundamentally changed. In particular, the Presidential Decision “On measures to create a safe environment in the republic's mahallas in 2025 and to further improve the effectiveness of the early prevention system for offenses” has become a programmatic guide for law-enforcement activity.

Under this document, the early prevention of offenses in every mahalla was defined as a priority task for all leaders. According to last year's analysis, 1,235 mahallas identified as having a difficult criminogenic situation were assigned by name to district and city leaders.

Within the framework of the decision, 84 Mahalla law and order centers covering 419 mahallas were established in the regions of Fergana, Andijan, Namangan, Samarkand, and Tashkent. The purpose is to increase officers' efficiency and responsiveness at these centers and to improve the system for handling citizens' appeals.

As a logical continuation of the reforms, on 18 August 2025 the Head of State adopted the Decision “On amendments and additions to certain Presidential decisions aimed at further enhancing the effectiveness of the early prevention system for crime in mahallas.” This document provides for improving the effectiveness of organizational-preventive measures to create a safe environment in mahallas, strengthening the personal responsibility of entities implementing social prevention measures, and introducing mechanisms for targeted work – based on differentiated approaches – in mahallas with complex criminogenic situations. The decision also approved a concept of targeted measures to curb crime in mahallas where the criminogenic situation has remained complex over the past five years.

Based on the concept, a separate monthly road map has been developed for each mahalla with a complex criminogenic situation. To ensure 24/7 rapid deployment of resources in mahallas, staffing now includes two prevention inspectors, a two-officer patrol-post unit, and one assigned operative officer for each such mahalla.

A joint decision of the Prosecutor General and the Minister of Internal Affairs was adopted. This decision approved the list of mahallas with complex criminogenic situations across the republic and the roster of officials assigned to them.

The practical measures being taken are yielding results. Specifically, in the spring and summer of this year, a two-stage “Safe and Healthy Homeland” operational-preventive month was conducted to prevent crime, strengthen offense prevention, and ensure public order and citizen safety. As a result, preventable crimes decreased by 39 percent, and the proactive detection of crimes through officers' initiative improved by 50 percent.

Thanks to measures undertaken by various sectoral services, in the first nine months of this year the number of preventable crimes decreased by 9 percent compared to the same period last year. Crimes such as homicide, theft, robbery, aggravated robbery, fraud, and hooliganism – as well as road-traffic accidents – have declined markedly.

At the same time, our priority areas moving forward are to continue efforts to ensure public tranquility; to intensify operational-preventive measures against drug-related crimes; to widen the use of artificial intelligence and digital technologies in the system; and to reliably protect the population from the threats and impacts of cybercrime.

A new operating mechanism has been introduced to combat the scourge of drug addiction, one of the issues causing serious public concern. In particular, a 24/7 Call Center has been established to

eliminate the illicit circulation of narcotic drugs. In the past nine months, the Center received 637 reports: legal assistance was provided to citizens in 467 cases, and 118 reports led to operational-search activities.

Work is currently under way to digitize operations across the system and reduce the human factor. In all regions, the “Qalqon” (Shield) software platform – an AI-driven component of the Safe city system – has been launched. It integrates 60,308 CCTV cameras and more than 37 databases of ministries and agencies.

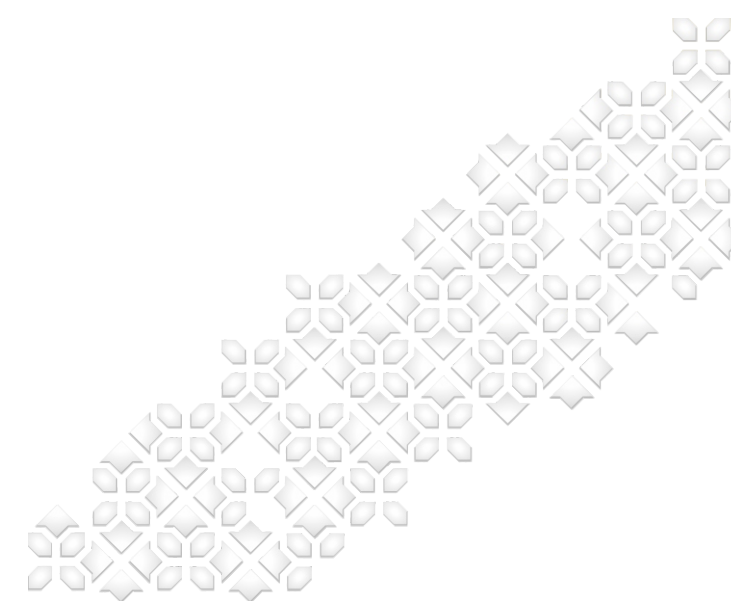
Particular attention is also being paid to cultivating officers with high levels of intellectual and professional competence and strong moral-ethical qualities. Every officer serving the public interest must stand out through knowledge, values, and worldview. Enhancing human capacity – especially training modern-minded, innovation-oriented, and proactive officers – is critically important, because the effectiveness of the internal affairs system is directly linked to the capacity of its personnel.

Across all regions, the academic lyceums of MIA and the Temurbeks school in Nukus are educating a new generation committed to becoming future guardians of the homeland. This year, significant progress has been made in improving the system for training professional personnel for the sector. In particular, the full-time admission quota of the Academy of MIA was increased to 900; from the next academic year, it is planned to reach 1,100.

In turn, comprehensive measures are being implemented to foster the idea “Serving the motherland and the people with loyalty is our supreme duty!” and translate it into practice – so as to enrich the moral outlook of officers.

Today, the foremost goal of all officers in the system is to justify the high trust placed in us by our people and our President, and through our work to earn the people's satisfaction with the state.

In conclusion, a new internal affairs system is taking shape in the New Uzbekistan.

Prof (Dr.) Purvi Pokhariyal

Professor & Dean
School of Law, Forensic Justice & Policy Studies,
National Forensic Sciences University

Professor, Dekan
Hindiston Respublikasi Milliy kriminologiya
va sud ekspertizasi instituti

ISSUES OF STABILIZING THE CRIMINOGENIC SITUATION IN THE COUNTRY'S MAHALLAS: THE EXPERIENCE OF UZBEKISTAN & INDIA

*Mahallalarda kriminogen vaziyatni barqarorlashtirish
masalalari: O'zbekiston va Hindiston tajribasi*

Abstract. This article examines the challenges of stabilising criminogenic situations in India's neighbourhoods or “mahallas” through the lens of community-governance, local self-help institutions and restorative practices. It explores how local governance mechanisms intervene in criminogenic processes (poverty, unemployment, substance abuse, family conflict, social exclusion). A comparative glance at Uzbekistan's “mahalla” frameworks underscores the value of bottom-up social control. The article embeds two detailed Indian case-studies the Kebang institution and community policing in Mumbai to highlight the potentials and limitations of localised crime-prevention. It then evaluates obstacles (politicisation, formalism vs informality, gender bias, legal ambiguity) and offers policy/legal reform suggestions to strengthen such institutions within India's criminal justice ecosystem.

Keywords: mahalla, criminogenic situation, India, community policing, Kebang, Panchayati Raj, social control, local governance, criminology, restorative justice.

Annotatsiya. Maqolada Hindistonning mahallalaridagi kriminogen vaziyatlarni barqarorlashtirishdagi qiyinchiliklar jamoat boshqaruvi, mahalliy o'zini o'zi boshqarish institutlari va tiklash amaliyoti nuqtai nazaridan ko'rib chiqiladi. Unda mahalliy boshqaruv mexanizmlarining kriminogen jarayonlarga (qashshoqlik, ishsizlik, giyohvand moddalarni suiiste'mol qilish, oilaviy nizolar, ijtimoiy chetlashtirish) qanday aralashishi o'rganiladi. O'zbekistonning “mahalla” tuzilmalariga qiyosiy nazar, pastdan yuqoriga ijtimoiy nazoratning ahamiyatini ta'kidlanadi. Mahalliy jinoyatchilikning oldini olishning salohiyati va cheklovlarini ta'kidlash uchun Mumbaydagi Kebang instituti va jamoat politsiyasi bo'yicha ikkita batafsil hind amaliy tadqiqoti keltirilgan. Siyosatlashtirish, rasmiyatchilik va norasmiylik, gender tarfakashligi, huquqiy noaniqlik kabi to'siqlar baholanadi va Hindistonning jinoyat adliya ekotizimida bunday institutlarni mustahkamlash bo'yicha siyosat/huquqiy islohotlar bo'yicha takliflar taqdim etiladi.

Kalit so'zlar: mahalla, kriminogen vaziyat, Hindiston, jamoat politsiyasi, Kebang, Panchayati Raj, ijtimoiy nazorat, mahalliy boshqaruv, kriminologiya, tiklovchi adolat.

In India's urban and rural neighbourhoods the term “mahalla” historically evokes communal life: clusters of households, pathways, shared spaces, social networks and informal institutions of solidarity and control. In the context of criminology, a “criminogenic situation” refers to the structural and dynamic conditions conducive to crime: social disorganisation, exclusion, poverty, youth alienation, substance misuse, weak guardianship and diffuse normative order. Stabilising such situations is crucial for sustainable safety and social order. This article investigates

how India's experience of local governance and informal justice institutions contributes to this stabilisation. The specific aim is to explore how community-based governance in India mitigates criminogenic factors, to study case-studies of indigenous institutions like the Kebang, and to theorise policy implications for integrating such systems into the mainstream criminal justice framework.

The article proceeds as follows. First, a theoretical background on criminogenic situations, community-governance and social control is set out. Second, the Indian context is addressed by analysing the role of mahallas, local self-governance and community policing. Third, empirical case-studies are presented (Kebang in Arunachal Pradesh; community policing in Mumbai). Fourth, the challenges and limitations of stabilising criminogenic situations at the local level are analysed. Finally, the article offers policy and legal reform recommendations and concludes.

Theoretical background: criminogenic situations and community governance. Criminogenic conditions are those social, economic and environmental factors that generate risk of crime and inhibit informal and formal social control. The literature emphasises that neighbourhoods characterised by poverty, social fragmentation, weak institutions, and limited guardianship are more prone to crime (Shaw & McKay, 1942; Bursik & Grasmick, 1993). Community governance forms of self-help, cohesion, participatory decision-making and informal social control is argued to moderate these tendencies (Sampson, Raudenbush & Earls, 1997). Under this view, local mechanisms of social control (neighbourhood watch, community councils, informal dispute resolution) help stabilise normative order, reinforce guardianship and reduce the criminogenic potential of the milieu.

From a criminological lens, restorative and community-justice models emphasise repairing harm, involving neighbourhood actors and drawing on local structures of power and legitimacy (Zehr, 2002). The intersection of local governance and criminology thus becomes critical: can structures such as mahalla councils or village assemblies act as agents of normative repair, guardianship and social integration in criminogenic contexts?

The notion of mahalla particularly emerges from Central Asian and Middle Eastern contexts (e.g., Uzbekistan, Tajikistan) as neighbourhood level self-governance units offering social cohesion, local mediation, and informal justice. The Indian analogy (mahalla in urban/slum contexts, mahila committees, mohalla sabhas) invites enquiry into how Indian institutions akin to the mahalla contribute to crime prevention.

In short, the theoretical proposition is that community-based local governance institutions can intervene in the crime-causal chain by: (i) enhancing social cohesion and trust; (ii) providing informal mediation and dispute resolution; (iii) improving guardianship and local surveillance; (iv) bridging formal justice systems with community norms; (v) offering a participatory platform for youth and marginalised groups. The article tests these propositions in the Indian context.

India's context: mahallas, local self-governance and crime prevention. Asian legal system often operates at the intersection of formal state law and indigenous community norms. India's local governance system has its roots in the *panchayat* system, which have been the distinctive institution of Indian civilization, where village elders or *panch* (council of five) traditionally resolved disputes and managed local affairs. In precolonial time these indigenous entities played vital role in adjudication, where appeal to rule's court was rare. The foundation principle was to prioritise reconciliation and social harmony over punitive sanctions, which later was termed as *panchayat justice*, an approach geared toward accessible, informal dispute resolution for the masses (Baxi & Galanter, 1979). But British rule disrupted this legal pluralism by establishing formal courts, uniform criminal laws and police force as part of constructing a colonial state. In post- independent India, the framers of constitution idealized justice; social, economic, Political for all and included a directive principle (Art 40 Constitution of India) mandating state to establish gram panchayat as unit of local self-

government (Islam, 2020). This mandate led to integration of panchayats into governance and adjudication. In the 1950s, various states established Nyaya Panchayats for minor civil and criminal cases, as part of India's massive experiment to extend legal access in villages (Baxi & Galanter, 1979). The Nyaya Panchayat program was theoretically provocative aiming to combine the accessibility of customary forums with some semblance of rule-of-law protections but remained under-studied and unevenly implemented, as a result, many Nyaya Panchayats faltered due to elite capture at the village level and lack of state support. Formal courts and police remained the primary system, yet were often de facto absent or ineffective in remote and poor areas. This justice gap meant that informal or customary dispute resolution continued by necessity in much of rural India (Islam, 2020). Subsequently in 1992 a significant reform came with 73rd Constitutional Amendment, giving constitutional status to panchayats this reform acknowledged the panchayats' potential role in justice at the doorstep. Village councils today are elected bodies with certain administrative powers, in some states they are also empowered to facilitate alternative dispute resolution through nyaya committees or mediation cells, handling matters like family disputes, minor assaults, and property issues through consensus. Parallel to this, urban neighborhood committees often called mohalla committees or peace committees have emerged, especially in communally sensitive areas, to assist in maintaining order and inter-communal harmony. One early model was the Mohalla Committee movement in Mumbai in the 1990s, which involved local citizens and police working together to defuse communal tensions after riots (Deshpande, 2022).

At Present India presents a rich ecology of local governance: urban mahalla structures, slum community committees, village gram sabhas under the Panchayati Raj system, and traditional tribal councils. These institutions often perform governance, dispute-resolution, welfare and informal social control functions. In many urban settings, mohalla sabhas or resident welfare associations provide a neighbourhood platform for monitoring, reporting, and collective action against crime and disorder. In rural India, the gram sabha, panchayat, village police committees and community policing boards increasingly collaborate in crime-prevention (Eckert, 2004).

The Indian criminal justice system is, however, primarily formal, comprising of police, courts, prisons. The challenge is how to integrate informal/neighbourhood-level governance with the formal system so as to stabilize criminogenic situations. For instance, empowering neighbourhood committees to intervene early in youth conflict, substance-abuse, family breakdown or communal tensions can reduce demand on formal policing and courts.

Urban mahalla contexts often suffer criminogenic stressors such as high density, migrant populations, anonymity, weak social networks, unemployment, and substance abuse. Informal governance structures (mahalla committees) that mobilise residents and work in coordination with police can provide guardianship, surveillance and early-warning in better manner if incorporated in the system. For example, community policing initiatives in various Indian cities emphasise resident-police partnerships. Such partnerships not only increase reported crime but can reduce fear and build capacity for local control.

Local self-governance under the Panchayati Raj also intersects with crime-prevention. Gram sabhas, village development committees, youth clubs, women's self-help groups, can all be platforms for social control, local dispute resolution and social reintegration. The challenge, however, lies in capacity, legitimacy, resources and boundaries of intervention. For instance, khap panchayats (caste-based councils in north India) have notoriously decreed honor punishments against young couples marrying outside traditional norms, clashing with formal system and violating fundamental rights. The Supreme Court of India in *Shakti Vahini v. Union of India* (2018) had to step in, declaring that no self-appointed khap court can interfere with marriages between consenting

adults (Taneja, 2018). The Court even issued guidelines directing police and district officials to preempt and prosecute any khap gatherings that seek to impose such illegal justice.

Thus, in the Indian context, stabilising a criminogenic situation at the mahalla level involves: strengthening neighbourhood governance platforms; linking them to community policing; fostering local dispute resolution; integrating welfare and developmental work; enhancing guardianship; building social capital; and bridging formal/informal justice. The next section illustrates this through case-studies.

The Kebang Council of Arunachal Pradesh: Indigenous Customary Practices. The Kebang is a traditional village council system among the Adi tribe of Arunachal Pradesh. As Koyu & Singh (2020) explain, the Kebang functions as a non-adversarial dispute resolution forum of the Adi tribe, involved in day-to-day affairs of the village and settling disputes amicably (Koyu & Singh, 2020). The Kebang is a village assembly of village elders and clan heads which convenes in the village dormitory (dere). It deals with individual and clan disputes, property conflicts, social norms, regulation of festivals, customs, land use and welfare functions. It has the power of sanction, fines, mediation and custom-based adjudication (Mibang, 2019). In the Adi society, the Kebang has historically served as the principal social control mechanism, determining normative conduct, resolving conflicts before escalation, and maintaining local cohesion. The community recognition of the Kebang's authority enhances guardianship: community members know that violations (adultery, theft, debt, violence) will be publicly addressed. The social integration aspect (public meetings, rituals) strengthens networks and thus reduces anomie. Various studies claims that the Kebang helps in decentralisation and self-governance in the villages of Arunachal. (Panyang, 2018)

The institution is facing erosion, as one analysis points out that, new crimes that have no precedent in tribal society such as corruption, juvenile delinquency the changing status of women, immigration, multiculturalism elude solution in the Kebang today (Dai, 2000). The informal nature of sanctions, absence of codification, and lack of linkage with formal justice system create gaps, further certain offences (serious violence, cybercrime, trafficking) are outside the Kebang's domain. The changing socioeconomic realities migration, youth unemployment, substance abuse place stresses on its capacity.

The Kebang's strengths lie in community legitimacy, immediacy of response, embedded guardianship and social sanction, low cost, and preservation of social order. These are valuable features for criminogenic stabilisation in mahalla-type settings. However, to address modern criminogenic threats (drugs, organised crime, youth gangs) the Kebang needs linkage with formal justice, legal literacy, capacity building and empowerment of weaker groups (women, migrants). The Kebang council offers a model of neighbourhood governance and social control that stabilises criminogenic conditions via local mediation, social sanction and community guardianship.

Community Policing & Neighbourhood Governance in India. While traditional institutions like the Kebang operate in tribal settings, urban and rural India increasingly rely on community policing and local neighbourhood governance to stabilise criminogenic situations. One early model was the Mohalla Committee movement in Mumbai in the 1990s, which involved local citizens and police working together to defuse communal tensions after riots (Deshpande, 2022). These committees would meet regularly, report potential flashpoints to police, and mediate conflicts before they escalated. The success of such efforts in reducing communal violence led other cities to adopt similar mechanisms for tackling tackle issues ranging from loudspeaker disputes, youth fights, to organizing joint celebrations of festivals to foster harmony (Sinha & Dutta, 2025).

The YUVA initiative of the Delhi Police, launched in 2017 in collaboration with the Ministry of Skill Development and Entrepreneurship and the National Skill Development Corporation, exemplifies

the community policing model tailored to urban criminogenic settings. Its objective was to prevent at-risk youth (17–25 years) from engaging in criminal or delinquent behavior by providing them with structured skill training and employment linkages. The program has evolved through multiple phases, YUVA 1.0 (2017–2020), YUVA 2.0 Phase I (2021), and YUVA 2.0 Phase II (2022–2024), cumulatively training over 14,000 youth across 70 police stations in Delhi. By 2024, over 10,000 participants were certified in vocational roles, with 3,410 placed in employment (Delhi Police, 2024). The project's emphasis on skill-based rehabilitation, women's participation, and entrepreneurial support through collaboration with NIESBUD represents a shift from reactive policing to proactive community stabilization addressing structural causes of crime such as unemployment, marginalization, and lack of social support (Delhi Police, n.d.). The YUVA model thus demonstrates how community policing can function as a socio-economic stabilizer within local “mahallas” by turning potential offenders into contributors, thereby reducing the criminogenic potential of urban neighborhoods.

In many Indian cities, RWAs and mohalla committees collaborate with police in “beat policing”, intelligence sharing, rapid response, youth outreach and women's safety. These forums provide local knowledge of social networks, mobilise neighbourhood watch, mediate petty disputes and liaise with formal justice. While specific large studies are fewer, anecdotal evidence points to the value of such forums in stabilising neighbourhoods.

Mechanisms of stabilisation. These neighbourhood governance frameworks contribute to criminogenic stabilisation in several ways:

- **Early intervention:** local committees spot signs of youth delinquency, family breakdown, conflict and intervene before escalation.
- **Guardianship augmentation:** neighbours, community leaders, panchayat members act as informal guardians, increasing surveillance.
- **Social integration:** regular meetings and participatory governance build trust, social capital and reduce isolation – a known risk for crime.
- **Dispute resolution:** swift mediation reduces demand on courts, decreases bitterness and re-offending.
- **Linkage with formal system:** when these bodies are connected with police/panchayat/registering of complaints, escalation to formal justice becomes smoother.

Limitations and Evidence Gaps. Empirical research remains limited on outcomes (crime reduction, recidivism) of neighbourhood governance models in India. Moreover, many such forums suffer from lack of training, resources, and vulnerability to local politics. The interface with formal justice (police/courts) often remains weak or ad hoc.

Comparative Reflection: India and Central Asian Mahalla Systems

To deepen the perspective, it is useful to briefly reflect on the Central Asian concept of the mahalla. In Uzbekistan, mahalla represents a neighbourhood council responsible for social welfare, mediation, local governance and informal social control. These institutions have been studied for their role in communal cohesion and local safety. Although India differs in its colonial history and governance structure, the analogy is instructive: localised governance at neighbourhood level, integration of welfare and security, informal dispute resolution, and participatory culture.

In India, applying a mahalla model means strengthening resident committees, community policing, traditional councils and linkages with the formal justice system. The Kebab functions as neighbourhood council for the village; urban mahalla forums operate similarly. The key takeaway: successful neighbourhood governance requires legitimacy, community participation, connection to formal state institutions, and resources for early intervention and guardianship. Where India's

experiments falter often lies in the interface between local forum and formal justice, gender and social inclusion, as well as modern criminogenic threats (digital crime, gangs, substance networks).

Challenges in Stabilising Criminogenic Situations at Mahalla Level in India. While the potential is high, several inter-linked challenges hinder effective stabilisation of criminogenic situations via local governance:

1. Legitimacy & Authority: Traditional institutions like Kebab, mahalla committees sometimes lack formal legal sanction. Their decisions may not be enforceable under statutory criminal law, reducing their deterrent effect. The Kebab, for example, is facing erosion of authority in the face of modern crimes.

2. Scope & Complexity of Modern Crime: Many modern offences (cybercrime, trafficking, organised crime, drug-networks) exceed the “neighbourhood” domain and require formal specialised response. Local forums may lack capacity.

3. Gender & Social Inclusion: Many local governance forums are male-dominated and may under-represent women, migrants, Dalits. For instance, in the tribal context of Arunachal, women reported reluctance to approach the Kebab with domestic violence complaints.

4. Resource and Capacity Gaps: Local forums often lack training, financial support, coordination with police and courts. For example, 2020 legal-literacy programmes for village elders in Arunachal noted the need for capacity building.

5. Politics and Co-option: Local committees may be captured by local elites, politicised, or used to suppress dissent, rather than serve restorative/social control functions. This reduces trust and undermines effectiveness.

6. Interface with Formal Justice System: Formal policing and courts may not recognise or coordinate with local forums, causing duplication, confusion, or neglect. The Kebab example shows how lack of integration undermines efficacy.

7. Urban Stress and Migration: Urban mahallas have high migrant turnover, weak social networks, anonymity and heterogeneity. Local governance forums struggle to build cohesion and guardianship under such conditions.

Given these, stabilising criminogenic situations requires not just establishing local governance, but enabling it with legal backing, resources, training, modern crime-adaptation, inclusion, and coordinated architecture with formal justice.

Policy and Legal Reform Suggestions

Based on the analysis above, the following policy and legal reform proposals are advanced:

1. Legal Recognition of Neighbourhood Councils: The state should identify and legally recognise mahalla-councils, village councils, traditional institutions like the Kebab, as part of the crime-prevention architecture. This improves legitimacy and enforcement capacity.

2. Capacity Building and Training: Local forum members (elders, residents, RWA office-bearers, panchayat members) should receive training in conflict resolution, youth outreach, substance-abuse detection, early warning signs of crime, coordination with police. Legal-literacy programmes (as in Arunachal) should be expanded.

3. Formal–Informal Justice Linkages: Establish formal referral mechanisms between neighbourhood forums and police, juvenile justice boards, diversion programmes. For instance: if a forum mediates a youth conflict, but it escalates to violence, the case should be handed to formal authorities with documentation.

4. Resource Allocation: Municipalities and state governments should allocate budgets (micro-grants) to mahalla committees/RWAs and village councils for safety-related activities (lighting, youth clubs, community policing outreach).

5. Inclusion & Gender Sensitivity: Ensure representation of women, migrants, marginalised castes, Dalits in neighbourhood governance. Special cells/committees should be formed for gender-based violence, youth rehabilitation and informal mediation.

6. Data-driven Local Governance: Community forums should maintain simple records of disputes, youth referrals, substance-abuse cases, anti-social behaviour. Linking these with district crime records (e.g., National Crime Records Bureau) enables targeted intervention.

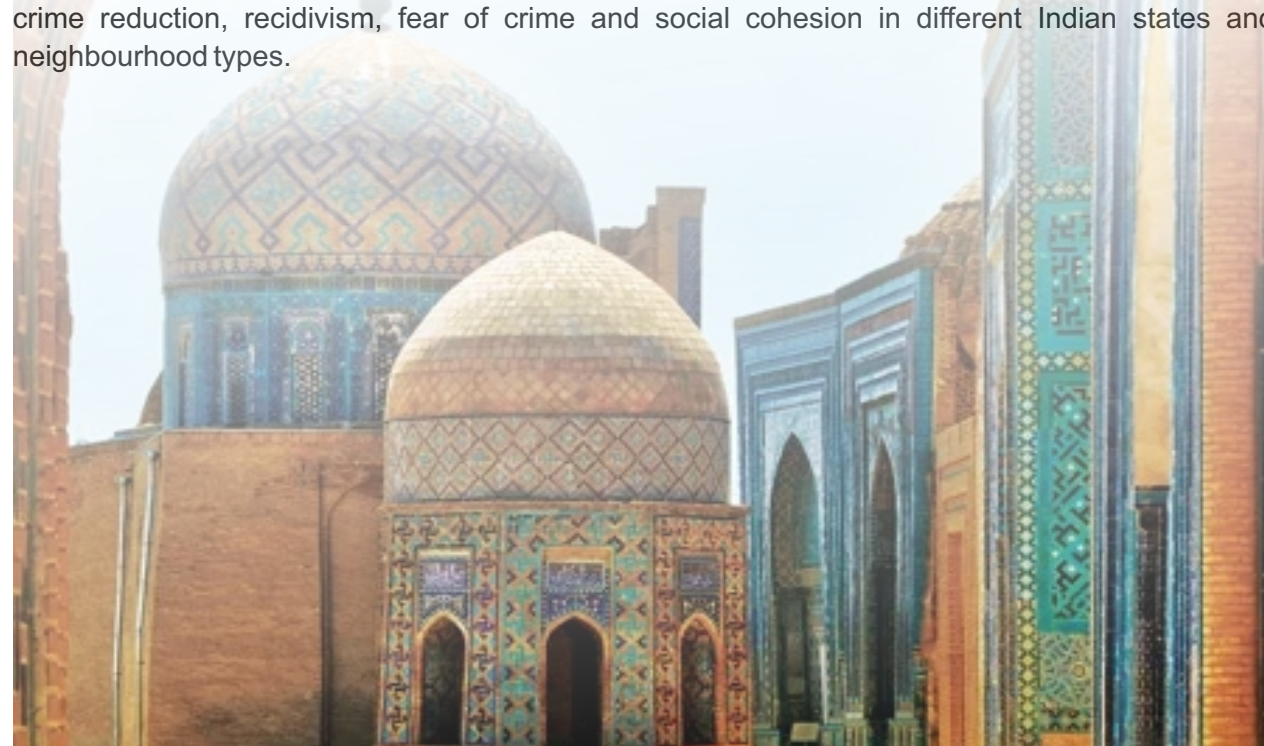
7. Urban Mahalla Adaptation: For urban settings, where social networks are weak, design “mahalla” frameworks tailored for high-density neighbourhoods: block-level resident safety committees, coordination with local police station, CCTV/lighting assessment, youth mentors, migrant support groups.

8. Monitoring & Evaluation: States should commission periodic evaluation of neighbourhood governance interventions and community policing outcomes: whether crime rates, fear of crime, recidivism and social cohesion improve.

Conclusion

Stabilising criminogenic situations at the mahalla or neighbourhood level in India presents a promising yet complex agenda. Institutions like the Kebang in Arunachal Pradesh offer a culturally grounded, community-based model of social control, guardianship and mediation. Urban and rural neighbourhood governance frameworks further hint at how localised structures can reduce crime, increase social integration and enhance safety. However, modern criminogenic threats, gender and inclusion challenges, legitimacy issues, resource constraints, and weak linkages with formal justice systems limit their efficacy.

For India's criminal justice system especially in the era of the Bharatiya Nyay Sanhita (2023) and evolving forensic justice frameworks embracing neighbourhood governance means more than token recognition: it requires institutionalisation, training, coordination, resources and evaluation. Only then can the vision of community-centred crime-prevention rooted in local participation, guardianship and social cohesion become a robust reality across India's diverse mahallas. Future research should empirically measure outcomes of neighbourhood governance interventions in crime reduction, recidivism, fear of crime and social cohesion in different Indian states and neighbourhood types.

References

1. Baxi, U., & Galanter, M. (1979). Panchayat justice: An Indian experiment in legal access. In M. Cappelletti & B. Garth (Eds.), *Access to justice* (Vol. 3). Sijthoff and Noordhoff.
2. Behera, M. C. (2024). Deliberative democracy in traditional village councils of Arunachal Pradesh. SSRN.
3. Bursik, R. J., Jr., & Grasmick, H. G. (1993). *Neighborhoods and crime: The dimensions of effective community control*. New York, NY: Lexington Books.
4. Dai, M. (2000, May). Arunachal Pradesh: The myth of tranquillity. *Faultlines: Writings on Conflict & Resolution* (Vol. 5). South Asia Terrorism Portal. <https://old.satp.org/satporgtp/publication/faultlines/volume5/Fault5-5mdhai.htm>
5. Delhi Police. (n.d.). “YUVA”, Community policing initiative of Delhi Police: About us. <https://yuva.delhipolice.gov.in/about-us.html?utm>
6. Deshpande, H. (2022, July 4). Mumbai's Mohalla Committees: The keepers of faith. *Outlook India*. <https://www.outlookindia.com/national/mumbai-mohalla-committees-the-keepers-of-faith-news-206645?>
7. Eckert, J. (2004). URBAN GOVERNANCE AND EMERGENT FORMS OF LEGAL PLURALISM IN MUMBAI. In *JOURNAL OF LEGAL PLURALISM*: Vol. nr. 50 (pp. 29–31). <https://commission-on-legal-pluralism.com/system/commission-on-legal-pluralism/volumes/50/eckert-art.pdf>
8. Islam, M. T. (2020, June 8). Access to justice for marginalised rural victims across South Asia: Issues and challenges. *South Asia @ LSE*. <https://blogs.lse.ac.uk/southasia/2020/06/08/access-to-justice-for-the-marginalised-rural-people-across-south-asia-issues-and-challenges/?>
9. Jain, R., & Biswas, S. (2021). The road to safety: Examining the nexus between road infrastructure and crime in rural India. *arXiv*.
10. Koyu, J., & Singh, P. (2020). Kebang: A self-governing indigenous institution of the Adi tribe of Arunachal Pradesh. *Indian Journal of Law and Justice*, 11(2), 267–285. <https://ir.nbu.ac.in/handle/123456789/3683>
11. Kumar, A. (2023). Criminal justice and police reforms in India for the sequence of criminology and criminal justice. *International Journal of Information Movement*, 7(XII). (Paper ID: IJIM/Vol.7(XII) April 2023/1-5/1)
12. Mibang, T. (2019). Indigenous political institutions in transition: A study of Kebang of the Adis of Arunachal Pradesh. *International Journal of Research and Analytical Reviews (IJRAR)*, 6(1). <https://www.ijrar.org/>
13. Panyang, K. (2018). Democratic decentralization in Arunachal Pradesh: A case study of Kebang system. *International Journal of Applied Social Science*, 5(3–4), 283–291.
14. Sampson, R. J., Raudenbush, S. W., & Earls, F. (1997). Neighborhoods and violent crime: A multilevel study of collective efficacy. *Science*, 277(5328), 918–924. <https://doi.org/10.1126/science.277.5328.918>
15. Shaw, C. R., & McKay, H. D. (1942). *Juvenile delinquency and urban areas: A study of rates of delinquency in relation to differential characteristics of local communities in American cities*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
16. Shakti Vahini v. Union of India, (2018) 7 SCC 192 (India).
17. Sinha, N., & Dutta, M. (2025). Community policing in India – Prospects and challenges. *The Police Journal*. Advance online publication. <https://doi.org/10.1177/0032258X251334720>
18. Taneja, R. (2018, March 27). Khap panchayat verdict: A look at Supreme Court guidelines to prevent honour killing. *NDTV*. <https://www.ndtv.com/india-news/khap-panchayat-verdict-a-look-at-supreme-court-guidelines-to-prevent-honour-killing-1829395?>
19. The myth of tranquillity: Arunachal Pradesh. (n.d.). SATP Faultlines, Vol. 5.
20. Zehr, H. (2002). *The little book of restorative justice*. Intercourse, PA: Good Books.

Кожокар Валерий Васильевич
Начальник Всероссийского научно-исследовательского
института МВД России, генерал-лейтенант

*Head of the All-Russian Research Institute
of the Ministry of Internal Affairs, Lieutenant General*

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СИСТЕМЕ МВД РОССИИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

*Criminological research in the MIA system of Russia
and its role in law enforcement*

Доклад / Report

В современных условиях, когда мы наблюдаем качественные изменения преступности, обусловленные криминогенными факторами, связанными с военными и экстремистско-террористическими угрозами, как никогда возрастает значение криминологических исследований. История показывает, что всегда в трудную минуту для общества наука приходила на помощь практике, предлагая рекомендации по совершенствованию правоохранительной деятельности.

Во Всероссийском научно-исследовательском институте МВД России, начальником которого я являюсь, криминологические исследования являются одними из главных.

Наш институт имеет славную историю и многолетний опыт непрерывной работы на уровне научного обеспечения защиты общества от преступных посягательств.

В декабре этого года Институту исполняется **80 лет**.

Справочно: Научно-исследовательский институт криминалистики (НИИК) был образован 19 декабря 1945 г. приказом НКВД СССР № 001529 в составе научно-технического отдела Главного управления милиции НКВД СССР. Первоначально на него были возложены задачи по внедрению научно-технических средств в деятельность милиции, разработке новых и совершенствованию имеющихся методов и средств обнаружения и исследования вещественных доказательств, производству повторных и наиболее сложных экспертиз для органов внутренних дел.

Помимо криминалистических проблем, Институту было поручено заниматься изучением вопросов тактики оперативной работы милиции и профилактики преступлений.

С августа 1950 г. по март 1953 г. Институт входил в состав Министерства государственной безопасности СССР, затем вновь стал НИИК союзного Министерства внутренних дел.

В октябре 1956 г. НИИК был преобразован в Научно-исследовательский институт милиции МВД СССР.

Сегодня Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России – это крупнейший в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации научный центр.

Институт выполняет функции головной научной организации МВД России в области исследования проблем оперативно-розыскной, уголовно-правовой, уголовно-процессуальной, административно-правовой, криминологической деятельности органов внутренних дел, осуществляет научно-методическое обеспечение и мониторинг общественного мнения о личной безопасности граждан и деятельности органов внутренних дел.

Хочу особо подчеркнуть, что на ВНИИ МВД России возложена обязанность координации научной деятельности в системе МВД России. Наша работа осуществляется в тесном взаимодействии с подразделениями центрального аппарата МВД России, выполняя научно-исследовательские работы по их заявкам.

Институт поддерживает тесное творческое сотрудничество с образовательными и научными организациями МВД России, других правоохранительных ведомств, с комитетами Государственной Думы и Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, обеспечивает взаимодействие МВД России и Российской академии наук.

Исследованием проблем криминологического обеспечения деятельности органов внутренних дел, анализом и прогнозированием преступности в Институте **занимается Научно-исследовательский центр № 1**, на базе которого проводятся фундаментальные, поисковые и прикладные научные исследования в области криминологии и социологии, изучается правотворческая, правоприменительная и правоохранительная деятельность, история органов внутренних дел, история науки в системе МВД России, исторический и зарубежный опыт борьбы с преступностью.

Наиболее важным направлением научно-исследовательской деятельности НИЦ № 1 является **анализ и прогнозирование преступности в Российской Федерации**.

Мы **ежегодно** готовим **«Комплексный анализ и прогноз преступности в Российской Федерации»** с целью получения знаний об особенностях современной криминальной ситуации и тенденциях преступности, необходимых в практической деятельности органов внутренних дел.

Для подготовки прогнозных оценок используются сочетание таких методов прогнозирования как **аппроксимация, экстраполяция и экспертных оценок**.

Вначале для выявления тенденций развития преступности используется **метод аппроксимации**, который позволяет построить **математическую модель развития преступности**. Далее эта модель **экстраполируется** (переносится с помощью компьютерной программы) на будущий период прогнозирования. Дополнительно полученные результаты уточняются **методом экспертных оценок**: то есть специалисты-криминологи с учётом актуальных криминогенных факторов корректируют прогноз по каждому виду преступности.

Данные методы до настоящего времени успешно используются в МВД России с середины 70-ых годов прошлого века. Их надёжность составляет около 95 %, доверительный интервал отклонений в пределах статистической погрешности: 7 % - 10 %.

Подготавливаемые ВНИИ МВД России прогнозные оценки **в целом оправдываются**, расхождения незначительны.

*Справочно: например, прогнозные оценки развития криминальной ситуации (по основным показателям) **полностью подтвердились 2018 г.** и по общему количеству зарегистрированных преступлений, и по отдельным категориям преступлений (по степени тяжести), и по индексным преступлениям, а также по числу лиц, выявленных за совершение преступлений.*

Прогнозные оценки развития криминальной ситуации (по основным показателям) в 2019 г. **подтвердились по общему количеству зарегистрированных преступлений.**

В 2020 г. прогнозные оценки **подтвердились** по общему количеству зарегистрированных преступлений, числу преступлений отдельных категорий (по степени тяжести) и числу лиц, выявленных за совершение преступлений.

В 2021 г. прогнозные оценки **подтвердились** по общему количеству зарегистрированных преступлений и числу лиц, выявленных за их совершение.

В 2022 г. прогнозные оценки **подтвердились** по общему количеству зарегистрированных преступлений и количеству лиц, выявленных за их совершение.

В 2023 г. прогнозные оценки **подтвердились** по общему количеству зарегистрированных преступлений и числу преступлений отдельных категорий (по степени тяжести).

В 2024 г. прогнозные оценки **подтвердились** по общему количеству зарегистрированных преступлений.

«**Комплексный анализ и прогноз преступности в Российской Федерации**» направляется в подразделения центрального аппарата МВД России, территориальные органы и образовательные организации МВД России. Востребованность указанных материалов подтверждается получаемыми положительными отзывами, значительным количеством цитирований в научных изданиях, а также предложениями о совместных исследованиях от других научно-исследовательских организаций.

По поручению руководства МВД России на постоянной основе готовится **ежеквартальный «Прогноз развития криминальной ситуации в Российской Федерации».**

На протяжении ряда лет сотрудниками центра ежегодно готовится **аналитический материал «Анализ и прогноз развития оперативной обстановки на объектах железнодорожного, водного и воздушного транспорта»**, направляемый для использования в оперативно-служебной деятельности в Главное управление на транспорте МВД России.

В рамках криминологического обеспечения деятельности органов внутренних дел по поручению руководства МВД России сотрудниками Института проведен ряд научных исследований криминологического характера, на основе которых подготовлены оригинальные аналитические документы, представляющие интерес, как для практических подразделений органов внутренних дел, так и для учёных.

Справочно:

«Состояние преступности на территории Российской Федерации в условиях пандемии COVID-19 и тенденции ее развития до конца 2020 года» (2020 г.);

«Проблемы противодействия вовлечению несовершеннолетних в противоправную деятельность посредством информационно-телекоммуникационных систем» (2023 г.);

«Состояние, тенденции и проблемы предупреждения преступности мигрантов» (2024 г.);

«Исследование факторов, обуславливающих различный уровень преступности, в т.ч. тяжких и особо тяжких преступлений, разнонаправленную динамику регистрации деяний указанных категорий в субъектах Российской Федерации, функционирующих в схожих условиях» (2025 г.);

«Измерение коэффициента латентности наркопотребления в Российской Федерации» (2025 г.).

Институт принимает активное участие в научном обеспечении международного сотрудничества МВД России по борьбе с преступностью в рамках деятельности Научно-консультативного Совета при СМВД (Совет министров внутренних дел) государств –

участников СНГ. Ежегодно мы готовим аналитический обзор **«О результатах борьбы с преступностью, в том числе организованной, на территории государств – участников СНГ».**

Важным направлением реализации научных исследований является участие научных сотрудников Института в научно-представительских мероприятиях (научно-практических конференциях, семинарах, форумах, «круглых столах» и т.п.) различного уровня.

Справочно: За последние годы сотрудники приняли участие в следующих научно-представительских мероприятиях:

международной научно-практической конференции – научных чтениях, посвященных памяти проф. М.Н. Гернета «Уголовная политика в условиях эволюции общества» (2022 г.);

международной научно-практической конференции «Современная трансформация молодежного экстремизма, идеологии терроризма и других информационных угроз: проблемы противодействия» (2022 г.);

«круглом столе» - «Актуальные проблемы семейного законодательства и практика его применения: признание детей оставшимися без попечения родителей и их устройство» (2022 г.);

международной научно-практической конференции «Юридическая наука и наследие Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации» (к 100-летию основания ИЗИСГП) (2023 г.);

международной научной конференции «На службе Отечеству: история органов внутренних дел (305 лет полиции России)» (2023 г.);

международной научно-практической конференции «Миграционная политика Российской Федерации на современном этапе» (2023 г.);

международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы международного сотрудничества в борьбе с преступностью» (2023 г.);

международной научно-практической конференции – научных чтениях, посвященных памяти проф. М.Н. Гернета «Уголовная политика и национальные приоритеты» (2024 г.);

Луганском международном юридическом форуме «Особенности противодействия гибридным угрозам в отношении Российской Федерации» (2024 г.);

международной научно-практической конференции «Правовые и организационные проблемы обеспечения миграционных процессов» (2024 г.);

международном форуме «Кибертерроризм как угроза информационно-психологической безопасности личности, общества и государства» (2024 г.);

международной научно-исторической конференции «Органы и войска НКВД СССР в Великой Отечественной войне (к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне)» (2024 г.);

XIII Форуме безопасного Интернета (2024 г.);

XIV Форуме безопасного Интернета (2025 г.);

Всероссийском научно-практическом форуме «Защита прав законных интересов несовершеннолетних: актуальные вопросы правового регулирования и правоприменения» (2025 г.);

межведомственной научно-практической конференции «Органы и войска НКВД СССР в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов» (2025 г.);

международной научной конференции – XXX Социологические чтения «Социальная повестка в социологических исследованиях: изменения, риски, перспективы», посвященной памяти Г.И. Осадчей (2025 г.) и др.

В Институте **регулярно проводятся научно-представительские мероприятия**, посвященные актуальным проблемам предупреждения преступности и изучения общественного мнения о деятельности органов внутренних дел.

Хорошей традицией стало проведение ежегодных: **научного семинара по криминологии и Всероссийских научно-практических конференций** «Преступность в России: современное состояние и тенденции развития». В рамках подготовки к празднованию 80-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг. в Институте состоялся «круглый стол» «Советская милиция в годы Великой Отечественной войны (к 80-летию Победы)».

В 2026 г. планируем проведение научно-практической конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Вениамина Ивановича Полубинского, являющегося **одним из основателей отечественной виктимологии**.

Учеными Института ведётся активная работа по подготовке монографических исследований в области криминологии.

Справочно: в течение последних лет сотрудниками были опубликованы монографии «Историческая криминология» (М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин), «Уголовная политика и преступность: трансформация в эпоху социальных перемен» (М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин), «Уголовное наказание в криминологическом, политологическом и правовом дискурсе» (М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин), «Причины убийств» (Ю.М. Антонян), «Жестокость в нашей жизни» (Ю.М. Антонян), «Насилие в семье» (Ю.М. Антонян, Е.М. Тимошина и др.), «Типология убийств» (Ю.М. Антонян, В.А. Рачицкая) и др.

Серьёзная эмпирическая база для криминологических исследований основывается на получаемых Институтом **результатах социологических исследований**, среди которых особое место занимает **изучение общественного мнения о деятельности органов внутренних дел**.

Изучение общественного мнения о деятельности полиции в большинстве случаев сопровождается выездом сотрудников Института в служебные командировки непосредственно в субъекты Российской Федерации и сбором эмпирического материала на местах, что позволяет наиболее объективно изучать факторы, влияющие на формирование мнения населения о работе полиции.

Справочно: сотрудниками Института в 2020 – 2025 гг. организованы и проведены мероприятия по изучению общественного мнения о деятельности органов внутренних дел в республиках Алтай, Башкортостан, Крым, Марий-Эл, Татарстан, Адыгея, Карачаево-Черкесской Республике, Удмуртской Республике, Краснодарском и Приморском краях, Ростовской, Самарской, Магаданской, Калининградской, Кировской, Ленинградской, Костромской, Вологодской, Тамбовской, Астраханской, Ярославской, Свердловской, Тюменской и Новгородской областях, Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, городах Севастополе и Санкт-Петербурге.

Подготовленные по итогам исследований общественного мнения о работе полиции информационно-аналитические материалы используются для совершенствования работы с населением, общественными объединениями и средствами массовой информации, при принятии управленческих решений, подготовке и проведении мероприятий по повышению имиджа полиции.

На постоянной основе осуществляется мониторинг оценки деятельности органов внутренних дел в средствах массовой информации и сети Интернет, а также различными социологическими службами. В результате данной работы ежегодно готовятся аналитические обзоры «Оценка деятельности органов внутренних дел в средствах массовой информации и

сети Интернет», «Оценка деятельности органов внутренних дел социологическими службами».

Ежегодно нами готовится доклад руководству Министерства внутренних дел Российской Федерации о состоянии общественного мнения о работе полиции.

Хочу отметить, что все достижения Института в области криминологических исследований стали возможными благодаря сложившемуся творческому коллективу учёных, который совершенствует свой профессионализм и постоянно готов к решению любой задачи, поставленной МВД России для достижения цели качественного научного обеспечения деятельности органов внутренних дел.

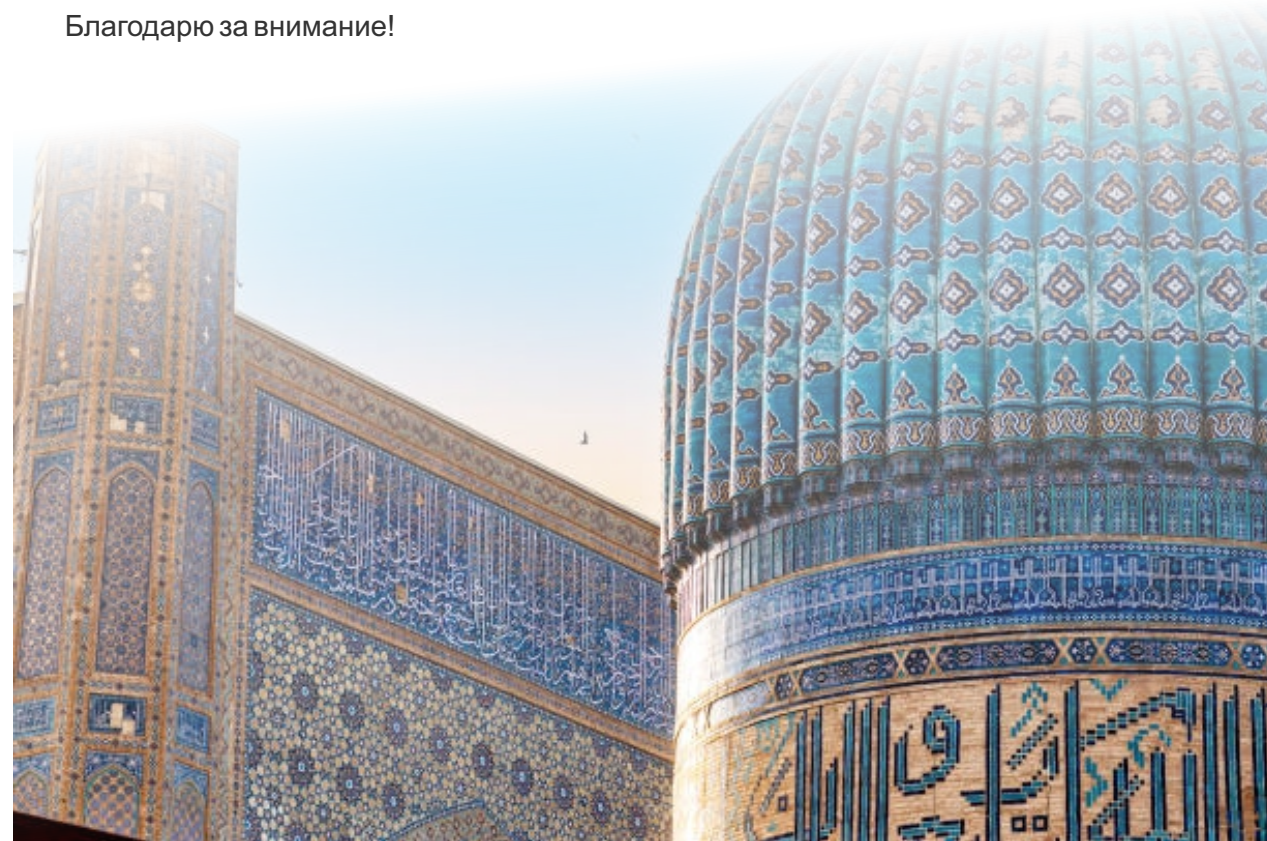
В Институте работали выдающиеся учёные, создавшие научно-методическую базу для научных разработок и перспективных исследований в области криминологии, работы которых уже стали научной классикой: **Александр Соломонович Михлин, Анатолий Иванович Алексеев, Виктор Иванович Гладких, Семён Самуилович Овчинский, Константин Константинович Горяинов, Вениамин Иванович Полубинский, Леонид Васильевич Кондратюк.**

В настоящее время продолжают трудиться в Институте Юрий Миранович **Антонян**, Михаил Матвеевич **Бабаев**, Геннадий Юрьевич **Лесников**, Петр Николаевич **Кобец**.

Михаилу Матвеевичу Бабаеву и Юрию Мирановичу Антоняну уже более 90 лет, но они по-прежнему активны, являются инициаторами научных исследований. Их активная научная деятельность является положительным примером для молодых поколений ученых Института.

В завершение доклада хочу отметить, что мы постоянно совершенствуем свою научную деятельность по криминологическому обеспечению деятельности органов внутренних дел. Готовы на творческое сотрудничество с криминологами Республики Узбекистан.

Благодарю за внимание!

Rustambaev Mirzayusup
Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Republic of Uzbekistan
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Республики Узбекистан

Yakubov Aleksandr
Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Republic of Uzbekistan
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Республики Узбекистан

CRIMINAL MISDEMEANOR: “PROS” AND “CONS”

Jinoiy qilmish: “tarafdormi yoki qarshi?”

Abstract. The article examines the theoretical and practical grounds for introducing an independent legal category – “criminal misdemeanor” – into the criminal legislation of the Republic of Uzbekistan. Based on the Constitution, the concept for improving criminal and criminal-procedure legislation, as well as international legal experience, the authors substantiate the necessity of differentiating criminal acts according to the degree of public danger. It is emphasized that the current classification of crimes does not fully reflect the humanistic and democratic orientation of the country's criminal policy aimed at liberalization, humanization, and the economy of criminal repression. The authors argue that the criminal misdemeanor should occupy an intermediate position between crimes and other offenses, representing moderate social danger and distinct legal consequences.

Keywords: criminal misdemeanor, criminal offense, liberalization, classification of crimes, criminal liability, criminal policy, decriminalization, depenalization, criminal legislation, concept, presumption of innocence, public danger, offense, punishment, sanctions, international practice, Uzbekistan, reforms, justice.

Annotatsiya. Maqolada O'zbekiston Respublikasi jinoyat qonunchiligiga mustaqil huquqiy toifa — «jinoiy qilmish»ni joriy etishning nazariy va amaliy asoslari tahlil qilingan. Mualliflar Konstitutsiya normalari, jinoyat va jinoyat-protsessual qonunchiligini takomillashtirish konsepsiyasi hamda xalqaro tajribaga tayana turib, jinoiy qilmishlarni jamiyat uchun xavflilik darajasiga ko'ra differentsiatsiya qilish zarurligini ilmiy jihatdan asoslaydilar. Maqolada jinoiy qilmish jinoyat va boshqa huquqbuzarliklar orasidagi o'rta bosqich sifatida huquqiy tabiatini aniqlash taklif etilib, unga xos mo'tadil ijtimoiy xavflilik va xos huquqiy oqibatlar ko'rsatilgan.

Kalit so'zlar: jinoiy qilmish, jinoiy huquqbuzarlik, liberallashtirish, jinoyatlarni klassifikatsiya qilish, jinoiy javobgarlik, jinoyat siyosati, dekriminalizatsiya, depenalizatsiya, jinoyat qonunchiligi, konsepsiya, aybsizlik prezumpsiyasi, ijtimoiy xavflilik, sanksiya, xalqaro tajriba, O'zbekiston, islohotlar, adolat.

The formation of a sovereign, democratic, legal, social, secular country and civil society with a socially oriented market economy, recognizing the highest value of the individual, their rights, and freedoms in accordance with the generally recognized norms of international law, necessitates a systematic and systemic analysis and monitoring of the existing legal system from the perspective of the current and future objectives identified by the President of the Republic of Uzbekistan, Shavkat Mirziyoyev.

Criminal law, broadly understood as an integral part of the country's legal policy implemented in the struggle against antisocial manifestations, is no exception. This practice encompasses a wide range of general social and specific forms of implementation, defining the strategic and most important areas of activity of the legislative, executive, and judicial branches.

The process of establishing and strengthening an independent Uzbekistan, inevitably accompanied by the formation of new social relations that require regulation, has led to emerging trends in criminal law policy in recent years. These trends are aimed at liberalizing criminal liability, limiting the scope of regulation of social relations through coercion, with an emphasis on decriminalization and depenalization, enhancing the legal culture of citizens and society as a whole, and more effectively implementing the principles of economic repression, humanism, justice, and democracy, while maintaining strict compliance with law and the inevitability of punishment.

It is axiomatic that ideal laws do not exist; they require constant improvement and alignment with objective socio-political and economic conditions and the laws of government development. This statement fully applies to the field of legislation, which constitutes the criminal law complex of branches of law for crime-fighting. Criminal law is the fundamental branch of law in relation to all branches of legislation regulating the crime-fighting. Criminal law policy is implemented exactly through criminal law with its specific content determined by its objectives. Such objectives traditionally include: defining the range of acts that can appropriately and necessarily be classified as crimes; determining the nature and scope of criminal law measures to be applied to individuals who have committed socially dangerous and criminally unlawful behavior; raising legal awareness and legal culture among the population by enhancing the effectiveness of criminal law measures. Achieving these goals is possible through various means and methods, but actual law enforcement demonstrates that the more effective are those that (given the category of the criminal offense) contain less punitive elements and are based on a reasonable combination of the inevitability of punishment and a focus on the preventive potential of criminal law norms.

The progress achieved in the legislative process in the first years of independence at the level of criminal legislation has made it possible to significantly limit the scope of criminal law regulation compared to the legislation of the “socialist” period, during which, for many offenses bordering on criminal and non-criminal, but classified as crimes, many categories of individuals were classified as antisocial individuals, stigmatized as criminals. This, in legal assessment and in the common consciousness, affected not only their subsequent lives but also adversely affected the fate of their relatives.

The rejection of such lawmaking and the chosen guidelines clearly outlined in the Constitution of the Republic of Uzbekistan, which stipulates that the people are the sole source of state authority (Part 1 of Article 7), that the state expresses the will of the people and serves their interests (Article 2), that the highest value is the people, their life, freedom, honor, dignity, and other inalienable rights (Part 1 of Article 13), and that human rights and freedoms are recognized and guaranteed in accordance with generally recognized norms of international law and the Constitution (Part 1 of Article 19), among other provisions, testify to the close attention paid by state policy aimed at ensuring the functioning of society, including through an appropriate response to potential excesses.

However, it is important that, while ensuring the inviolability of functioning social relations and their protection, including through the most “repressive” branch of legislation such as criminal law, attention is not ignored for individuals who have come into conflict with the criminal law, but who are still a part of society.

The President of the Republic of Uzbekistan Shavkat Mirziyoyev emphasized: “The development of an effective system of criminal and criminal-procedural legislation is one of the country's priority tasks in ensuring law and order, reliable protection of human rights and freedoms, the interests of society and the country, peace and security” [1]. At the same time, as our President states, “The current Criminal and Criminal-Procedural Codes were adopted almost 25 years ago. Over the past time, much has been changed, including relations in society, lifestyle, consciousness, and people's worldview. These codes no longer meet the today's requirements” [2]. The Decree of the President of the Republic of Uzbekistan “On measures to radically improve the system of criminal and criminal-procedural legislation” adopted on May 14, 2018, identified a number of problems and shortcomings directly related to criminal legislation that require modern solutions. These include legal gaps in the criminal legislation system that impede the effective protection of the rights, freedoms, and legitimate interests of citizens, and the maintenance of the rule of law during pre-trial and trial proceedings in criminal cases; the disproportionate nature of sanctions for certain crimes relative to the nature and degree of social danger posed by the acts, including the insufficient and ineffective use of alternative punishments, incentive norms, and public measures; and insufficient implementation of internationally recognized criminal law institutions, including the lack of criminal liability for legal entities. The aforementioned resolution approved a new “Concept for Improving the Legislation of the Republic of Uzbekistan”, which reasonably identifies the following as the main areas and objectives for improving criminal legislation: 1. Unification of criminal law norms; 2. Improvement of the system of criminal liability and punishment; 3. Ensuring effective and reliable protection of the rights and freedoms of citizens, as well as the interests of society and the state. This fundamental goal is somewhat elaborated and specified in the text of the Concept itself.

Without intending to analyze the proposed Concept in detail, we note that the objectives can be achieved through various approaches, and depending on the chosen approach, they may be successfully achieved. Therefore, the primary issue that initially requires a solution is the choice of an approach for reforming and constructing a new, modern criminal legislation.

The first potential approach to implementing the Concept is the development and creation of a totally new Criminal Code to replace the current one. However, firstly, there is no need to develop a new Criminal Code unless it is fundamentally and structurally completely different from the current one, which is unlikely to be achieved, as continuity, as well as other parameters of the legislative process and legislative technique, have not been abolished. Secondly, thirty years of experience with the current 1994 Criminal Code have, in its fundamental aspects, confirmed its viability and the validity of most of the criminal law institutions it contains. This approach suggests only one viable option: abandoning the classical school of criminal law and moving to a precedent-based system. The second potential approach involves a meticulous analysis of criminal law, particularly a thorough, systematic study of the conflicting, competing norms that permeate the Special Part of the Criminal Code, norms with “double” liability (administrative prejudice), norms that do not adequately convey the nature and degree of social danger corresponding to criminal behavior, excessively blanket norms, and the like, not to mention the existing gaps in legislation, which significantly reduce the overall effectiveness of criminal law by negating its social essence as an extreme and exceptional means of responding to offenses committed in society. Secondly, this will require finally developing a concept of sanctions that can form the basis for further legislative work on penalization and

depenalization of punishment, including the mechanisms for the permissibility of combining types of punishment as alternatives. This has not yet been done at the legislative level, which undoubtedly serves as the primary task of its committees implementing lawmaking in the sphere of criminal law policy. The third approach is based on the objectives set by the President of the Republic of Uzbekistan, Shavkat Mirziyoyev, in the Decree of the President of the Republic of Uzbekistan dated May 14, 2018 “On measures to radically improve the system of criminal and criminal procedural legislation” [1]. A comprehensive, effective solution to these problems is possible with a preliminary basic analysis and appropriate adjustment of one of the fundamental institutions of criminal law – the categorization (classification) of crimes, with mandatory “linkage” to the existing system of offenses (disciplinary, tax, administrative, etc.), misdemeanors (immoral, etc.), and torts (civil, etc.).

We believe this approach to be the most justified, acceptable, and effective.

The effectiveness of law enforcement depends not only on the quality of individual laws but also on their ability to interact. In general legal theory, crime as a criminal law phenomenon is traditionally classified as a category of offenses, each of which has distinct social and legal content and functional versatility. Without going into detail, it is important to note that only criminal law uses its own term – “crime”, which is unique to this branch of law. All other acts are included within the system of offenses, in the form of antisocial acts, misdemeanors, and torts. Based on this system, the necessity of which will be demonstrated below, we will focus on the category of “crimes” and the problems of their classification.

It is generally recognized that crime classification is the division of all types of crimes into specific categories (groups) that differ in their nature and degree of public danger. The classification of crimes, enshrined in Article 15 of the current 1994 Criminal Code, allows for the differentiation of liability and ensures the implementation of all principles of criminal law (Articles 3-10 of the Criminal Code).

Criminal law doctrine has distinguished *five-*, *four-*, and *three-stage* classifications of crimes, with the primary issue in all of these approaches pertaining to a single category – that characterized by a low degree of public danger. Terminologically, various scholars have classified this group as “crimes that do not pose a major public danger”, “minor crimes”, and “criminal misdemeanors”, assigning varying meanings to these categories. While the first two definitions of the category of acts representing the lowest level of social danger have become established in the legislation in a number of countries, the category of *criminal misdemeanors*, which includes both crimes that pose little social danger and minor offenses, has not received legislative regulation for many years. However, it appears that this approach by legislators, including those in Uzbekistan, to objectively existing behavior that, in terms of its nature and degree of social danger, does not correspond to the severity of the crime, but exhibits a higher degree of social danger than other offenses (administrative, tax, disciplinary, etc.), is undeserved, as it occupies an intermediate position between a crime and other offenses.

The issue of criminal misdemeanors in criminal law scholarship of the “socialist” period and in the post-Soviet territory has been discussed for over 60 years.

The idea of establishing a separate category in legislation that would replace minor crimes in terminology but would contain a number of specific legal consequences, allowing for a status somewhat different from that of crimes – criminal misdemeanors – was put forward by Professor M.D. Shargorodsky back in 1961 [3]. This idea was supported by many representatives in the field of criminal law, who, on the question of the legal nature of such behavior, were divided between those who considered it as a crime (albeit a less dangerous one), and others who classified it as a non-criminal act.

Subsequently, both positions were reflected not only in traditional scholarly publications but also in draft criminal laws actively developed in the 1970s. Thus, in 1974, a working group led by Professor V.I. Kurlyandsky prepared a draft Code of Criminal Misdemeanors [4], in which a criminal misdemeanor was considered a non-criminal offense (Article 5). In a monograph published in 1987, containing a theoretical model of the General Part of the Criminal Code, Professor N.I. Zagorodnikov defined criminal misdemeanors (crimes that do not pose a serious public danger) as an independent group, but as a type of criminal act (Part 1 of Article 18, Article 22) [5]. The most consistent supporter of the idea of introducing the category of “criminal misdemeanor” into criminal legislation was Professor N.F. Kuznetsova, a native of Tashkent, who consistently defended this point of view for a significant period of time [6]. In her famous monograph “Crime and Criminality” (1969), she wrote: “The term 'criminal misdemeanor' successfully emphasizes the specific nature of the crime for which, instead of criminal punishment, social impact measures may be imposed. These acts, while remaining crimes overall, are also **semi-criminal** in nature (*highlighted by the authors*). The sanctions for them are also mixed: partly this is punishment, partly these are social impact measures. The word 'criminal' signifies a criminal act, while the word 'misdemeanor' signifies that these acts are close to antisocial offenses – immoral, disciplinary, administrative, and civil” [6]. While generally supporting the substantive aspect of this approach, the terminological definition of this category of crimes raises some doubts.

The justified criticism leveled by the President of the Republic of Uzbekistan, Shavkat Mirziyoyev regarding the insufficient implementation of internationally recognized criminal law institutions as outlined in his Resolution of May 14, 2018, “On Measures to Radically Improve the System of Criminal and Criminal Procedure Legislation”, directly relates to the classification of crimes and the granting of the status of a criminal misdemeanor as an independent legal category.

In international legislative practice, the legal status of the category of criminal misdemeanor within the framework of classification has long been recognized. Foreign criminal law generally adopts a three-part (crimes, misdemeanors, and violations) or two-part (crimes and misdemeanors) classification of offenses. In both cases, their classification is based on the type and extent of the punishment prescribed for their commission, since it is axiomatic that sanctions are not and should not be an arbitrary decision of the legislator, as they are predetermined by the social content of the crime and its individual characteristics, which conceptually actualizes the problem of the technique of legislative construction of sanctions.

In particular, the criminal law of the United States of America, initially a combination of case law, or so-called common law, and statutory law, by the second half of the 20th century had effectively transformed into an independent and distinctive American version of the English legal system. At the federal level, Title I, Section 18, Classification of Offenses, of the United States Code, divides all offenses into the following categories, notwithstanding anything to the contrary provided by any Act of Congress: (1) Any offense punishable by death or imprisonment for more than one year (a felony [7]); (2) Any other offense is a misdemeanor [8]; (3) Any misdemeanor for which the penalty specified in the article defining the offense does not exceed imprisonment for six months or a fine of \$5,000, if on an individual, and \$10,000, if on a person other than an individual, or both, is a petty offense. [9, 59-60] Thus, the U.S. federal law essentially contains a two-part classification, dividing all acts into crimes and misdemeanors. It is noteworthy that at the federal level, criminal offenses are differentiated into two categories: 1. a criminal offense (misdemeanor) punishable by imprisonment from six months to one year; 2. a criminal offense (misdemeanor) punishable by imprisonment up to six months or a fine of a certain amount. The same approaches to differentiating criminal offenses are used in the criminal law systems of each state, albeit with different criteria for classifying a particular

behavior as a type of criminal offense based on a stable indicator – the type and amount of punishment. For example, in the Ohio Penal Code, Chapter 2901, section 2901.02, criminal offenses include: 1. classified misdemeanors; 2. misdemeanors not specifically classified, for which a punishment in the form of imprisonment for a term of not more than one year may be imposed; 3. Misdemeanors not specifically classified are classified as minor offenses if the only punishment that can be imposed is a fine of no more than one hundred dollars [9, 151-152].

In the criminal legislation of France, which represents the continental legal system, the Criminal Code, which was used as a model in the development of the criminal codes of most European countries and a number of developing countries, especially former French colonies, classifies as crimes the acts for which the law punishes with painful or disgraceful punishments, as misdemeanors the acts punishable by correctional punishments, and as violations the acts punishable by police punishments.

The German Criminal Code (as amended in 1975) provides for a two-part classification, in which crimes are defined as misdemeanors punishable by imprisonment for one year or more, while misdemeanors are defined as unlawful acts punishable by short prison terms (less than one year) or a fine.

In Switzerland and Austria, misdemeanors are defined as offenses punishable by up to three years' imprisonment.

A differentiated legislative approach to categorizing crimes is also used in many countries in Asia, Africa, and Latin America [10].

In the post-Soviet territories, in particular in Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Ukraine, separate codes on criminal misdemeanors were adopted, which defines their legal nature as criminal offenses.

From a historical perspective, it is interesting to recall that the issue of the advisability of introducing a separate category – criminal misdemeanor – into Uzbekistan's criminal legislation was raised during the preparation of the first draft of the Criminal Code back in 1993. However, it was not taken up. Therefore, assuming that this issue would sooner or later be brought to the fore, a category of crimes that do not pose a significant public danger was classified. This category encompassed both intentional and reckless offenses for which the law does not provide for imprisonment (Part 2 of Article 15 of the Criminal Code as amended in 1994).

In modern Uzbekistan's criminal law policy, a clear strategic focus is on liberalizing criminal liability and punishment, humanizing and expanding the scope of democratic principles. This priority objective is addressed in existing legislation in accessible ways, including, in light of the problem we are discussing, the following areas can be identified.

First, the Criminal Code of Uzbekistan currently contains **278 offenses that do not pose a significant public danger**, 108 of which do not carry the harshest penalty of imprisonment. Furthermore, the number of acts that acquire the “status” of a crime only after the application of administrative penalties (administrative prejudice) has increased from **18 provisions** in the 1994 version of the Criminal Code to **86 offenses**.

Secondly, in accordance with the Law of the Republic of Uzbekistan from August 29, 2001 “On Amendments and Additions to the Criminal Code, the Criminal Procedure Code and the Code of the Republic of Uzbekistan on Administrative Liability in Connection with the Liberalization of Criminal Punishments” [11], the range of crimes that do not pose a major public danger was significantly expanded, which included intentional crimes with administrative prejudice, torts of creating a danger to public relations that do not entail causing significant damage, as well as crimes committed through negligence that resulted in causing significant damage, i.e.: a) intentional crimes for which the punishment provided is imprisonment for no more than three years, and b) crimes committed through

negligence for which the law provides punishment in the form of imprisonment for no more than five years (Part 2 of Article 15 of the Criminal Code) [12].

Thirdly. The punishment system has been amended and supplemented (Articles 43, 81 of the Criminal Code):

a) In accordance with the Law of the Republic of Uzbekistan from August 29, 2001 “On Amendments and Additions to the Criminal, Criminal Procedure Codes and the Code of the Republic of Uzbekistan on Administrative Responsibility in Connection with the Liberalization of Criminal Punishments” [11], the punishment in the form of confiscation of property (Article 53 of the Criminal Code) has been excluded;

b) In accordance with the Law of the Republic of Uzbekistan from August 10, 2015 “On Amendments and Additions to Certain Legislative Acts of the Republic of Uzbekistan” [13], a new punishment in the form of restriction of liberty (Article 48-1 of the Criminal Code) has been introduced into the system. This consists of the court imposing on the convicted person a complete ban on leaving the home under one pretext or another, or restricting the freedom to leave the home at a certain time of day;

c) In accordance with the Law of the Republic of Uzbekistan from March 29, 2017 “On Amendments and Additions to Certain Legislative Acts of the Republic of Uzbekistan in Connection with the Adoption of Additional Measures to Ensure Guarantees and Reliable Protection of the Rights and Freedoms of Citizens” [14]:

- arrest has been excluded from the penal system (Article 48 of the Criminal Code);
- a new penalty in the form of mandatory community service has been introduced (Article 45-1 of the Criminal Code), consisting of the forced involvement of the convicted person in the performance of unpaid community service;
- the minimum sentence in the form of restriction of liberty has been reduced from six to one month;
- the minimum sentence in the form of imprisonment has been reduced from six months to one month (Part 2 of Article 50 of the Criminal Code);

d) In accordance with the Law of the Republic of Uzbekistan from July 11, 2007 “On Amendments and Additions to Certain Legislative Acts of the Republic of Uzbekistan in Connection with the Abolition of the Death Penalty” [15]:

- the death penalty has been excluded from criminal legislation;
- the punishment of life imprisonment has been included.

Fourth. The scope of application of the institutions of exemption from criminal liability and exemption from punishment have been significantly expanded:

a) In accordance with the Law of the Republic of Uzbekistan “On Amendments and Additions to the Criminal and Criminal Procedure Codes of the Republic of Uzbekistan” [16], Article 66 (Part 2) and Article 71 (Part 3) were supplemented with provisions according to which a person who has committed a crime is subject to exemption from criminal liability or exemption from punishment in cases specifically specified in the relevant article of the Special Part of the Criminal Code due to active repentance for the act. In accordance with these provisions, special provisions on exemption from criminal liability are provided for in 20 articles, exemption from punishment is provided for in one article, and 16 articles provide special provisions for the non-application of punishment in the form of restriction of liberty and imprisonment;

b) In accordance with the Law of the Republic of Uzbekistan from August 29, 2001 “On Amendments and Additions to the Criminal, Criminal Procedure Codes and the Code of the Republic of Uzbekistan on Administrative Liability in Connection with the Liberalization of Criminal

Punishments” [11] the Criminal Code was supplemented with Article 66-1, regulating a new type of release from criminal liability for criminal law in connection with reconciliation. Using the list method of determining the category of crimes, which is systematically subject to change, the legislator defined a number of conditions for possible release on this basis, namely: the person, a) committed one of the crimes listed in part one for the first time; b) admitted the guilt; c) made amends for the harm caused; d) reconciled with the victim. Subsequently, Part Two was introduced, limiting the application of this type of institution of exemption from criminal liability by the provision on the impossibility of its application to persons with an outstanding or unremoved conviction for serious or especially serious crimes [17]. Currently, Part 1 of Article 66-1 of the Criminal Code provides for 46 crimes, which, in accordance with Part 2 of Article 15 of the Criminal Code, are classified as not posing a great public danger. It should be noted that this norm is of procedural origin. In accordance with Clause 6 of Part 1 of Article 5 of the Criminal Procedure Code of Uzbekistan of 1959, a criminal case could not be initiated, and an initiated one had to be terminated due to reconciliation between the victim and the accused in cases initiated only upon the complaint of the victim. In accordance with Article 372 of the Criminal Procedure Code of Uzbekistan of 1959 included such cases as intentional minor bodily harm committed by a person who had already been subjected to public influence measures for the same acts, as well as those committed by a person to whom, due to the circumstances of the case, a public influence measure cannot be applied (Part 1 of Article 91 of the Criminal Code of 1959), battery and torture (Part 1 of Article 93 of the Criminal Code of 1959), slander (clause “a” of Article 112 of the Criminal Code of 1959) and insult (Part 1 of Article 113 of the Criminal Code of 1959) without aggravating circumstances, and arbitrariness (Article 200 of the Criminal Code of 1959). These cases (cases of the so-called private prosecution) were initiated only upon the complaint of the victim and were the subject to termination in the event of the reconciliation with the accused. At the same time, the exemption from criminal liability based solely on procedural norms without a corresponding substantive, i.e., criminal-legal, basis has provoked a well-founded negative reaction in the scientific community. Therefore, it is appropriate to provide for a new type of exemption from criminal liability in the current Criminal Code.

The issue of legal consequences depending on the classification of relevant crimes into a particular group has been fairly well studied in criminal law, where most scholars quite clearly note the significant influence of crime classification on the institution of exemption from criminal liability. This is no coincidence, as the idea of criminal misdemeanors, which first emerged in the early 1960s, was directly influenced by the adoption of the all-Union criminal legislation of 1958 and the criminal codes of the Soviet Union republics of 1959-1961. In these legislations, the institution of exemption from criminal liability was significantly developed compared to previous legislation. This was not a “stillborn” institution, but a rather effective one, as statistics show that the norms forming it were widely and actively applied, and in some years during Soviet times, up to half a million citizens were exempted from criminal liability. The prosecutor, investigator, inquiry authorities, and the court had the authority to decide on exemption from criminal liability. However, the court did not issue a guilty verdict, but rather, in procedural documents, it was mandatory to indicate the specific crime committed by the individual, thereby demonstrating guilt. This provision, however, conflicted with the constitutional principle of the presumption of innocence. It was this very contradiction that prompted the search for ways to resolve it, sparking a scholarly debate about the advisability of changing the legal definition of an act by establishing a separate category, outside the scope of a crime, namely, a criminal misdemeanor – a non-criminal offense that does not pose a significant public danger.

An attempt to eliminate the significant conflict between the Constitution and criminal and criminal-procedural legislation was made on August 13, 1981. [18] The amendments that replaced

the phrase “*crimes that do not pose a major public danger*” with the new phrase “*an act containing elements of a crime that does not pose a major public danger*”, which later appeared in the legislation of the Soviet Union republics, were introduced.

But this did not resolve the problem, and legal literature increasingly debated the need for a misdemeanor as a type of crime or as an independent category of non-criminal offense¹. However, the central idea in this debate remained that identifying a new type of criminal offense in law was a priority for resolving many issues, including the institution of exemption from criminal liability.

It is important to emphasize that the principle of the presumption of innocence is enshrined in Part 1 of Article 28 of the Constitution of the Republic of Uzbekistan (as amended on May 1, 2023), which states: “A person accused of committing a crime shall be presumed innocent until proven guilty in a public trial in the manner prescribed by law and established by a court verdict that has entered into legal force”. Clearly, the provisions of the Criminal Code and the Code of Criminal Procedure contradict this principle. Therefore, in compliance with the Constitution's stipulation that “no law or other normative legal act may contradict the principles and norms of the Constitution” (Part 2 of Article 16 of the Constitution), it is necessary to bring the provisions constituting the institution of exemption from criminal liability into line with it. The most appropriate approach is to define a category of criminal offense with the corresponding procedural formalities.

The above-mentioned directions of liberalization and humanization implemented by the legislator did not conceptually solve the goal set by the President of the Republic of Uzbekistan Shavkat Mirziyoyev: **the development of an effective system of criminal and criminal-procedural legislation** [1] (*highlighted by the authors*).

While conceptually supporting the idea of legislatively enshrining the category of “criminal misdemeanor” as an independent group of criminal acts, we believe it is appropriate and timely to adopt a fundamentally correct solution – a revision of the categorization of crimes that would be consistent with the humanization and liberalization of criminal law policy, which would, among other things, expand the scope of the democratic principle.

The time has come to pose a specific question to legislators, which must be answered unequivocally: should the category of “criminal misdemeanor” be introduced into criminal law? Yes or no? The answer must be affirmative, as we have clearly and convincingly substantiated and demonstrated in this publication.

It appears that one of the reasons for the negative reception of the idea of granting penal offense the status of a legislative category is the unclear and imprecise terminology used to define this phenomenon and behavior. We believe that the phrase “penal offense”, originally coined and continued to be used in specialized legal literature, firstly, does not reflect the etymological essence of the words used in it, and secondly, does not capture the substantive characteristics of this legal phenomenon. “Penal offense” – in the common sense, as well as in its legally applicable sense, and subsequently, its possible use at the legislative level – is insufficiently defined. The term “penal”, as we have repeatedly written, even among Russian-speaking scholars, lacks a clear explanation in terms of its origins. [19] The second term, “offense”, is traditionally understood as a general term, denoting socially harmful behavior for which disciplinary action and penalties are applied.

In principle, such a formulation may be acceptable if a penal offense is regarded as a non-criminal act. However, this approach would inevitably imply the creation of a new branch of law – a concept that appears too revolutionary and insufficiently justified at present.

¹ Unfortunately, we cannot refer to the works of Uzbek scholars as they do not exist in fact. When we speak of discussion, we mean the widespread debate in the post-Soviet territory. See, for example, N.F. Kuznetsova, *Scholars' Opinions on Criminal Code Reform (or Qui prodest?)* // *Criminal Law*. 2004. No. 1. – P. 27.

It appears, as we have indicated above, that a penal offense occupies an intermediate level in the hierarchy of all offenses between crimes and administrative offenses, but by its legal nature it still remains within the categorization of crimes, since, like a crime, it shares the characteristic of social danger. It is precisely this characteristic that distinguishes a crime as an offense in the broad sense from other categories of offenses (administrative, tax, customs, disciplinary, civil, etc.), and from immoral offenses. In the narrow sense, “crime”, as a term specific to criminal law, is not an “offense”.

The need to clarify the understanding of the term “offense”, which includes crime and other behavior with varying socio-illegal content, from the viewpoint of functional polysemy has long been urgent. Perhaps since a crime occupies a special place in this hierarchy of offenses, the use of the term “offense” in the broad sense in specialized literature and even in legislation is often expressed through the phrase “crimes and other misdemeanors”.

The material characteristic, or social danger, is inherent in and characterizes only one behavior, which is criminal behavior, since such acts pose a danger to society as a whole. Acts that constitute other offenses are more accurately described as socially dangerous, that is, dangerous only to specific social interests. As for the definition of immoral offenses, based on the criterion we have chosen, there is no basis for classifying them as socially or socially dangerous. They are simply dangerous or harmful, since not every immoral act is subject to public condemnation and, in most cases, remains without any legal response, limited to either self-condemnation or a negative assessment of one's immediate environment.

Therefore, crimes are *public dangerous* acts, other offenses are *socially dangerous* acts, and immoral offenses are simply dangerous or harmful acts.

To summarize, we propose abandoning the term “penal” («уголовный»), which is now used in Russian for classifying these sorts of crimes, which has no precise etymology, in favor of the term “criminal” («преступный»), and replacing the term “offense” with the category “misdemeanor”. In this version, a **criminal misdemeanor** («преступное правонарушение») will become legally justified, since the term “criminal” indicates that this category is closest to crimes *in terms of the social danger* it poses, while the term “misdemeanor” indicates that this behavior cannot be assessed in the same way as a crime, given the varying *degrees of social danger*.

Meanwhile, implementing criminal law reform and differentiating acts into crimes and criminal offenses will achieve both the primary goal of developing an effective system of criminal and criminal-procedural legislation, as well as its associated objectives: the systematic and consistent implementation of the governmental criminal policy of liberalizing and humanizing criminal liability; bringing criminal legislation into line with internationally accepted standards and embracing positive practices in the development of criminal law institutions and their implementation at the legislative level; more effective implementation of the principle of parsimony in criminal repression; expanding the scope of application of the principle of democracy; significant decriminalization of criminal acts; reduction in the number of individuals with a criminal record; simplified legal proceedings; reduction in the time and effort required for pre-trial proceedings, etc.

The category of criminal misdemeanors should include the current category of crimes that do not pose a major public danger (Part 2 of Article 15 of the Criminal Code) or be limited to those offenses for which the sanctions of the article in the Special Part of the Criminal Code do not provide for a prison sentence. At the same time, raising the minimum term of imprisonment as a punishment applied to crimes is necessary, as the current limit of one month is unjustified and does not correspond in any way to other types of punishment within the system.

References

1. Постановление Президента Республики Узбекистан от 14 мая 2018 г. (№ ПП-3723) «О мерах по кардинальному совершенствованию системы уголовного и уголовно-процессуального законодательства» // Национальная база данных законодательства, 15.05.2018г., № 07/18/3723/1225; 01.10.2018г., № 06/18/5547/1975.
2. Мирзиёев Ш.М. Послание Президента Республики Узбекистан Олий Мажлису. // В кн.: Светлой и благополучной будет жизнь народа, имеющего благородные устремления и великие цели. Т.3. – Ташкент: ИПТД «Узбекистан», 2019. – Р. 44.
3. Шаргородский М.Д. Вопросы общего учения о наказании в период развернутого строительства коммунистического общества: Тезисы доклада // Советское государство и право в период развернутого строительства коммунизма. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. – Р. 77-78.
4. Кодекс уголовных проступков: Проект. – М., 1974. – 120 с.
5. Уголовный закон: опыт теоретического моделирования. – М.: Наука, 1987. – С. 51–61, 63–65, 239–240.
6. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. – М., 1969. – С. 144-150; Кузнецова Н.Ф. Понятие преступления и виды преступлений // Курс уголовного права: в 5 т. / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. – М., 2002. Т.1. Учение о преступлении. – Р. 150-151.
7. felony – a crime of high seriousness that can be punished by imprisonment.
8. misdemeanour – a minor wrongdoing, non-indictable offence.
9. Уголовное право буржуазных стран: Общая часть. Сборник законодательных актов. – М., 1990.
10. See for further details: Пантелеев В.А., Козочкин И.Д., Лихачев В.А. Уголовное право развивающихся стран: Общая часть. – М.: Изд-во УДН, 1988. – Р. 59-64, 69-70.
11. Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан, 2001 г., № 9-10, ст. 165.
12. This approach to defining the crimes without serious danger for public security was suggested in juridical literature in 1979 by professor L.N.Krivochenko. See for details: Кривоченко Л.Н. См.: Классификация преступлений: – Харьков, 1979. – Р. 24-25; Кривоченко Л.Н. Освобождение от уголовной ответственности с применением мер общественного или административного воздействия. – Харьков, 1981. – Р. 20.
13. Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан, 2015 г., № 8, ст. 310.
14. Собрание законодательства Республики Узбекистан, 2017 г., № 13, ст. 194.
15. Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан, 2007 г., № 6, ст. 248.
16. Собрание законодательства Республики Узбекистан, 2010 г., № 52, ст. 509.
17. Закон (№671-II) Республики Узбекистан от 27 августа 2004 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан». – Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан, 2004 г., № 9, ст. 171.
18. Указы Президиума Верховного Совета СССР от 13 августа 1981 г. «О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» и «О внесении изменений и дополнений в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1981. № 33. Ст. 965, 966.
19. Джалилов М.Д., Рустамбаев М.Х., Якубов А.С. Концепция законодательства Республики Узбекистан о преступлениях и наказаниях. – Т.: ВШ МВД РУз, 1994. – Р.7; Якубов А.С. Теоретические проблемы формирования правовой основы учения о преступлении: предпосылки, реальность, перспективы. – Т.: Академия МВД РУз, 1996 г. – Р. 33-34; Уголовное право. Общая часть / А.С. Якубов, Р. Кабулов и др. – Т.: Академия МВД РУз, 2005. – Р. 15-17; Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций: в 3т. Т.1. Общая часть. – М., 2007. – Р. 1 and others.

Калашников Игорь Владимирович
кандидат юридических наук, доцент
Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

A systems approach to studying modern crime prevention

Аннотация. В статье рассмотрен системный подход в изучении предупреждения современной преступности, изучены определения преступности в криминологической, правовой, социологической, философской литературе. Определены задачи противодействия преступности, обуславливающие необходимость, как критического осмысления существующих методов, так и изыскания возможностей выхода за рамки традиционных методов изучения правовых явлений. Освещены проблемы эффективности противодействия преступности, в целях ее минимизации в объективно складывающихся социальных условиях, для решения которых необходимо определиться с рядом ключевых положений, исходя из современных научных представлений о сущности преступности, ее форм и реальных возможностях воздействия на нее.

Ключевые слова: Криминология, понятие, преступность, состояние, структура, динамика, системный подход, параметры общества, социальный контроль, социальная система, социальный процесс, показатели, отличительные признаки, массовость, изменчивость, совокупность деяний, предупреждение современной преступности.

Abstract. The article examines a systemic approach to the study of modern crime prevention. It explores various definitions of crime found in criminological, legal, sociological, and philosophical literature, highlighting the multifaceted nature of this phenomenon. The research identifies the main tasks of countering crime, which necessitate both a critical reassessment of existing methods and the search for new approaches that go beyond traditional frameworks for studying legal phenomena. The paper also addresses the issues of effectiveness in combating crime, aimed at minimizing it under current social conditions. To achieve this, it is essential to define a number of key principles based on contemporary scientific understanding of the nature of crime, its forms, and the real possibilities of influencing it.

Keywords: criminology, concept, crime, state, structure, dynamics, systems approach, parameters of society, social control, social system, social process, by-product, indicators, distinctive features, mass character, variability, set of acts, prevention of modern crime.

Преступность в своих проявлениях многообразна, многолика, что создает огромные трудности как для ее теоретического осмысления, так и для практики борьбы с ней. Определений преступности в криминологической, правовой, социологической, философской литературе великое множество. Каждое определение показывает, какие стороны преступности, по мнению ученых, формулировавших его, представляются им наиболее главными. Однако все эти определения становились почвой для дискуссий, критики, утверждений, зачастую даже недоразумений и необоснованных упреков, ибо каждый

понимает и толкует сказанное другим подчас субъективно. Вместе с тем, традиционным для российской криминологической науки является понимание преступности как относительно массового социально-правового исторически изменчивого негативного явления, имеющего уголовно-правовой характер и слагающегося из всей совокупности преступлений, совершаемых на определенной территории в определенный период времени [2].

Наряду с определением преступности как социального явления она рассматривается и через призму иных родовых понятий, таких как состояние и параметры общества, социальная система, социальный процесс, побочный продукт цивилизации, показатель социальной патологии. Несмотря на существенные различия перечисленных родовых понятий, характеризующих преступность, ее видовые отличительные признаки (массовость, социальность, изменчивость, совокупность деяний), как правило, совпадают.

Изучение преступлений в массе, как и любых других явлений, показывает, что именно в массе они обнаруживают немало новых свойств. Более того, отмечается определенное строгое соотношение между разными преступлениями, видами преступности.

За множеством преступлений просматриваются и устойчивость преступного поведения (рецидив), и организованность (групповое совершение преступлений), по возрастным, половым критериям, и общественная опасность уже массы преступлений, выражающаяся в определенном соотношении преступлений разной тяжести, т.е. связь преступности и преступлений трактуется как связь общего и отдельного. Вместе с тем общее, как известно, не повторяет характеристики отдельного. Поэтому использование диалектического подхода при рассмотрении проблемы соотношения преступления и преступности как общего и отдельного (единичного) позволяет сделать вывод о том, что преступность проявляется не только в виде фактов преступных деяний.

Вопрос о системно-структурном характере какого-либо объекта возникает всегда, когда необходимо выяснить и установить, как изменение данного объекта взаимосвязано с изменением более общего целого, в которое он входит как часть, и как изменение одной части целого связано с изменением других частей. Указанная задача неизбежно возникает и перед нами, когда, используя системный подход, мы предпринимаем попытку изучить преступность в органическом единстве с обществом, как сложное явление, взаимосвязи ее отдельных видов.

Результаты проведенных эмпирических криминологических исследований в последние годы свидетельствуют как о наличии системных зависимостей внутри преступности, между преступностью и обществом, так и о тесных взаимосвязях преступности в сфере информационных технологий [6, С. 101], экономическими, политическими, социально-культурными, демографическими, психологическими, социально-психологическими и иными факторами. В современных условиях эмпирическими изысканиями криминологов предпринята попытка создать информационную базу для целенаправленного наступления на преступность не только как на совокупность совершенных преступлений, с которыми необходимо бороться уголовно-правовыми мерами, но и как на общественное явление, справиться с которым можно, лишь применяя всю систему социальных мер воздействия на его сложный причинный комплекс. Однако как только были предприняты реальные попытки применить накопленную информацию при разработке социальных целевых программ сокращения преступности на отдельных объектах (городах, регионах и т.п.), оказалось, что характер имеющихся сведений не позволяет использовать их для решения этих практических задач.

Вместе с тем наличное криминологическое знание в большинстве случаев зафиксировало лишь связи преступности с отдельными общественными явлениями, но не смогло дать социальному планированию данных о вероятных результатах интегрированного действия

всех экономических, политических, социально-культурных и других факторов на количество и типы антиобщественных поступков. Удовлетворить потребность в подобных сведениях может лишь такая криминологическая теория, которая объединила бы в едином контексте информацию и о преступности, различных ее видах, и о социально-экономических причинах, ее порождающих. При этом и преступность и причины ее возникновения должны рассматриваться как моменты одного органического целого, где все взаимоопосредовано, а каждое общественное явление определено всеми остальными и, в свою очередь, влияет на них.

Одним из первых российских криминологов, подошедших к решению отдельных криминологических задач с позиций системного анализа, является профессор Сергей Ефимович Вицин. Именно он усмотрел в системном подходе исключительные, многообещающие возможности обобщения эмпирических данных с позиций системного анализа. Эти возможности позволили поставить цель – не только дать системное описание преступности и уголовной юстиции как социальной системы, но и «способствовать выработке системного стиля мышления у тех, кому предстоит применять методы системного подхода в такой сложной отрасли социального управления, как обеспечение общественного порядка и организация борьбы с преступностью» [1, С. 5]. Предложенный профессором С.Е. Вициным системный подход как современный метод научного исследования и управления позволяет органически объединить научные и дидактические цели при изучении преступности как негативного социального явления и отдельных форм ее проявления, как для практических, так и теоретических целей. Изучение специальной юридической, философской и социологической литературы позволяет сделать вывод о множестве различных мнений относительно сущности системного анализа. Так, определяя общую характеристику системного анализа, автор присоединяется к той уже устоявшейся точке зрения, которая выделяет частнонаучный, общенаучный (или междисциплинарный) и философский уровни методологии. Системный подход относится при этом к общенаучному уровню как необходимой предпосылке применения материалистической диалектики. «Место системного подхода следует расценивать как промежуточное между философией и специальным научным познанием. Методология же системного подхода опосредствует применение диалектики ко всей области знания», – пишет С.Е. Вицин и подчеркивает, что «...системный подход имеет особое значение для исследования социальных явлений и процессов, рассмотрения их как саморазвивающихся систем» [1, С. 13]. Среди множества возможных определений системы (а их в литературе по системному подходу насчитывается более ста) мы, соглашаясь с мнением В.Е. Вичина, избираем такое, которое в наибольшей мере способствует его использованию в прикладном криминологическом аспекте, т.е. когда понятие «система» представляет собой «структурно-функциональное единство элементов». «Систему можно определить, – пишет он, – как целостное единство структурно расчлененных, но взаимосвязанных элементов, реализующее определенные функции в условиях конкретной внешней среды». Приведенные определения вполне приемлемы и в общетеоретическом плане. Применяемый нами системный подход, разработанный профессором С.Е. Вициным, дает возможность углубить представление современной криминологии о своем предмете, описав преступность как сложную динамическую социальную систему, как процесс, и изложить теоретические основы ее логико-математического моделирования. С.Е. Вицин аргументировано и последовательно отстаивает ту точку зрения, что преступность как сложная динамическая система может быть управляема в той степени, в какой общество способно воздействовать на самого себя, т.е. на состояние комплекса социально-экономических факторов, образующих причинную основу преступлений. С позиций общей

теории управления здесь нет ничего невозможного, и по мере того как укрепление общественного правопорядка становится составной частью комплексного планирования экономического и социального развития регионов и страны в целом, на практике речь идет не о том, нужно или нет управлять преступностью, сокращая ее путем воздействия на причины, а лишь о том, чтобы делать это наиболее эффективно.

При этом системный подход (независимо от того, рассматривается ли в качестве системы непосредственно сама преступность или в ней видят порождение другой социальной системы – общества) требует исследования связей между элементами преступности и между преступностью и остальными антиобщественными явлениями.

Применительно к преступности в целом большой системой признается общество. Признавая тесную взаимосвязь между социальными отклонениями и преступностью, необходимо видеть и специфику различных форм социальных отклонений, в том числе отличие преступности от иных форм. Оно состоит в наибольшей степени общественной опасности и объявлении об этой общественной опасности государством. Реализуя уголовную политику, государство делает это путем введения уголовно-правового запрета на совершение определенного круга деяний и установления за его нарушение самой строгой уголовной ответственности.

Таким образом, оказывается, что количественные и качественные показатели преступности изменяются законодателем, хотя совершенно ясно, что реальные характеристики преступности как объективно существующего социального процесса от законодательной деятельности непосредственно не зависят, и никакие законы не могут сами по себе воздействовать на него.

В современном динамичном, быстро развивающемся мире все более важным оказывается обеспечение социальной стабильности, сохранение основных черт сложившегося социального бытия, основанного на позитивных, проверенных историей и практикой существования человеческого общества положениях. Именно это стало условием решения глобальных проблем, стоящих перед современным человечеством, которые изложены в докладе Генерального Секретаря ООН на 59-й сессии этой организации, посвященной новому тысячелетию, позволяющим обеспечить устойчивый широкомасштабный экономический рост и сделать современное общество, некоторые части которого ныне разрушаются организованным насилием, свободным от нужды и страха путем борьбы против бедности, насилия и террора.

Молодой возраст новейшей Российской криминологии влияет на ее квалификацию как преимущественно юридической науки, так как границы преступного устанавливает закон, и, следовательно, вопросы воздействия на преступность регулируются законом. Вместе с тем криминология западных стран ориентируется на социологию преступности, в последнее время – на психологию человеческого поведения и превращается в комплексное, междисциплинарное знание.

Системный подход предполагает необходимый уровень функциональной безопасности социальных систем. Он может применяться при решении социально-экономических, социально-политических, инженерно-технологических, криминальных и других задач, предполагающих изучение или создание системных объектов высокой сложности, а также управление ими.

Естественно, исключительно сложными и трудными для исследования в новых условиях стали проблемы эффективности противодействия преступности, в целях ее минимизации в объективно складывающихся социальных условиях. Для решения этой актуальной

социальной проблемы необходимо, прежде всего, определиться с рядом ключевых положений, исходя из современных научных представлений о сущности преступности как негативно отклоняющегося (девиантного) поведения, ее форм и реальных возможностях воздействия на нее.

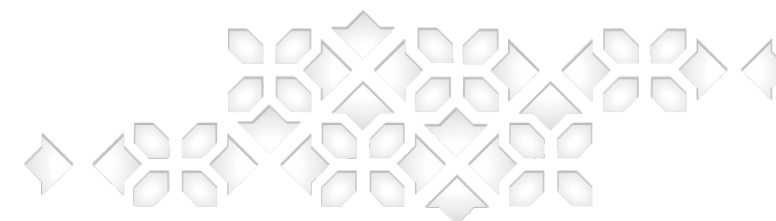
Одной из доминирующих криминологических тенденций последнего десятилетия является продолжающийся рост преступности как в мире в целом, так и отдельных странах с одновременным отставанием социально-правового контроля от растущей криминализации общественных отношений [5, С. 17].

Таким образом, масштабы преступности в современном обществе характеризуются не столько ее количеством, т.е. абсолютным числом преступлений и преступников, сколько ростом качественного разнообразия сфер и способов совершения преступлений, следовательно, разнообразия субъектов преступления, организационно-структурным усложнением криминализации общества в географическом измерении, созданием и трансформацией качественно новых криминальных субъектов в местные, региональные, национальные и транснациональные структуры (формы). Современные преступные сообщества используют современные формы организации, информационного обеспечения, современную технику, интеллектуальные технологии, экономические, юридические, психологические и другие знания.

Именно системный подход дает возможность, учитывая биосоциальную природу преступности, исследовать данный феномен в контексте общественных отношений, т.е. в органической взаимосвязи с различными сферами жизнедеятельности социума: правом, экономикой, политикой, религией и другими.

Использованные источники

1. Вицин С.Е. Системный подход и преступность: уч. пособие. М.: Издательство Академии МВД СССР, 1980, – 140 с.
2. Криминология: учебник для вузов / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. 2-е изд., перераб. и доп., М., 2000; Стручков Н.А. Преступность как социальное явление. Л., 1979; Долгова А.И. Преступность и общество. М., 1992; Ли Д.А. Преступность как социальное явление. М., 1997 и др.
3. Криминология: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» / (Девятое издание, переработанное и дополненное) / [Аванесов Г.А. и др.]. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2024. – 472 с.
4. Основы криминологии: (Второе издание, переработанное и дополненное) [Федоров А.В. и др.]. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023, – 416 с.
5. Иванцов С.В. Обеспечение органами внутренних дел системного подхода в изучении и предупреждении организованной преступности. Монография: ЮНИТИ-ДАНА Москва. 2017. - 287 с.
6. Криминологическая характеристика и прогнозирование отдельных видов киберпреступлений, совершаемых в информационно-телекоммуникационном пространстве на территории Российской Федерации Калашников И.В., Калашникова Л.Н. Криминологический журнал. 2024. №2.

Абдурасулова Кумриниса Раимкуловна
доктор юридических наук, профессор
ТГЮУ Республики Узбекистан

Doctor of Law, Professor
Tashkent State Law University of the Republic of Uzbekistan

Буранова Разия Ермахамед кизи
доктор философии по юридическим наукам
Академия МВД Республики Узбекистан

Doctor of Philosophy in Law
Academy of the Ministry of Internal Affairs of Uzbekistan

ПЕРЕДОВОЙ ОПЫТ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В МИРОВОЙ КРИМИНОЛОГИИ

*Modern Problems of Criminological Forecasting
in the World Today and Ways to Solve Them*

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые вопросы и проблемы криминологического прогнозирования в современном мире, анализируется, как глобализация, цифровая трансформация и искусственный интеллект влияют на прогнозирование и профилактику преступности. Выявлены основные методологические, этические и правовые трудности, препятствующие созданию надежных криминологических моделей. Особое внимание уделяется региональным различиям в практике прогнозирования в Европе, США, Азии, Латинской Америке, Африке и России. Обсуждаются возможные решения, включая международное сотрудничество, разработку прозрачных алгоритмов и интеграцию междисциплинарных подходов.

Ключевые слова: криминология, прогнозирование, искусственный интеллект, глобальная преступность, прогнозная аналитика, этика, методология, Азия, международное сотрудничество.

Annotation. This article examines the key issues and challenges of criminological forecasting in the modern world. It analyzes how globalization, digital transformation, and artificial intelligence affect crime prediction and prevention. The paper identifies the main methodological, ethical, and legal difficulties that hinder the creation of reliable criminological models. Particular attention is given to regional differences in forecasting practices in Europe, the United States, Asia, Latin America, Africa, and Russia. Also discusses possible solutions, including international cooperation, the development of transparent algorithms, and the integration of interdisciplinary approaches.

Keywords: criminology, forecasting, artificial intelligence, global crime, predictive analytics, ethics, methodology, Asia, international cooperation.

Криминологическое прогнозирование представляет собой одно из наиболее перспективных направлений современной криминологической науки в мире. В условиях стремительного развития технологий, глобализации и трансформации социальной структуры общества, преступность приобретает новые формы, а её динамика становится всё менее предсказуемой. Традиционные методы анализа и профилактики преступности уже не обеспечивают достаточной точности, что вызывает необходимость внедрения инновационных подходов и систем прогнозирования, основанных на больших данных, машинном обучении и аналитике поведения.

Современные вызовы такие, как киберпреступность, международный терроризм, нелегальная миграция, торговля людьми и экономические преступления приобретают транснациональный характер. Предсказать развитие таких явлений можно только с помощью комплексного криминологического анализа и прогнозирования, который объединяет достижения социологии, психологии, информатики, права и др. Однако мировое сообщество сталкивается с серьёзными методологическими, этическими и техническими трудностями при построении эффективных моделей прогнозирования преступности.

Оценивая роль прогнозирования, необходимо учитывать, что существуют и трудности (обстоятельства) в разработке прогнозов: «1) исключительная сложность внутренних и внешних связей преступности; 2) подверженность преступности воздействию различных факторов экономического, социального, идеологического, психологического, организационного характера, что затрудняет их измерение и оценку; 3) постоянное изменение факторов, воздействующих на преступность, в том числе и в результате обратного влияния преступности на её причины и условия, свидетельствующие о недопустимости упрощенного представления о возможностях криминологического прогнозирования» [1].

О сложности составления прогноза преступности также подчеркнул С.И. Иншаков, который предложил использовать специальные технологии при прогнозировании преступности: «Сложно достоверно спрогнозировать состояние преступности, вероятностный характер которой зависит от множества детерминирующих факторов. Основанный на логике, такой анализ позволяет получить некоторую новую информацию из уже имеющейся, выявив содержащиеся в ней скрытые знания, уменьшив тем самым уровень неопределенности при выборе вариантов различных возможных мер по противодействию преступности. Для этого следует учитывать огромные массивы информации, а также события, вероятность наступления которых определяется на основе социально-экономических трендов, планируемых уголовно-политических реформ. При этом констатируется, что темпы развития технологий, создания, обработки и распространения информации значительно превысили возможности большинства людей в освоении и применении знаний» [2].

С точки зрения Э.Б. Хатова «внедрение возможностей цифровой трансформации предложений позволит поднять на качественно новый уровень достоверность состояния преступности, а значит состояние законности и правопорядка. Решение этих задач требует не только соответствующего материально-технического обеспечения, систем информационной безопасности, но и организации обучения соответствующих органов навыкам использования цифровых технологий в анализе преступности, в том числе ознакомление с передовым опытом коллег из других стран» [3]. Так как полностью положиться только на цифровые технологии, что они смогут выполнить правильно анализ преступности было бы чересчур нецелесообразно [3].

Прогнозирование преступности в цифровую эпоху становится чисто математической проблемой, за отдельными исключениями. К последним, по мнению учёных, относятся

тщательно спланированные и подготовленные террористические акты. И если нарастание угроз совершения террористических актов с высокой долей вероятности можно спрогнозировать, то определить места потенциальных атак значительно сложнее [4].

Кроме того, с точки зрения современной криминологии, прогнозирование выступает важнейшим элементом стратегического управления в сфере безопасности. Оно опирается на анализ статистических данных, социально-экономических тенденций, а также на использование методов моделирования, математической статистики, искусственного интеллекта (AI) и нейросетевых технологий [5].

В широком смысле криминологическое прогнозирование направлено на решение трех ключевых задач:

1. Предупреждение преступности – своевременное выявление факторов (детерминантов), способствующих росту преступлений, и выработка превентивных мер.

2. Оптимизация правоприменительной деятельности – прогнозирование нагрузки на судебные и следственные органы, разработка эффективных мер реагирования.

3. Оценка последствий социальных и экономических изменений – анализ влияния реформ, кризисов или миграционных процессов на уровень преступности.

Современные учёные выделяют три уровня прогнозирования: 1) **общий (макроуровень)** – анализ общих тенденций преступности в стране или регионе; 2) **специальный (мезоуровень)** – исследование конкретных видов преступлений (например, экономических, коррупционных или киберпреступлений); 3) **индивидуальный (микроуровень)** – прогнозирование поведения отдельных лиц или групп риска [6].

Применение цифровых технологий в этой области значительно расширило возможности прогнозирования. Зарубежный опыт показывает, что во многих государствах алгоритмы машинного обучения позволяют выявлять скрытые закономерности, которые не поддаются традиционным методам статистического анализа. Например, системы **Predictive Policing**, активно используемые в США и Великобритании, анализируют большие массивы данных (Big Data) – от социальных сетей до финансовых транзакций – для прогнозирования вероятности совершения преступлений в определённых районах [7]. Иными словами, в современном мире криминологическое прогнозирование осуществляется с помощью цифровых инструментов, которые позволяют вычислить паттерны поведения людей и их взаимоотношения, выявить закономерности и тенденции в поведении преступников, определить вероятность событий на основе данных о прошлом. Любые явления и события прогнозируемы, если достаточно полно, подробно и точно изучены уже происшедшие подобные явления и события, и прогнозирование можно строить по аналогии [8].

Тем не менее, использование таких технологий вызывает серьёзные **этические и правовые вопросы**, связанные с защитой персональных данных, рисками дискриминации и предвзятости алгоритмов. Это особенно важно в странах с несовершенной системой правового регулирования, где подобные инструменты могут нарушать принципы презумпции невиновности и равенства перед законом. Таким образом, криминологическое прогнозирование представляет собой не только научный, но и социально-политический инструмент, требующий баланса между эффективностью и защитой прав человека.

Методологическая база криминологического прогнозирования формировалась постепенно – от простых статистических моделей до сложных систем искусственного интеллекта. Основная цель этих методов – получение максимально точных и надёжных прогнозов, способных помочь государственным и международным структурам в борьбе с преступностью. Традиционно криминологи использовали **статистический метод (анализ), метод**

экспертных оценок, экстраполяцию и моделирование тенденций (традиционные методы прогнозирования). **Статистический метод** основан на обработке данных о преступности за предыдущие периоды. Он позволяет выявлять динамику, сезонность и закономерности роста или снижения отдельных видов преступлений. **Метод экспертных оценок** применяется, когда статистика ограничена. Группа экспертов (учёных, юристов, сотрудников правоохранительных органов) формирует коллективное мнение о вероятных тенденциях преступности. **Математическое моделирование** помогает описывать сложные взаимосвязи между социально-экономическими и криминологическими факторами. Хотя эти подходы остаются актуальными, они имеют ограничения – прежде всего, субъективность оценок и низкую способность учитывать быстро меняющиеся факторы цифрового общества.

Развитие технологий радикально изменило криминологическое прогнозирование. Сегодня активно применяются следующие **современные методы и технологические инструменты**:

1. Big Data-анализ. Сбор и обработка больших массивов данных позволяют выявлять закономерности, которые недоступны при традиционных методах. В криминологии Big Data используется для анализа сообщений в социальных сетях, транзакций, геолокационных данных и отчётов полиции [9].

2. Машинное обучение (Machine Learning). Алгоритмы обучаются на исторических данных, чтобы предсказывать вероятность преступлений в будущем. Например, модель может учитывать такие параметры, как уровень безработицы, демографическая структура, время суток, плотность населения и даже климатические условия [10].

3. Искусственный интеллект (AI). Системы AI анализируют многомерные данные и выявляют причинно-следственные связи. В США и Великобритании активно применяются программы **COMPAS** и **PredPol**, которые оценивают риск рецидива и вероятность преступлений в конкретных районах.

4. Геоинформационные системы (GIS) - позволяют визуализировать криминологическую информацию на картах, что помогает выявлять «горячие точки» преступности и планировать распределение полицейских ресурсов.

5. Сети нейронного моделирования - используются для прогнозирования сложных поведенческих моделей, особенно при анализе террористических угроз, онлайн-экстремизма и киберпреступлений.

6. Интегрированные аналитические платформы. Такие системы, как *IBM i2 Analyst's Notebook* и *Palantir Gotham*, объединяют данные из разных источников – финансовых, демографических, криминальных и применяются для аналитики и стратегического планирования в правоохранительных органах [11].

Сторонники предиктивной аналитики отмечают, что современные аналитические инструменты очень эффективны в предотвращении преступности. Например, внедрение превентивной полицейской деятельности в Санта-Круз (Калифорния) за шестимесячный период привело к сокращению количества краж со взломом на 19%. Система использовала проверенные данные о преступности для прогнозирования будущих правонарушений на территории площадью 500 квадратных футов (около 46,5 кв.м) с применением алгоритма. Затем полиции были предоставлены карты «горячих точек» с указанием мест повышенного риска. Офицеры проходили через эти места, когда им не приходилось отвечать на другие вызовы. Никто не требовал от них патрулирования объектов, они делали это в рамках своих обычных дополнительных проверок [12]. Среди других достоинств выделяют помощь в принятии решений, то есть прогнозы, составляемые полицией могут привести к более

объективному принятию решений, сдерживая полицейских от принятия произвольных решений, которые могут быть основаны на предвзятости, а не на доказательствах.

В результате, использование цифровых технологий даёт значительные **преимущества** как повышение точности прогнозов; возможность оперативного реагирования; автоматизация аналитических процессов; интеграция международных данных.

Вместе с тем возникают и серьёзные **риски**, которые выражаются в нарушении конфиденциальности персональных данных; алгоритмическая дискриминация; зависимость от качества исходных данных; недостаточная прозрачность решений AI-систем. В контексте сказанного необходимо отметить, что в силу названных причин в 2022 г. «два комитета Европарламента, отвечающие за Закон об искусственном интеллекте от имени Европейского парламента, выступили за запрет предиктивной полицейской деятельности в отношении отдельных лиц, но не территорий и мест» [13].

Для преодоления этих проблем необходима разработка **этических стандартов**, которые обеспечат баланс между эффективностью и защитой прав человека. В этом контексте всё большую роль играет сотрудничество с международными организациями, такими как **UNODC**, **OECD** и **INTERPOL**, которые разрабатывают рекомендации по использованию цифровых инструментов в криминологии [14].

Современная система криминологического прогнозирования во всём мире сталкивается с комплексом проблем, связанных с цифровизацией, недостатком унифицированных методик, дефицитом квалифицированных кадров и отсутствием международных стандартов. Несмотря на активное внедрение технологий искусственного интеллекта и анализа больших данных, глобальное криминологическое прогнозирование остаётся фрагментарным и неравномерно развитым.

Проблемы в странах Европы и Северной Америки. Европейские государства и США считаются лидерами в области цифровых криминологических технологий. Здесь активно применяются системы **predictive policing**, аналитические платформы и базы данных INTERPOL и EUROPOL [15]. Однако даже в этих странах наблюдаются серьёзные трудности:

во-первых, многие алгоритмы прогнозирования страдают **предвзятостью (bias)**, основанной на исторических данных, которые отражают социальные неравенства. Так, анализ использования системы **COMPAS** в США (Brennan et al., 2022) показал, что алгоритм чаще прогнозировал высокий риск рецидива у представителей этнических меньшинств.

во-вторых, в Европе существуют **жёсткие ограничения в области защиты персональных данных (GDPR)**, которые затрудняют сбор информации, необходимой для точного прогнозирования. Например, во Франции и Германии системы анализа поведения подозреваемых не могут использовать биометрические данные без судебного разрешения.

Тем не менее, в странах ЕС активно развиваются **этические рамки использования AI**, включая обязательную аудиторию алгоритмов и прозрачность их логики (ЕС, 2023). Эти шаги направлены на создание справедливых и законных прогнозных моделей [16].

Ситуация в странах Азии. Азиатские государства демонстрируют высокую динамику внедрения цифровых технологий в криминологическую сферу. Лидерами здесь являются **Китай, Южная Корея, Япония, Сингапур и Индия**. Однако каждая страна сталкивается с уникальными проблемами.

Китай активно применяет системы предиктивного мониторинга, основанные на больших данных и распознавании лиц. Однако международное сообщество (UN Human Rights Council, 2024) выражает обеспокоенность нарушениями прав человека и чрезмерным контролем за населением.

Япония делает ставку на технологические инновации при строгом соблюдении правовых норм. Здесь функционируют интегрированные аналитические платформы, объединяющие данные полиции, муниципалитетов и банков. Проблема заключается в недостаточности специалистов по киберкриминологии.

Южная Корея внедряет системы анализа онлайн-активности для прогнозирования интернет-преступлений. Однако сохраняется опасность чрезмерной слежки и нарушения права на частную жизнь.

Индия сталкивается с ограниченностью инфраструктуры и низкой достоверностью данных, особенно в сельских районах. Это делает прогнозирование неравномерным и зависимым от региона.

Сингапур развивает модель «умной безопасности» (*Smart Nation Initiative*), которая объединяет криминологические, транспортные и социальные данные. При этом особое внимание уделяется кибербезопасности и защите личной информации [17].

Таким образом, в азиатском регионе наблюдается сочетание **высокотехнологичных решений и правовых пробелов**. Проблема заключается не столько в отсутствии технологий, сколько в их этически корректном применении и контроле со стороны государства и общества.

Проблемы в странах Латинской Америки и Африки. В Латинской Америке и Африке прогнозирование преступности находится на стадии становления. Основными трудностями являются: 1) слабая статистическая база; 2) высокий уровень коррупции; 3) низкая цифровизация государственных структур; 4) недостаток кадров и ресурсов для анализа больших данных.

В странах как **Бразилия, Мексика, Южная Африка и Нигерия** создаются пилотные проекты по предиктивной аналитике при поддержке ООН и Всемирного банка (UNDP, 2023). Однако результаты пока остаются ограниченными из-за фрагментарности данных и отсутствия долгосрочной стратегии. Несмотря на это, региональные инициативы показывают позитивную динамику. Например, в Колумбии успешно внедрена система анализа криминальных карт (*Crime Mapping System*), которая позволила сократить количество уличных преступлений в Боготе на 12% (Martinez et al., 2022) [18].

Россия и постсоветское пространство. В России криминологическое прогнозирование развивается в контексте цифровой трансформации государственных органов. В последние годы активно применяются аналитические платформы МВД и Генеральной прокуратуры РФ, включающие элементы машинного обучения [19].

Основные проблемы:

- ограниченный доступ исследователей к государственным данным;
- недостаточная интеграция ведомственных систем;
- правовые ограничения при обработке персональной информации;
- нехватка современных алгоритмов и специалистов в области Data Science [20].

Кроме того, на этом пути встречаются также этические, правовые и методологические проблемы прогнозирования. К примеру, к *этическим проблемам* относятся применение алгоритмов и больших данных в криминологическом прогнозировании создаёт ряд острых этических дилемм. Во-первых, существует риск **нарушения приватности**: сбор и обработка персональных данных (локация, коммуникации, финансовые следы) часто проводится без информированного согласия субъектов, что противоречит базовым нормам защиты прав человека (UNODC, 2023). Во-вторых, алгоритмы могут внедрять и укреплять **системную дискриминацию**: если обучающий датасет отражает историческую предвзятость (например, усиленно фиксирует аресты в маргинализованных районах), модель будет предсказывать

повышенный риск преступности именно для этих групп, воспроизводя несправедливость (Brennan et al., 2022). В-третьих, вопрос **ответственности** остаётся нерешённым: кто отвечает, если предиктивная система привела к ошибочному пресечению прав – разработчик, оператор системы или правоохранительный орган?

Останавливаясь на правовых проблемах, будет правильно утверждать, что на международном уровне наблюдается фрагментарность регуляции. В ЕС строгие правила GDPR обеспечивают высокий уровень защиты данных, но одновременно затрудняют доступ исследователей к важным источникам информации для построения моделей (European Commission, 2023). В других юрисдикциях правовые рамки либо отсутствуют, либо сформулированы расплывчато, что создаёт правовую неопределённость при трансграничном обмене данными. Кроме того, в ряде стран отсутствуют чёткие нормы о допустимости использования биометрии, мониторинга в публичных пространствах и алгоритмического профайлинга [21].

Методология криминологического прогнозирования преступности по-прежнему остаётся одной из наименее развитых областей криминологии во всем мире. Прогнозирование – это сложный процесс, включающий в себя систему различных по своей сущности методов. В науке прогностики их насчитывается более 150, а в криминологии из огромного арсенала методов прогнозирования используются только те, которые подходят для прогнозирования преступности. Однако, мы не можем утверждать, что определённый метод может быть самым подходящим или эффективным, так как каждый из методов по-своему эффективен и результативен [22]. С методологической точки зрения прогнозирование сталкивается с несколькими ключевыми ограничениями:

- **Качество данных.** Неполные, непоследовательные или искажённые данные (например, заниженная статистика преступлений из-за недоучёта жертв) снижают надёжность моделей. Криминологи практически единогласны во мнении, что «в статистике отражается далеко не вся преступность, даже не все ее проявления, существует латентная (скрытая, внешне не проявляющаяся) ее часть».

- **Неустойчивость процессов.** Социальные и экономические процессы подвержены быстрым изменениям (пандемии, кризисы, миграционные волны), что делает ретроспективные модели менее адекватными для будущих состояний.

- **Проблема причинно-следственной интерпретации.** Машинное обучение часто обеспечивает корреляции, но не объясняет причинность; это затрудняет выработку предписывающих мер (какие именно вмешательства приведут к снижению прогноза).

- **Трансферность моделей.** Модель, обученная в одной стране или регионе, часто плохо переносится на другие из-за культурных, институциональных и демографических различий.

Социально-политические риски. Использование прогнозных инструментов может подрывать доверие общества к правоохранительным органам, особенно в условиях непрозрачности. В политически нестабильных странах прогнозные технологии могут быть использованы для репрессивных целей – слежки и подавления инакомыслия.

Чтобы преодолеть перечисленные проблемы и повысить эффективность криминологического прогнозирования, необходим комплекс мер, сочетающий технические, институциональные и этико-правовые решения.

1. Улучшение качества данных и стандартизация учёта. Создание международных руководств по сбору и классификации криминальной статистики (единые индикаторы, стандарты кодирования) позволит делать сопоставимые оценки и обучать более универсальные модели. Институционально это предполагает координацию между национальными статистическими агентствами, INTERPOL, UNODC и региональными организациями.

2. Прозрачность и объяснимость алгоритмов (Explainable AI). Разработка и внедрение объяснимых моделей, которые дают понятные человеку причины для предсказания (feature importance, локальные объяснения), позволит правоохранительным органам и обществу оценивать корректность выводов и снижать риски дискриминации. Необходимо обязательное документирование данных (data sheets) и моделей (model cards) [23].

3. Этические рамки и правовое регулирование. Введение норм, которые ограничивают виды данных, допустимые для прогнозирования, устанавливают требования к аудиту алгоритмов и защищают права субъектов данных. Рекомендуется применять принцип «privacy by design» и внедрять независимые механизмы внешнего аудита алгоритмических систем (EU guidelines; UNODC recommendations) [24].

4. Междисциплинарность и подготовка кадров. Криминологическое прогнозирование требует слияния экспертиз: криминологи, социологи, юристы, дата-саентисты и специалисты по кибербезопасности должны работать в составе междисциплинарных команд. Университеты и учебные центры должны развивать профильные программы и курсы повышения квалификации.

5. Инструменты проверки и оценивания (Validation & Impact Assessment). Проводить регулярную валидацию моделей на независимых выборках, а также оценивать социальное воздействие внедрения (impact assessments). Экспериментальные пилоты и RCT (randomized controlled trials) там, где это этически допустимо, помогают протестировать эффективность мер [25].

6. Международное сотрудничество и обмен опытом. Создание международных платформ для обмена практиками, совместных исследований и технической помощи (например, сети экспертных центров под эгидой UNODC/INTERPOL). Это особенно важно для передачи технологий и знаний в страны с ограниченными ресурсами.

7. Технологические подходы для снижения предвзятости. Применение методов коррекции дисбаланса данных, алгоритмов, а также обучение на синтетических, анонимизированных датасетах может снизить риск дискриминации. При этом критично сочетать технические меры с институциональным контролем.

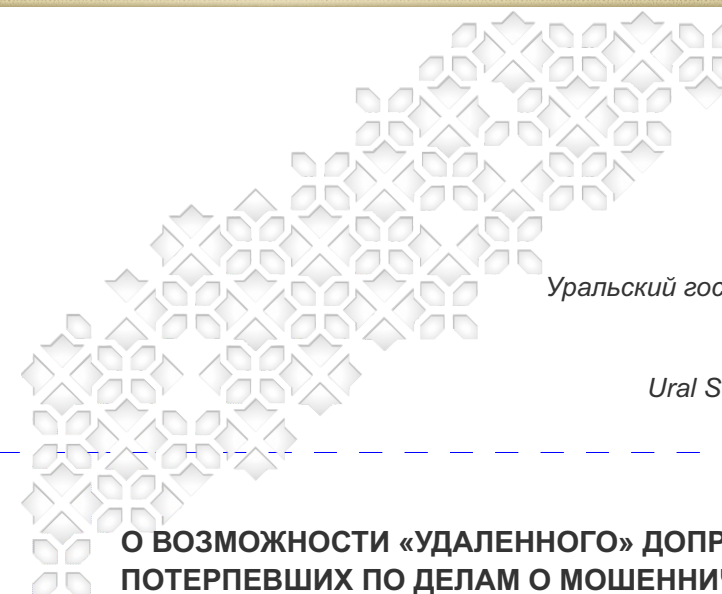
Криминологическое прогнозирование обладает высоким потенциалом для повышения эффективности превентивных мер и оптимизации работы правоохранительных органов. Современные цифровые технологии (Big Data, AI, GIS) расширили аналитические возможности, но одновременно выявили широкий круг проблем: этических, правовых, методологических и институциональных.

Решение этих проблем требует системного подхода: улучшения качества и стандартизации данных, внедрения прозрачных и объяснимых алгоритмов, разработки этико-правовых рамок, подготовки междисциплинарных кадров и активного международного сотрудничества. Особенно важно учитывать региональные особенности при переносе моделей и практик между странами – что работает в одном государстве, не обязательно будет корректно функционировать в другом без адаптации [26].

В долгосрочной перспективе будущее криминологического прогнозирования зависит от умения сочетать технологическую инновацию с высоким уровнем защиты прав человека и прозрачности. Только при таком балансе возможно создание надёжных, справедливых и эффективных систем прогнозирования, способных отвечать вызовам современного глобализованного общества.

Использованные источники

1. Абызов К.Р. Проблемы криминологического прогнозирования и предупреждения региональной преступности (по материалам Сибирского федерального округа): дис. ...канд. юрид. наук. – М., 2004. – С.15
2. Иншаков С.И. Криминологическое прогнозирование преступности. Научный доклад. Акад. Генеральной прокуратуры Рос. Федерации. М., 2010. 48 с(С.11–12).
3. Хатов Э.Б. Цифровые технологии в анализе состояния преступности в органах прокуратуры // Российский журнал правовых исследований. 2021. Т. 8. № 1. С. 37–44. DOI: <https://doi.org/10.17816/RJLS60397>
4. Буранова Р.Е. Криминологическое прогнозирование преступности в Республике Узбекистан: дисс. доктора философии по юридическим наукам – Т., 2025 – С.31.
5. Brennan, T., Larson, M., & Chen, A. (2022). Algorithmic risk assessment and racial bias: Evidence from criminal justice tools. *Journal of Empirical Criminology*, 18(3), 201–225.
6. Трахов А.И., Бешукова З.М. Развитие современного антиэкстремистского уголовного законодательства: тенденции и особенности // Институциональные основы уголовного права РФ: к 70-летию юбилею профессора Коняхина В.П.: материалы Междунар.науч.практ. конф.; г. Краснодар, 1-2 февраля 2024 г. / отв. ред. В.П. Коняхин и М.Л. Прохорова. Краснодар: КубГУ, 2024. С. 521-526.
7. Овчинский В.С., Ларина Е.С. Искусственный интеллект. Большие данные. Преступность. М., 2018. С. 114.
8. Бешукова З.М. Криминологическое прогнозирование преступности в цифровую эпоху - Москва, 2024 <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=74526847>
9. Niyonzima I., Ahishakiye E., Tarembwa D. Crime Prediction Using Decision Trees Classification Algorithm // *International Journal of Computer and Information Technology*. – 2017. – Vol. 6. – Pp. 188-195.
10. Буранова Р.Е. Криминологическое прогнозирование преступности в Республике Узбекистан: дисс. доктора философии по юридическим наукам – Т., 2025 – С.31.
11. Wang Hui, Wang Jing and Zheng Tao. Analysis of decision tree classification algorithm based on attribute reduction and application in criminal behavior: *International Conference on Computer Research and Development*. – Shanghai, 2011. – Pp. 27-30. doi: 10.1109/ICCRD.2011.5763966.
12. European Commission. (2023). Proposal for a Regulation on AI: Ethical and legal frameworks for use in law enforcement. Brussels: European Commission Publications.
13. INTERPOL. (2024). Global Crime Trends 2024. Lyon: INTERPOL. UNODC. (2023). Handbook on Data Collection and Analysis for Crime Prevention. Vienna: United Nations Office on Drugs and Crime.
14. UNDP. (2023). Digital Governance and Security: Challenges in Developing Countries. New York: United Nations Development Programme.
15. OECD. (2021). Smart Policing and the Use of Predictive Analytics. Paris: OECD Publishing.
16. Benefits And Drawbacks Of Predictive Policing. URL: <https://www.liberties.eu/en/stories/predictive-policing/43679>
17. European Commission. (2023). Proposal for a Regulation on AI: Ethical and legal frameworks for use in law enforcement. Brussels: European Commission Publications.
18. Wang, L., & Park, S. (2021). Predictive policing in East Asia: Technologies, policies, and public trust. *Asian Journal of Criminology*, 16(2), 123–145.
19. Абдурасулова К.Р., Буранова Р.Е. Передовой опыт криминологического прогнозирования преступности в мировой криминологии// “Криминологик фаолият” илмий-амалий журнали, 1-сон, Б. 143-151.
20. Martinez, J., Silva, R., & Gomez, P. (2022). Crime mapping and urban safety: Outcomes from Bogotá's preventive strategies. *Latin American Security Review*, 5(1), 45–67.
21. Трубникова, Н. В. (2022). Цифровизация криминологического анализа: риски и перспективы. *Вестник криминологии* № 4, Б. 12–29.
22. Лопашенко, Н. А. (2023). Криминология: современные подходы. Москва: Юрайт.
23. World Bank. (2020). Technology and Justice: Digital Tools for Crime Prevention. Washington, DC: World Bank.
24. Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights. (2024). Human rights implications of AI surveillance. Geneva: OHCHR.
25. Zuboff, S. (2021). Surveillance, Datafication and Civil Rights: Social implications of mass data collection. *Policy & Society*, 40(4), 446–462.
26. Абдурасулова К.Р., Буранова Р.Е. Жиноятчиликни прогноз қилиш ва уни амалга ошириш методлари// ТДЮУ “Yuridik fanlar axborotnomasi – Вестник юридических наук – Review of law sciences” хуқуқий илмий-амалий журнали, 2023 йил 3-сон, Б.76-87.

Козубенко Юрий Вячеславович
кандидат юридических наук, профессор
Уральский государственный юридический университет
им. В.Ф. Яковлева

Candidate of Legal Sciences, Professor
Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

О ВОЗМОЖНОСТИ «УДАЛЕННОГО» ДОПРОСА НАХОДЯЩИХСЯ ЗАРУБЕЖОМ ПОТЕРПЕВШИХ ПО ДЕЛАМ О МОШЕННИЧЕСТВЕ И ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ И ЭКСТРЕМИСТКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

*On the possibility of conducting "remote" interrogations
of victims located abroad in cases of fraud and
transnational crimes of a terrorist and extremist nature*

С распространением транснациональных преступлений на практике все чаще возникает необходимость «удаленного» допроса граждан (подданных) иностранных государств в качестве потерпевших, в связи с невозможностью их явки к следователю (дознавателю) или в судебное заседание российского суда. Особенно это приобретает актуальность по делам о мошенничестве, преступлений террористической и экстремистской направленности.

Сформулированная проблема очень остро стоит на практике, и с развитием современных технологий приобретает все большую актуальность. Вместе с тем, вызывает массу дополнительных вопросов, в частности, при необходимости применения системы видеоконференц-связи на территории государства, где пребывает потерпевший, например:

- На какой территории возможно проведение данного следственного действия, а также время начала и окончания допроса?
- Каким образом удостоверить личность допрашиваемого?
- Каков порядок разъяснения прав и обязанностей допрашиваемому?
- Признание статуса допрашиваемого
- Порядок проведения допроса
- Лица, участвующие на допросе, их статус и порядок разъяснения прав и обязанностей (переводчик и т.п.)
- Порядок письменного удостоверения протокола допроса
- Юридические аспекты возможного участия потерпевшего в судебном заседании суда РФ посредством видеоконференцсвязи.

Рассмотрим детально данную ситуацию.

Современный уголовно-процессуальный закон не исключает использование систем видеоконференцсвязи при производстве следственных и процессуальных действий по уго-

ловному делу. Так, об этом свидетельствуют ч. 6 ст. 35, ч. 4 ст. 240, ч. 2 ст. 389¹², ч. 8 ст. 389¹³, ч. 2 ст. 399, ч. 2 ст. 401¹³ УПК РФ, а, например, ст. 259 и ч. 4 ст. 189 УПК РФ говорят о кино съемке или видеозаписи допроса.

Помимо этого, согласно выявленному Конституционным судом РФ смыслу, ст.ст. 125, 376 УПК РФ обязывают суд обеспечить содержащемуся под стражей заявителю жалобы возможность путем непосредственного участия в заседании суда или путем использования систем видеоконференцсвязи ознакомиться со всеми материалами рассматриваемого судом дела и довести до сведения суда свою позицию, если принимаемое судом решение связано с применением к заявителю мер, сопряженных с его уголовным преследованием, ограничением его свободы и личной неприкосновенности; в иных случаях лицу, отбывающему наказание в виде лишения свободы, обеспечивается возможность довести до суда свою позицию путем допуска к участию в деле его адвокатов и других представителей, а также иными предусмотренными законом способами.

Данная правовая позиция была сформулирована Конституционным судом в определении от 19 мая 2009 года №576-О-П, которое имеет позитивное значение¹, и уже частично нашла свое отражение в ст. 278¹ УПК РФ.

Также, Федеральным законом от 30.12.2021 №501-ФЗ в УПК РФ введена статья 189.1. «Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи», которая позволяет провести допрос, очную ставку, опознание путем использования систем видео-конференц-связи государственных органов, осуществляющих предварительное расследование, при наличии технической возможности.

Вместе с тем, в сформулированной проблеме содержится одновременно несколько разнонаправленных вопросов, касающихся как следственных, так и процессуальных действий органов уголовного судопроизводства.

Так, процессуальный статус потерпевшего возникает в случае его признания таковым постановлением дознавателя, следователя или суда (ч. 1 ст. 42 УПК РФ).

В ходе досудебного производства следователь (дознаватель) устанавливает лицо, которому причинен физический, имущественный, моральный вред или вред деловой репутации, т.е. потерпевшего, и, принимая соответствующее постановление, знакомит его лично под роспись, разъясняет ему права, предусмотренные ст. 42 УПК РФ. После этого, производит допрос потерпевшего по месту производства предварительного расследования. Если потерпевший находится вне места производства предварительного расследования, следователь (дознаватель) вправе поручить производство этих действий следователю или органу дознания по месту нахождения потерпевшего, которые обязаны выполнить поручение в срок не позднее 10 суток (ч. 1 ст. 152 УПК РФ, п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ).

Как правило, в поручении указывается, что необходимо объявить постановление следователя, ведущего производство по делу, о признании соответствующего лица потерпевшим под роспись последнего, разъяснить ему права, предусмотренные ст. 42 УПК РФ и связанные с гражданским иском, и допросить его по вопросам, сформулированным в поручении.

Порядок производства допроса достаточно детально регламентирован в УПК РФ и в особом разъяснении не нуждается – орган дознания или следователь сначала удосто-

веряется в личности потерпевшего, разъясняет ему права, ответственность, предусмотренную ст.ст. 307, 308 УК РФ, а также порядок производства допроса (ч. 5 ст. 164 УПК РФ), и приступают к производству данного следственного действия. Т.е. в данной ситуации, как и в любой другой, принципиально не то, каким образом удостоверить личность допрашиваемого, а кто это осуществляет – это должен быть специально уполномоченный законом или международным договором субъект на осуществление данного следственного (процессуального) действия.

На практике в действительности встречаются случаи ознакомления потерпевшего, находящегося на территории другого административного района или субъекта РФ, с постановлением о признании его потерпевшим путем направления его посредством, например, факсимильной связи с получением обратно от потерпевшего факсимильной копии с отметкой о его ознакомлении, при условии, что данный вид связи позволяет достоверно установить, что документ исходит именно от потерпевшего (видимо, по аналогии с п. 2 ст. 434 Гражданского кодекса РФ). Но, как правило, это применяется в отношении потерпевших-юридических лиц, сведения о месте нахождения которых публикуются в Едином государственном реестре юридических лиц (ст. 5 Федерального закона от 08.08.2001 №129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [1]).

Приведенное не противоречит действующему уголовно-процессуальному закону, поскольку в отличие от допроса, признание лица потерпевшим является действием процессуальным, а не следственным, и не подпадает под действие ч. 5 ст. 164 УПК РФ, когда необходимо наличие специально уполномоченного субъекта (следователя или органа дознания), обязанного удостовериться в личности потерпевшего и предупредить последнего под роспись об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний и за отказ от дачи показаний (ст. 307, 308 УК РФ).

Относительно допроса потерпевшего-иностранного гражданина (подданного) или юридического лица УПК РФ никаких изъятий из общего порядка не устанавливает, за исключением предоставления ему дополнительных гарантий, как например, привлечение к участию в допросе переводчика.

Несмотря на то, что допрос обладает как и любое другое следственное действие свойством принуждения, на практике нередки случаи, когда лицо желает дать показания в свою защиту следователю, ведущему производство по делу (это может быть как потерпевший, жаждущий изобличить виновного, так и сам обвиняемый) но не имеет финансовой или иной реальной возможности приехать (например, из антарктической станции Восток) и принять участие в уголовном деле. Что касается обвиняемого, органы предварительного расследования могут воспользоваться процессуальной возможностью по п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, а суд – предоставить обвиняемому изложить свою позицию путем использования систем видеоконференцсвязи.

В случае с потерпевшим – подобных вариантов УПК РФ не предусматривает. Вместе с тем, потерпевший может обладать технической возможностью дать соответствующие показания и полноценно принять участие в уголовном деле через систему видеоконференцсвязи.

Поскольку уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон и имеет своим назначением, с одной стороны, защиту прав и законных интересов потерпевших от преступлений, а с другой – защиту личности от незаконного и

¹ Этот вывод следует из номенклатурного номера определения суда «О-П», с 2010 года подобная практика Конституционного суда РФ прекращена.

необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, то и обвиняемый, и потерпевший должны иметь равные возможности в доступе к правосудию, в том числе и в возможностях дачи показаний равными способом и средствами.

В правоприменительной практике уже давно признавалось правило (пока оно окончательно не оформилось в ч. 4 ст. 240 и ст. 278.1 УПК РФ²), устанавливающее возможность допроса посредством видеоконференцсвязи свидетеля, находящегося в помещении суда одного субъекта РФ, судом, ведущим производство по делу и расположенном в другом субъекте РФ. И полученные таким образом показания свидетеля судами признаются допустимыми. В данной ситуации допрос считается произведенным в месте судебного разбирательства; временем допроса – время по месту нахождения суда, производящего допрос; письменное удостоверение протокола судебного заседания допрашиваемым не требуется согласно ст. 259 УПК РФ, однако, в ряде случаев, применяется киносъемка (видеозапись) допроса (ч. 5 ст. 259 УПК РФ). Что касается письменного предупреждения свидетеля об уголовной ответственности по ст.ст. 307, 308 УК РФ, то данная подписка отбирается судом по месту нахождения свидетеля.

Что касается вопроса о возможности проведения допроса в режиме видеоконференцсвязи находящихся за пределами РФ потерпевших – граждан (подданных) иностранных государств в связи с невозможностью их явки к следователю (дознавателю), а также в судебное заседание российского суда, то наиболее оптимальным вариантом является направление соответствующего поручения органом предварительного расследования или судом главам дипломатических представительств и консульских учреждений Российской Федерации, расположенных в стране нахождения потерпевшего – иностранного гражданина (подданного), о производстве такого следственного действия путем вызова потерпевшего в указанное учреждение (п.3.ч.3.ст.40 УПК РФ). Указанное полномочие отнесено к таким консульским функциям, как передача судебных и несудебных документов или исполнение судебных поручений или же поручений по снятию показаний для судов представляемого государства в соответствии с действующими международными соглашениями или, при отсутствии таких соглашений, в любом ином порядке, не противоречащем законам и правилам государства пребывания (п. j ст. 5 Венской конвенции о консульских сношениях от 24.04.1963 г. [2]; ч. 2 ст. 3 Венской конвенции о дипломатических сношениях от 18.04.1961г. [3]). А, например, в Минской конвенции указывается, что договаривающиеся стороны имеют право по поручению своих компетентных органов допрашивать собственных граждан через свои дипломатические представительства или консульские учреждения (ч. 2 ст. 12) [4].

В данном случае не будет нарушен ни один из принципов действия российского уголовно-процессуального закона, а также будут соблюдены все процессуальные гарантии прав и свобод лиц, потерпевших от преступления, и требования допустимости доказательств, в данном случае – показаний потерпевшего, полученных таким путем. В доктрине уголовного процесса такая точка зрения также находит поддержку среди специалистов [5].

² Введена ФЗ от 20 марта 2011г. № 39-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 28.03.2011. N 13. ст. 1686.

³ Например, в ч.3 ст. 12 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Заключена в г. Минске 22.01.1993) особо указывается, в случае допроса собственных граждан через свои дипломатические представительства нельзя применять средства принуждения или угрозы им.

Вместе с тем, необходимо понимать, что:

во-первых, полномочия органов дознания на глав дипломатических представительств и консульских учреждений Российской Федерации возложены субсидиарно, а потому в случае необходимости применения государственного принуждения в отношении участников уголовного судопроизводства на территории иностранного государства, необходимо направление запроса о правовой помощи в порядке гл. 53 УПК РФ³;

во-вторых, УПК РФ не исключает дальнейшее полноценное участие потерпевшего путем использования систем видеоконференцсвязи в судебном заседании, в том числе и в случае объявления перерыва, но при условии, что потерпевший будет принимать участие в уголовном деле, находясь в помещении диппредставительства или консульского учреждения. Вопрос о такой форме участия потерпевшего в судебном заседании должен решаться судом.

Подобное решение вопроса имеет весьма важное значение при производстве по делам о мошенничестве, преступлений террористической и экстремистской направленности. Это особенно актуально в первом случае, когда мошенники, прикрываясь юрисдикцией страны пребывания, совершают мошеннические действия в отношении граждан соседнего государства. Во втором случае – когда сами потерпевшие, порой, боятся напрямую, как говорится, «вживую» присутствовать и являться в зал судебного заседания.

Использованные источники

1. СЗ РФ. 13.08.2001. N 33 (часть I). ст. 3431.
2. Сборник международных договоров СССР. Вып. XLV.- М., 1991. С. 124 - 147.
3. Ведомости ВС СССР. 29 апреля 1964 г. N 18. Ст. 221.
4. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Заключена в г. Минске 22.01.1993) // Бюллетень международных договоров. 1995. №2.
5. См., например: Волеводз А.Г. О допустимости допросов иностранных граждан на территориях зарубежных представительств России // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. номер 2. С. 359.

Sadullayev Quddus Yusubbayevich
yuridik fanlari doktori, O'zbekiston Respublikasi
Davlat boshqaruvi akademiyasining mas'ul xodimi
Doctor of Law, Responsible Officer at the Academy
of Public Administration of the Republic of Uzbekistan

DAVLAT BOSHQARUVIDA KRIMINOLOGIK TAHLIL TIZIMINI JORIY ETISH: DAVLAT XIZMATINING YANGI FUNKSIYALARI

*Implementation of a criminal analysis system
in public administration: new functions of public service*

Annotatsiya. Mazkur maqolada davlat boshqaruvi tizimida kriminologik tahlilni joriy etishning nazariy va amaliy asoslari ilmiy jihatdan tahlil qilingan. Muallif jinoyatchilikka qarshi kurashish va jamoat xavfsizligini ta'minlash sohasida "ilmiy tahlil va prognoz" tamoyilini davlat xizmati faoliyatining yangi funksiyasi sifatida asoslab beradi.

Kalit so'zlar: davlat boshqaruvi, kriminologik tahlil, davlat xizmati, ilmiy prognoz, jinoyatchilik omillari, raqamli xavfsizlik, Yangi O'zbekiston.

Abstract. This article provides a scientific analysis of the theoretical and practical foundations for introducing criminological analysis into the system of public administration. The author substantiates the application of the principle of "scientific analysis and forecasting" as a new functional direction of the civil service in combating crime and ensuring public safety.

Keywords: public administration, criminological analysis, civil service, scientific forecasting, crime factors, digital security, New Uzbekistan.

Hozirgi davrda davlat boshqaruvi samaradorligi faqat ma'muriy mexanizmlar yoki tashkiliy choralar bilan emas, balki ilmiy tahlil va axborotga asoslangan qarorlar qabul qilish bilan belgilanmoqda. Jahonda tez o'zgarib borayotgan ijtimoiy munosabatlar, raqamli muhitdagi xavf-xatarlar va jinoyatchilikning yangi shakllari davlat idoralaridan mutlaqo yangi yondashuvni talab qiladi. Shu nuqtai nazardan, davlat boshqaruvida kriminologik tahlil tizimini joriy etish – bu faqat jinoyatchilikka qarshi kurash vositasi emas, balki davlat boshqaruvini ilmiy, prognozga asoslangan, uzluksiz tahlil etib boruvchi intellektual tizimga aylantirishning muhim yo'nalishi.

Mavzuning dolzarbligi shundaki, u davlat boshqaruvidagi islohotlarning yangi bosqichini belgilaydi. Kriminologik tahlil davlat xizmatchilari faoliyatini tahlil, baholash va rejalashtirish jarayoni bilan bog'laydi, bu esa boshqaruv qarorlarining sifatini, ularning amaliy samarasi va ijtimoiy adolat tamoyilini ta'minlaydi. Shu bilan birga, ushbu yo'nalish davlat siyosatining muhim strategik vazifasi – jamoat xavfsizligini ta'minlash sohasini ilm-fan bilan chambarchas bog'lash imkonini beradi.

Kriminologik tahlil – bu jinoyatchilik holatini, uning omillarini va salbiy tendensiyalarini ilmiy usullar orqali aniqlash, ularni bartaraf etish uchun davlat boshqaruv qarorlarini asoslash tizimi. Davlat

boshqaruvida ushbu yondashuvni joriy etish, avvalo, qaror qabul qilish jarayonini faktlarga, statistik ma'lumotlarga va ilmiy diagnostikaga tayanadigan "aqli boshqaruv" modelini yaratishni anglatadi. Bunday tizim orqali davlat idoralari faqat natijaga yo'naltirilgan emas, balki xavflarni oldindan ko'ra oladigan, salbiy tendensiyalarni prognoz qiladigan intellektual institutlarga aylanadi.

Boshqaruvda kriminologik tahlilning joriy etilishi davlat xizmatining yangi funksiyalarini vujudga keltiradi. Bu davlat xizmatchisini faqat ma'muriy ijrochi emas, balki tahlilchi, bashoratchi va ijtimoiy xavfsizlikning ilmiy asoslangan ta'minlovchisi sifatida shakllantiradi. Shu tarzda davlat boshqaruvi tizimida "ilmiy qarorlar ekotizimi" paydo bo'ladi, u jinoyatchilikning oldini olishda emas, balki uning ildizini aniqlash va bartaraf etishda asosiy vositaga aylanadi.

O'zbekiston Respublikasi Prezidentining "Jamoat xavfsizligini ta'minlash va jinoyatchilikka qarshi kurashish sohasini ilmiy jihatdan tadqiq qilish faoliyatini sifat jihatidan yangi bosqichga ko'tarish chora-tadbirlari to'g'risida" 2024-yil 15-yanvardagi farmoni va unga muvofiq qabul qilingan "Kriminologiya sohasida ilmiy-amaliy tadqiqot ishlarini tashkil etish chora-tadbirlari to'g'risida"gi qaror mamlakatda kriminologiya fanini davlat siyosatining ustuvor yo'nalishi darajasiga ko'tardi. Ushbu qaror ilmiy tadqiqotlar va amaliyot o'rtasidagi bog'liqlikni mustahkamlash, "g'oyadan amaliyotgacha" tamoyilini davlat boshqaruvida tatbiq etishning huquqiy va institutsional asosini yaratdi. Bu hujjatda ilmiy tahlil, prognoz va diagnoz orqali jinoyatchilikning oldini olishga yo'naltirilgan yangi model taklif etildi.

Qarorning ilmiy-amaliy ahamiyati shundaki, u fan va boshqaruv integratsiyasining yangi bosqichini belgilab berdi. Xususan, Kriminologiya tadqiqot institutining tashkil etilishi, "E-jamoat xavfsizligi" tizimi doirasida "Jinoyat omillari" modulini yaratish vazifasi davlat boshqaruvida kriminologik tahlilni doimiy, tizimli va raqamli asosda amalga oshirish imkonini yaratdi. Bu, o'z navbatida, davlat xizmatining yangi funksiyasi – jinoyatchilikni ilmiy asosda oldindan bartaraf etish mexanizmlarini joriy etishni ta'minlaydi.

Ushbu maqolaning asosiy maqsadi – davlat boshqaruvi tizimida kriminologik tahlilni joriy etishning nazariy va amaliy asoslarini ilmiy jihatdan tahlil qilish, shuningdek, davlat xizmatining yangi funksiyasi sifatida uning strategik ahamiyatini ochib berishdan iborat. Maqolada jinoyatchilikni tahlil qilishning ilmiy usullari, ularni boshqaruv qarorlariga integratsiya qilish mexanizmlari hamda ilmiy tahlil natijalarini davlat siyosatida tatbiq etish masalalari yoritiladi.

Tadqiqotning asosiy vazifalari quyidagilardan iborat:

- davlat boshqaruvida kriminologik tahlilning nazariy konsepsiyasini asoslash;
- ilmiy tahlil va prognozning boshqaruv qarorlariga ta'sirini aniqlash;
- O'zbekistonda amalda mavjud normativ asoslarni tahlil qilish;
- davlat xizmatchilari faoliyatida kriminologik tahlil kompetensiyalarini joriy etish bo'yicha amaliy takliflar ishlab chiqish.

Tadqiqotning obyekti sifatida O'zbekistondagi davlat boshqaruvi tizimi va jamoat xavfsizligini ta'minlash sohasidagi ilmiy-amaliy faoliyat olinadi.

Yangi O'zbekiston taraqqiyot strategiyasi barcha sohalardagi islohotlarning ilmiy va amaliy tahlilga asoslangan holda amalga oshirilishini nazarda tutadi. 2030-yilga qadar bo'lgan milliy rivojlanish siyosatining ustuvor yo'nalishlaridan biri sifatida davlat boshqaruvini raqamlashtirish, xavfsizlikni ta'minlash va jamiyatda qonun ustuvorligini mustahkamlash belgilangan. Bu jarayonda kriminologik tahlil tizimini joriy etish davlat siyosatining yangi bosqichi sifatida namoyon bo'lmoqda. U faqat jinoyatchilikni tahlil qilish vositasi emas, balki davlat qarorlarini ilmiy asosda qabul qilish uchun zarur ma'lumotlar bazasi va boshqaruv modeli sifatida ham xizmat qiladi.

Kriminologik tahlil tizimi – bu jinoyatchilik holatini ilmiy asosda baholash, uning sabab va omillarini aniqlash, tahlil natijalariga tayanadigan boshqaruv qarorlarini qabul qilishni ta'minlovchi

fanlararo mexanizmdir. Uning nazariy asoslari sotsiologiya, psixologiya, huquq, iqtisodiyot va axborot texnologiyalari sohalarining sinteziga tayanadi. Bunday tizim davlat boshqaruvida “ilmiy boshqaruv” modeliga o'tishni ta'minlaydi, ya'ni qarorlar statistik ma'lumot, tahlil, bashorat va ilmiy diagnoz natijalariga tayanadi.

Shu nuqtayi nazardan, 2024-yil 15-yanvarda qabul qilingan “Kriminologiya sohasida ilmiy-amaliy tadqiqot ishlarini tashkil etish chora-tadbirlari to'g'risida” gi qaror bilan ilmiy tahlilning davlat boshqaruvida integratsiyasini ta'minlovchi tuzilma yaratildi [1]. Bu institut faoliyati orqali davlat organlari jinoyatchilik tendensiyalarini aniqlash, salbiy tendensiyalarni prognoz qilish, jamoat xavfsizligini ta'minlash va davlat siyosatini takomillashtirish bo'yicha ilmiy asoslangan tavsiyalar oladi. Natijada, kriminologik tahlil nafaqat huquqni muhofaza qilish sohasi, balki davlat boshqaruvining strategik funksiyalaridan biri sifatida shakllanadi.

Global siyosiy islohotlar davrida, ya'ni Yangi O'zbekiston sharoitida davlat boshqaruvidagi ochiqlik, shaffoflik va hisobdorlik tamoyillari bilan bir qatorda, tahlil va bashorat tizimlariga katta e'tibor qaratilmoqda. 2030-yilgacha mo'ljallangan Yangi O'zbekiston strategiyasida davlat idoralarining faoliyatida “ilmiy tahlil, raqamli texnologiyalar va sun'iy intellekt asosida qaror qabul qilish tizimini shakllantirish” vazifasi aniq belgilangan [2]. Bu, o'z navbatida, kriminologik tahlil tizimini faqat huquq sohasi emas, balki davlat boshqaruvining asosiy funksiyalaridan biri sifatida rivojlantirishni taqozo etadi.

Shunday ekan, kriminologik tahlilning joriy etilishi davlat boshqaruvining ilmiy jihatdan qayta o'rganib chiqishni anglatadi. U orqali davlat xizmatchilari jinoyatchilikni faqat yakuniy natijasi bo'yicha emas, balki uni oldini olish, ildizini o'rganish, sodir etilishiga imkon bergan sharoitlarni tahlil qilishda, ijtimoiy xavfsizlikni ta'minlashda innovatsion yondashuvlarni qo'llaydi [3]. Bu tizim davlat xizmatining yangi funksiyasini – tahlilchi, strateg va profilaktik boshqaruv subyekti sifatidagi xizmatchini shakllantiradi. Natijada, mamlakatda jinoyatchilikka qarshi kurash faqat jazolash siyosatiga emas, balki ilmiy boshqaruv va jamoat xavfsizligini ta'minlashning kompleks tizimiga aylanadi.

O'zbekiston Respublikasi Prezidentining mazkur qarori mamlakatda kriminologiya sohasida ilmiy va amaliy faoliyatni yangi bosqichga ko'tarishni nazarda tutadi. Ushbu hujjat ilmiy tadqiqotlarning amaliyot bilan uzviy bog'lanishini ta'minlash, “g'oyadan amaliyotgacha” tamoyili asosida jinoyatchilikka qarshi davlat siyosatini takomillashtirishga qaratilgan. Qarorda jamoat xavfsizligini ta'minlash sohasidagi tadqiqotlar fanlararo yondashuvda tashkil etilishi, ya'ni yuridik, sotsiologik, psixologik, iqtisodiy va raqamli kriminologiya yo'nalishlarining bir-biri bilan integratsiya qilinishi belgilab qo'yilgan.

Mazkur qarorning amalga oshirilishi natijasida davlat boshqaruvida ilmiy-analitik funksiyalar kuchaydi. Bu nafaqat ichki ishlar tizimi faoliyatini, balki barcha davlat organlari ish uslubini yangicha tashkil etishga zamin yaratdi. Ilmiy tahlil va prognozga asoslangan davlat siyosati qaror qabul qilish jarayonidagi subyektivlikni kamaytiradi, xavfsizlik sohasidagi qarorlarni dalil va faktlarga tayangan holda qabul qilish imkonini beradi. Prezident qarorida aynan shunday ilmiy-amaliy tizimni yaratish uchun huquqiy asoslar mustahkamlangan.

Qaror asosida tashkil etilgan O'zbekiston Respublikasi Kriminologiya tadqiqot instituti mamlakatda ilmiy-amaliy tahlilni markazlashtirilgan holda amalga oshiruvchi ilk davlat ilmiy muassasasi sifatida faoliyat boshladi. Institutning asosiy vazifasi – jinoyatchilik holatini tizimli tahlil qilish, uning asl sabab va omillarini ilmiy diagnostika asosida aniqlash hamda davlat idoralari uchun amaliy tavsiyalar ishlab chiqishdan iborat [4]. Shu bilan birga, institut davlat boshqaruvi qarorlarini ilmiy asos bilan ta'minlovchi “tayanch ilmiy markaz” sifatida harakat qiladi.

Institut faoliyatining yana bir muhim jihati – ilmiy ishlanmalarni amaliyotga joriy etish, ya'ni tadqiqot natijalari asosida davlat siyosatini takomillashtirishga yo'naltirilgan takliflar tayyorlash. U

nafaqat tahlilchi funksiyasini, balki ekspertlik va o'quv vazifalarini ham bajaradi. Davlat xizmatchilari va ichki ishlar xodimlarini ilmiy tahlil metodologiyasi, kriminologik fikrlash va bashorat qilish ko'nikmalari bilan ta'minlash orqali institut davlat xizmatidagi ilmiy kompetensiyani oshirishga xizmat qiladi. Bu Yangi O'zbekiston sharoitida davlat boshqaruvinin ilm-fan bilan uyg'unlashtirishning yorqin ifodasidir.

Prezident qarorida belgilangan muhim innovatsion qadamlardan biri “E-jamoat xavfsizligi” yagona avtomatlashtirilgan axborot tizimida “Jinoyat omillari” modulini yaratishdir. Bu modul jinoyatchilik holatlari, ularning geografik va ijtimoiy omillarini real vaqtda tahlil qilish imkonini yaratadi. Ushbu tizimning yaratilishi davlat boshqaruvida raqamli tahlilning amaliyotga to'liq tatbiq etilishini ifodalaydi. Ya'ni har bir hudud bo'yicha kriminogen vaziyat ilmiy ma'lumotlar asosida baholanib, jinoyatchilikning oldini olish bo'yicha aniq va tezkor choralar ishlab chiqiladi.

Bunday raqamli tizim “ilmiy ma'lumotga asoslangan boshqaruv”ni amalga oshirish imkonini beradi. Kriminologik tahlil orqali jinoyatchilikning kelib chiqish omillari aniqlanadi, xavfli hududlar va ijtimoiy guruhlar bo'yicha prognozlar tuziladi. Natijada, davlat organlari faoliyatida reaktiv (jinoyat sodir bo'lgandan keyingi) emas, balki proaktiv (oldini oluvchi) boshqaruv madaniyati qaror topadi. Bu esa Yangi O'zbekistonning “raqamli va tahlilchi davlat” konsepsiyasiga to'liq mos keladi.

Kriminologik tahlil tizimi faqat jinoyatchilikni o'rganish vositasi bo'lib qolmay, davlat siyosatini takomillashtirishning muhim ilmiy manbaiga aylanmoqda [5]. Ilmiy tahlil natijalari orqali jinoyatchilikning asl sabablarini, ya'ni iqtisodiy, psixologik, ijtimoiy va huquqiy omillarni aniqlash mumkin bo'ladi. Bu esa davlat siyosatini ishlab chiqishda tahlil asosida qaror qabul qilish (“evidence-based policy”) madaniyatini shakllantiradi.

Shuningdek, kriminologik tahlil orqali qonunchilikdagi bo'shliqlar yoki normalarning samarasizligi aniqlanib, ularni tuzatish bo'yicha ilmiy tavsiyalar ishlab chiqiladi. Bu jarayon parlament, hukumat va vazirliklar faoliyatini ilmiy ma'lumotlar bilan ta'minlaydi, qonun ijodkorligini fakt va tahlil asosida amalga oshirish imkonini beradi. Xususan, Kriminologiya tadqiqot institutining ilmiy xulosalari kelgusida qonun loyihalarini ishlab chiqishda ham muhim manba sifatida xizmat qilishi ko'zda tutilgan [6]. Buning natijasida davlat boshqaruvida ilmiy tahlilga asoslangan siyosiy qarorlar tizimi shakllanib, mamlakat rivojlanishida yangi bosqich – ilmiy boshqaruv davri boshlanadi.

Yangi O'zbekistonda davlat xizmatlarining mazmuni tubdan yangilanmoqda. Endi davlat xizmatchisi faqat ijro etuvchi emas, balki tahlil qiluvchi, bashorat qiluvchi va ilmiy xulosalar asosida qaror qabul qiladigan shaxs sifatida faoliyat yuritishi talab etilmoqda. Bu jarayon “ilmiy boshqaruv” tamoyilining amaldagi ifodasidir. Davlat boshqaruvida kriminologik tahlilni joriy etish orqali davlat xizmatchilari faqat ma'lumot yig'uvchi emas, balki jinoyatchilikning sabab va tendensiyalarini ilmiy tahlil qiluvchi ekspertga aylanadi.

Bunday ilmiy tahlil madaniyati davlat xizmatidagi mas'uliyatni va qaror qabul qilish sifatini sezilarli darajada oshiradi. Jinoyatchilikka qarshi kurashda har bir davlat xizmatchisining vazifasi faqat jazo choralari qo'llash emas, balki jinoyatchilikni keltirib chiqarayotgan omillarni tahlil qilish va ularni bartaraf etish bo'lishi lozim. Shu ma'noda, kriminologik tahlil faoliyati davlat xizmatining yangi strategik funksiyasi sifatida shakllanmoqda.

Kriminologik tahlil tizimi davlat xizmatchisidan yangi turdagi bilim va ko'nikmalarni talab etadi: statistik fikrlash, ma'lumotlarni tahlil qilish, ilmiy manbalar bilan ishlash, jinoyatchilik omillarini kompleks baholash va raqamli ma'lumotlardan foydalanish qobiliyati. Bu kompetensiyalar zamonaviy boshqaruv kadrlarini tayyorlash tizimida muhim ahamiyat kasb etadi [7]. Davlat xizmatchisi endi “administrator” emas, balki “analitik boshqaruvchi” sifatida ish ko'radi.

Shu bilan birga, tahlil madaniyati davlat boshqaruvinin shaffofligi va hisobdorligini kuchaytiradi. Chunki har bir qaror va chora-tadbir ilmiy tahlil natijalariga asoslanadi. Natijada, davlat xizmati

faoliyatida shaxsiy fikr yoki subyektiv xulosalar emas, balki fakt, ma'lumot va ilmiy tahlil ustuvor o'rin egallaydi. Bu esa davlat boshqaruvini zamonaviy, faol va javobgar tizim sifatida shakllantirishda hal qiluvchi ahamiyatga ega.

Kriminologik tahlil faoliyati davlat siyosatining amaliy samaradorligini oshiradi. Ilmiy tahlil natijalari asosida ishlab chiqilgan davlat dasturlari, profilaktika choralari va qonunchilik tashabbuslari jinoyatchilikning sababiy zanjirini aniq va mantiqiy tarzda bartaraf etishga yo'naltiriladi. Bu esa davlat siyosatini faqat reaktiv emas, balki proaktiv (oldindan chora ko'ruvchi) yo'nalishga olib chiqadi.

Hozirgi global xavfsizlik muhitida davlat boshqaruvining samaradorligi faqat huquqiy choralari yoki ma'muriy islohotlar bilan emas, balki ilmiy tahlil va prognoz tizimlarini joriy etish bilan ta'minlanadi. Kriminologik tahlil davlat boshqaruvining yangi strategik mexanizmi sifatida jinoyatchilikka qarshi kurashish va jamoat xavfsizligini ta'minlash sohasidagi qarorlarni ilmiy asoslash imkonini yaratadi. Bu tizim orqali davlat organlari ma'lumotlarni tahlil qiladi, kriminogen vaziyatni baholaydi va tahdidlarga oldindan javob beradi.

Kriminologik tahlilning boshqaruvdagi amaliy ahamiyati shundaki, u jinoyatchilikning "omiliy diagnostikasi"ni ta'minlaydi. Ya'ni, jinoyat sodir bo'lganidan keyin chora ko'rish emas, balki uning sabablarini oldindan anglab, bartaraf etishga yo'naltirilgan siyosatni shakllantiradi. Bu davlat boshqaruvidagi faol (proaktiv) yondashuvni kuchaytiradi va jamoat xavfsizligini ta'minlashni tizimli bosqichga olib chiqadi.

Kriminologik tahlil davlat siyosatini shakllantirishda "ilmiy dalillarga asoslangan boshqaruv" (evidence-based governance) modelini amalga oshiradi. Bu usul orqali qaror qabul qilish jarayonida faqat statistik ma'lumot emas, balki ilmiy tahlil, prognoz va modellash natijalari inobatga olinadi. Masalan, ma'lum hududda jinoyatchilikning o'sish tendensiyasi tahlil qilinib, uning ijtimoiy iqtisodiy yoki psixologik omillari aniqlanadi, shunga muvofiq davlat dasturlari ishlab chiqiladi.

Bunday ilmiy yondashuv natijasida davlat siyosatida samaradorlik, aniqlik va manzillilik ta'minlanadi. Shuningdek, kriminologik tahlil natijalari qonun ijodkorligi jarayonida ham muhim manba bo'lib xizmat qiladi: tahlil va prognoz xulosalariga asoslangan qonunchilik takliflari davlat boshqaruvi tizimining barqaror va tizimli rivojlanishini ta'minlaydi.

O'zbekistonda "E-jamoat xavfsizligi" axborot tizimida "Jinoyat omillari" modulining ishga tushirilishi davlat boshqaruvida raqamli tahlil madaniyatini shakllantirishda muhim qadam bo'ldi. Bu tizim orqali jinoyatchilikning sababiy omillari, joy va vaqt bo'yicha dinamikasi, ijtimoiy xavf darajasi haqidagi ma'lumotlar real vaqtda tahlil qilinadi. Natijada, davlat organlari tezkor va aniq qaror qabul qilish imkoniga ega bo'ladi.

Innovatsion texnologiyalar – sun'iy intellekt, ma'lumotlar tahlili, geoaxborot tizimlari kriminologik tahlilni yangi bosqichga olib chiqmoqda. Ular davlat boshqaruviga xavfni oldindan baholash, ssenariy modellar tuzish, prognoz asosida siyosiy qaror qabul qilish imkoniyatini yaratadi. Bu esa davlat xizmati samaradorligini oshirishda raqamli va ilmiy yondashuvning ustuvor ahamiyatini tasdiqlaydi.

Davlat boshqaruvi samaradorligini baholashning zamonaviy mezonlaridan biri uning ilmiy asoslanganligi va prognoz qilish qobiliyatidir. Kriminologik tahlil bu mezonlarni ta'minlaydi, chunki u davlat siyosatining natijadorligini baholash uchun ilmiy dalillar va obyektiv ma'lumotlar taqdim etadi. Shu yo'sinda, jinoyatchilikka qarshi kurashish sohasidagi har bir dastur yoki qarorning samarasi ilmiy ko'rsatkichlar asosida baholanadi.

Bunday yondashuv davlat boshqaruvini "natijaga yo'naltirilgan boshqaruv" (result-oriented governance) modeliga yaqinlashtiradi. Davlat xizmatchilari va siyosiy qaror qabul qiluvchilar faoliyati samarasi subyektiv fikrlar asosida emas, balki kriminologik tahlil xulosalariga asoslangan aniq ko'rsatkichlar bilan o'lchanadi. Bu esa davlat siyosatini ilmiy, hisobdor va shaffof tizimga aylantiradi

Foydalanilgan manbalar

1. O'zbekiston Respublikasi Prezidentining "Kriminologiya sohasida ilmiy-amaliy tadqiqot ishlarini tashkil etish chora-tadbirlari to'g'risida" 2024-yil 15-yanvardagi PQ-22-son qarori.
2. O'zbekiston Respublikasi Prezidentining 2023-yil 11-sentyabrdagi "O'zbekiston – 2030" strategiyasini tasdiqlash to'g'risida"gi PF-158-son farmoni
3. Nazarov F. Kriminologiya va davlat xavfsizligi integratsiyasi. – Toshkent, 2022.
4. O'zbekiston Respublikasi Prezidentining "Kriminologiya sohasida ilmiy-amaliy tadqiqot ishlarini tashkil etish chora-tadbirlari to'g'risida" 2024-yil 15-yanvardagi PQ-22-son qarori
5. UNODC. Digital Criminology and Data-Driven Governance. – Vienna, 2022.
6. OECD. Open Government Data for Evidence-Based Policy Making. – Paris: OECD Publishing, 2021.
7. Mirziyoyev Sh.M. Yangi O'zbekiston – yangi taraqqiyot yo'li. – Toshkent: "O'zbekiston", 2023.

Андреев Максим Валентинович
доктор юридических наук, профессор
Казанского юридического института МВД России
*Doctor of Law, Professor at the Kazan Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

ТЯНЬЦЗИНЬСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ ШОС – ГЛОБАЛЬНАЯ ИНИЦИАТИВА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ВЫЗОВАМ И УГРОЗАМ БЕЗОПАСНОСТИ

*The SCO Tianjin Declaration is a global initiative
to address security challenges and threats*

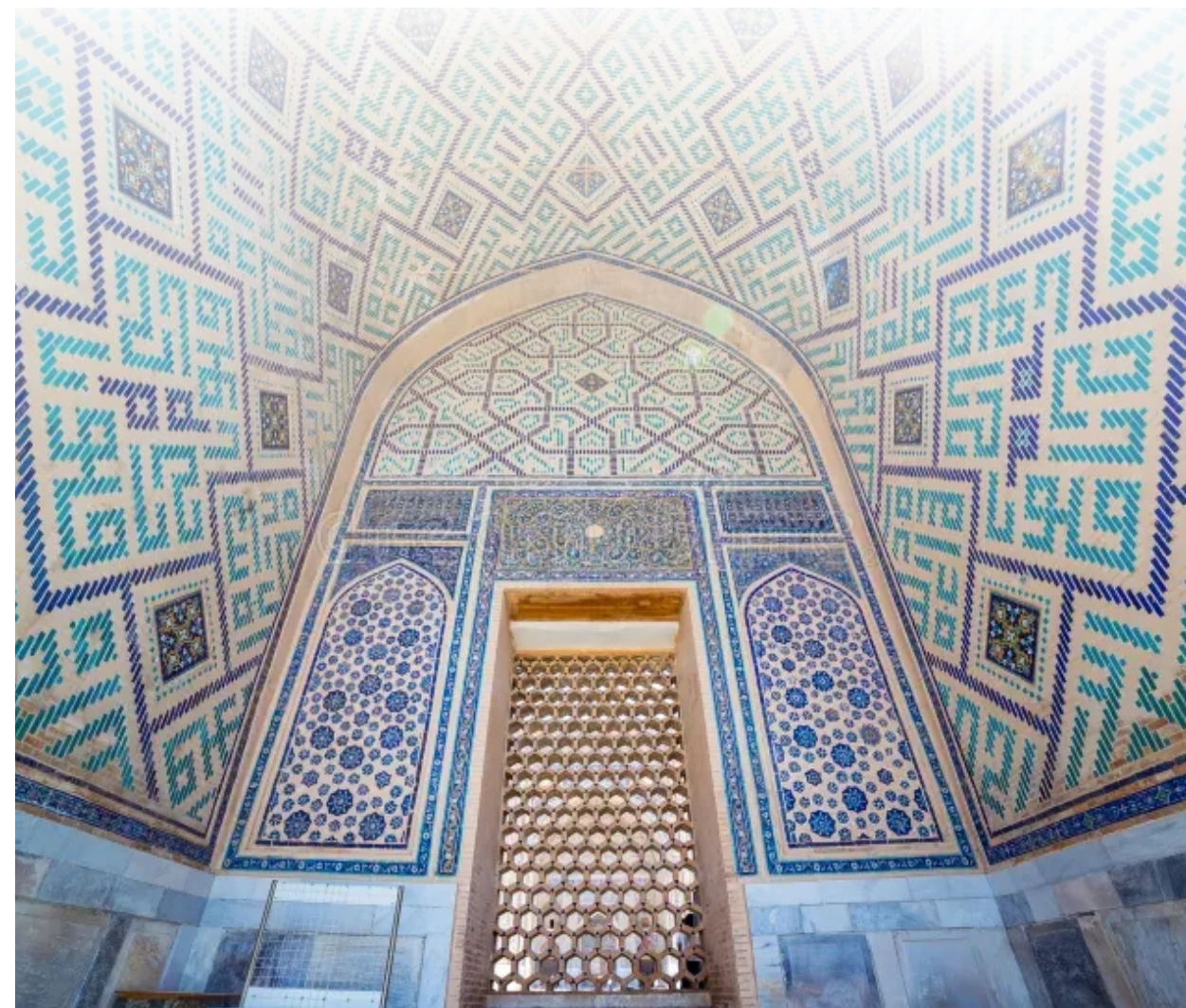
31 августа 2025 года в Китае стартовал очередной саммит Шанхайской организации сотрудничества. Среди членов организации: Узбекистан и Россия, Казахстан, Китай, Индия, Иран, Беларусь. Среди стран партнеров организации: Армения, Азербайджан, Шри-Ланка, Непал, Турция, ОАЭ и Камбоджа. Председатель КНР Си Цзиньпин на расширенном заседании «ШОС плюс» выдвинул инициативу глобального управления. В своем выступлении он отметил, – «следует настаивать на том, чтобы все страны, независимо от размера, мощи и благосостояния, имели равные возможности участвовать, принимать решения и получать выгоды в глобальном управлении. Необходимо продвигать демократизацию международных отношений, а также расширять представительство и голос развивающихся стран»¹. Данная инициатива была положена в основу принятой Тяньцзиньская декларация ШОС.

Безусловно, настоящий год – год 80-летия Победы в самой страшной войне человечества, избавления от фашизма и милитаризма, и учреждения уникальной универсальной организации мира и безопасности – Организации Объединенных Наций. Прошедшая в сентябре 2025 года 80-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке в очередной раз продемонстрировала сложность стоящих перед человечеством проблем и невозможность их решения с позиции силы, где одни страны бы диктовали другим свои условия. В этой связи глобальная инициатива в рамках ШОС имеет под собой твердый фундамент международного права, основывается на концепции Устава ООН по разделению ответственности и дополнительной усиливающей роли региональных организаций в деле мира и безопасности. ООН создавалась не для решения всех проблем, эта организация прежде всего была и остается реальным воплощением международного принципа суверенного равенства государств, где все, даже самые малые страны, имеют свое слово, равное с остальными участниками международного общения.

Крайне несправедливые диспропорции развития стран, борьба за ресурсы и рынки, протекционизм глобализации и монополизации мировой экономики является корнем практически всех международных конфликтов, порождает сепаратизм и экстремизм, служит почвой для роста преступности, угрожает безопасности отдельных государств и мира в целом.

Решение этих проблем не под силу ни одной стране, даже самой сильной, в одиночку. Один в поле не воин! Только объединив усилия, осознав ответственность перед будущими поколениями, государства могут пройти кризис современных международных отношений, который с ужасом можно характеризовать как «война всех против всех». В этой повестке инициативы, направленные на максимальную поддержку региональных держав, малых стран, стремящиеся к взаимовыгодному развитию и партнерству крайне необходимы и являются единственным выходом для нормального развития и укрепления международного мира и сотрудничества.

И главный тезис выдвинутой глобальной инициативы в рамках ШОС - это ориентация мировой политики на человека. В конечном счете, все действия государств мира должны иметь своей целью жизнь и безопасность человека, его права и свободы, возможность устойчивого развития, избавления будущих поколений от бедствий войны, как это и записано в Уставе Организации Объединенных Наций.

¹ Си Цзиньпин выдвинул инициативу глобального управления. РИА новости. 14.09.2025. www.ria.ru

Azim Shukhrat

Doctor of Philosophy in Legal Sciences
Research Institute of Criminology of the Republic of Uzbekistan

yuridik fanlar b'oyicha falsafa doktori
O'zbekiston Respublikasi Kriminologiya tadqiqot instituti

INTERNATIONAL LEGAL AND DOMESTIC REGULATION OF PUBLIC RELATIONS ENSURING INFORMATION SECURITY FROM CYBERCRIME

*Kiberjinoyatchilikdan axborot xavfsizligini ta'minlovchi
ijtimoiy munosabatlarning xalqaro-huquqiy va milliy darajada tartibga solinishi*

In the context of globalization and the rapid development of information technology, the Republic of Uzbekistan faces new challenges and threats that require a comprehensive approach to ensuring information security. This approach covers a wide range of issues, including the protection of government and commercial data, the security of critical infrastructure, the protection of citizens' rights to personal information, and resilience to cyberattacks.

In response to these growing challenges, the international community has intensified the development of unified approaches to the criminal law interpretation, definition, and protection against cybercrime. These multilateral efforts resulted in the adoption on December 24, 2024, of United Nations Convention No. 79/243 against Cybercrime: Strengthening International Cooperation to Combat Certain Offences Committed through Information and Communications Systems and in the Exchange of Electronic Evidence Relating to Serious Crimes (hereinafter referred to as the UN Convention against Cybercrime)¹, the primary purpose of which is to establish a universal legal framework to effectively combat cybercrime.

The legal nature of the adopted UN Convention against Cybercrime determines its multilateral binding nature, creating obligations for member states to criminalize certain types of acts, intensify international cooperation, and implement procedural mechanisms necessary to effectively combat cybercrime. It serves as a fundamental element in the further positive development of international criminal law in the field of high technology and provides the basis for ensuring a universal legal mechanism to combat crimes that transcend national jurisdictional boundaries.

The UN Convention on Cybercrime, adopted by consensus of all 193 United Nations Member States without a vote, opened for signature at a ceremony in Hanoi, Vietnam, on October 25, 2025. Sixty-five countries, including Uzbekistan, signed the document on the first day. The UN Convention on Cybercrime will remain open for signature until December 31, 2026, and will enter into force 90 days after it has been ratified by 40 States Parties.

The signing of the UN Convention against Cybercrime and its ratification by Uzbekistan necessitates a thorough and thoughtful review of the current criminal, criminal procedural, and other areas of legislation, as one of the objectives is to consolidate efforts to combat transnational cybercrime, which can be achieved through the unification of the legislation of the countries participating in the Convention, through the adoption and introduction into national legislation of norms establishing criminal liability for the elements of crimes common to all states, as provided for in Chapter II "Criminalization." The Convention requires States Parties to criminalize certain acts related to information and communication technologies by establishing sufficient requirements for the construction of elements of crimes, which allows not only to harmonize the criminal legislation of Uzbekistan, but also to avoid gaps, the lack of regulation of any criminal behavior, as well as to allow significant differences in criminal law norms in national legislation, which may be a significant obstacle to international cooperation in the effective fight against information and communication technologies.

The minimum exhaustive list with the definition of the mandatory features of the elements of the elements of general crimes is presented in Chapter II, entitled "Criminalization". Such general elements of crime include: 1) Illegal access (Article 7); 2) Illegal interception (Article 8); 3) Impact on electronic data (Article 9); 4) Impact on the information and communication system (Article 10); 5) Misuse of devices (Article 11); 6) Forgery using the information and communication system (Article 12); 7) Theft or fraud using the information and communication system (Article 13); 8) Crimes related to posting on the Internet materials containing scenes of sexual abuse of children or their sexual exploitation (Article 14); 9) Harassment or creation of trusting relationships with the purpose of committing a sexual crime against a child (Article 15); Distribution of intimate images without consent (Article 16); Laundering of proceeds of crime (Article 17).

The provided list of general offences for national criminal legislation is minimally sufficient, since Article 4 states that "in implementing other applicable United Nations conventions and protocols to which States Parties are Parties, they shall ensure that criminal offences established in accordance with those conventions and protocols are also criminal offences under domestic law when committed through the use of information and communications systems".

The crimes set forth in Articles 7-16 of the Convention are "predicate offenses," that is, mandatory offenses that result in the generation of proceeds, in relation to which the crimes specified in Article 17 of the UN Convention against Cybercrime may be committed.

A comparative analysis of the provisions of the UN Convention against Cybercrime with the provisions of the current Criminal Code of the Republic of Uzbekistan allows us to conclude that the overwhelming majority of the provisions contained in the international legal document are implemented in domestic criminal law.

Thus, Chapter XX 1. Crimes in the Sphere of Information Technology (with subsequent amendments and additions) introduced into the Criminal Code² in accordance with the Law (No. ZRU-137) of the Republic of Uzbekistan dated December 25, 2007 "On Amendments and Additions to Certain Legislative Acts of the Republic of Uzbekistan in Connection with Strengthening Liability for the Commission of Illegal Actions in the Field of Informatization and Data Transfer" (with subsequent amendments and additions) actually covers all criminal offenses provided for in Articles 7-11 of the UN Convention against Cybercrime.

¹ <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243>

² See: Collection of Legislation of the Republic of Uzbekistan, 2007, No. 52, Article 532.

The criminal offences provided for in Article 13 of the Convention are regulated by Article 165 of the Criminal Code (extortion), subparagraph "g" of Part 3 of Article 167 of the Criminal Code (theft by misappropriation or embezzlement), subparagraph "g" of Part 3 of Article 168 of the Criminal Code (fraud), subparagraph "b" of Part 3 of Article 169 of the Criminal Code (theft).

Crimes related to the posting of materials on the Internet containing scenes of sexual abuse of children or sexual exploitation, provided for in Article 14, and the distribution of intimate images without consent, provided for in Article 16 of the UN Convention against Cybercrime, are partially provided for as criminally punishable acts in Article 130 of the Criminal Code (production, import, distribution, advertising, and display of pornographic products).

Laundering of proceeds from crime, as provided for in Article 17 of the Convention, is practically identical to the crime provided for in Article 243 of the Criminal Code (legalization of proceeds from crime).

In certain other provisions of criminal law, "the use of telecommunications networks, as well as the World Wide Web" is provided for as a constructive or qualifying feature (clause "g" of Part 2 of Article 103 of the Criminal Code - incitement to suicide; (clause "v" of Part 2 of Article 103¹ of the Criminal Code - incitement to suicide; (Article 130¹ of the Criminal Code - production, import, distribution, advertising, demonstration of products promoting the cult of oppression, violence or cruelty; Part 2 of Article 139 of the Criminal Code - slander; Part 2 of Article 140 of the Criminal Code - insult; Article 141² of the Criminal Code - violation of the legislation on personal data; Article 141³ of the Criminal Code - disclosure of information that infringes the honor and dignity of an individual and reflects the intimate aspects of a person's life; clause "g" of Part 2 of Article 149¹ of the Criminal Code - violation of copyright and related rights; Part 3 of Article 168 of the Criminal Code — public insult or slander against the President of the Republic of Uzbekistan; Art. 188¹ of the Criminal Code — illegal activity to attract funds and (or) other property; subparagraph "b" of Part 2 of Art. 244 of the Criminal Code — mass riots; subparagraph "g" of Part 3 of Art. 244¹ of the Criminal Code — production, storage, distribution or demonstration of materials containing a threat to public safety and public order; Part 2 of Art. 244⁵ of the Criminal Code — dissemination of false information about the spread of quarantine and other infections dangerous to humans; Art. 244⁶ of the Criminal Code — dissemination of false information; Parts 1 and 2 of Art. 151¹ of the Criminal Code — production, distribution, advertising, demonstration of products promoting potent substances that are not narcotic drugs, their analogues or psychotropic substances, or illegal trafficking of such substances or toxic substances; subparagraph "d" of Part 3 of Art. 273 Criminal Code - illegal production, acquisition, storage and other actions with narcotic drugs, their analogues or psychotropic substances for the purpose of sale, as well as their sale; Parts 1 and 2 of Article 274 of the Criminal Code - production, distribution, advertising, demonstration of products promoting narcotic drugs, their analogues or psychotropic substances or involvement in the use of such drugs; Part 3 of Article 278 of the Criminal Code - provision of services in telecommunication networks, including by providers of the World Wide Web, broadcasting, reproduction, distribution of relevant software for the organization or conduct of gambling and other games based on risk).

At the same time, even with the above-mentioned regulations in place, meticulous work is required to improve the current criminal legislation, adjust it, and adequately implement international legal norms through transformation into criminal legislation.

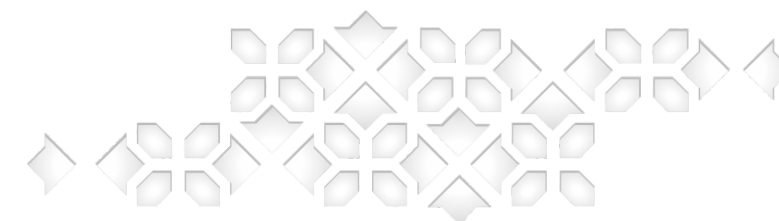
Firstly, it is necessary to correct the terminological inconsistency and use the conceptual apparatus used in the UN Convention against Cybercrime, but with the obligatory condition of using traditional techniques and methods of legislative technique of domestic criminal law.

Secondly, it is necessary to eliminate the gaps in the Criminal Code of Uzbekistan and criminalize acts that are not provided for as criminal in the current Criminal Code, such as the financing of crimes recognized as such in accordance with subparagraphs (a)-(c) of paragraph 1 of Article 14 of the Convention, forgery using an information and communication system (Article 12 of the Convention), and, in the same way, eliminate some substantive consistency in other provisions.

Thirdly, it is advisable to reconsider the sanctions for crimes committed using information and communication systems and technologies, from the perspective of the understanding in the UN Convention against Cybercrime of "serious crimes" as acts punishable by imprisonment for a maximum term of at least four years or a more severe penalty (clause "h" of Article 2 of the Convention).

Fourthly, it would be advisable to return confiscation of property, which has been excluded as a punishment measure, to the Criminal Code³, but to return it not as a criminal punishment, but as another measure of a criminal-legal nature, along with compulsory medical measures.

The current Criminal Procedure Code of Uzbekistan contains so-called special confiscation, which involves the seizure from a convicted person of specific items used as instruments and means of committing crimes, certain other items, as well as money and other valuables obtained through criminal activity. However, such confiscation, by its legal nature, is not a criminal procedural measure and therefore should be included in criminal law as a different criminal measure. The same status of property confiscation is evident from the UN Convention against Cybercrime, where paragraph "c" of Article 2 defines "confiscation means the permanent deprivation of property by order of a court or other competent authority." Therefore, it would be appropriate to reinstate property confiscation in the Criminal Code of Uzbekistan as a different criminal measure, substantively defining special criminal procedural confiscation and excluding it from the Criminal Procedure Code.

³ This punishment was excluded from the punishment system on the basis of the Law (No. 254- II) of the Republic of Uzbekistan dated August 29, 2001 "On Amendments and Additions to the Criminal, Criminal Procedure Codes of the Republic of Uzbekistan and the Code of the Republic of Uzbekistan on Administrative Liability in Connection with the Liberalization of Criminal Punishments". // Bulletin of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan, 2001, No. 9-10, Art. 165.

Niyozova Salomat Saparovna
yuridik fanlar doktori, professor
Toshkent davlat yuridik universiteti

Doctor of Law, Professor
Tashkent State University of Law

VOYAGA YETMAGANLARNI O'Z JONIGA QASD QILISH JINOYATINING SUBYEKTIV BELGILARI

Subjective signs of juvenile suicide

Annotatsiya. Maqolada voyaga yetmaganlarni o'z joniga qasd qilish jinoyatining subyektiv belgilariga doir masalalar tahlil qilingan. Shuningdek, maqolada o'z joniga qasd qilish jinoyatning subyektiv tomoni uni kvalifikatsiya qilishda asosiy o'rin egallashi bilan bog'liq masalalar, bu masala yuzasidan olimlarning fikrlari o'rganilib, tegishli taklif va tavsiyalar berib o'tilgan.

Kalit so'zlari: Ayb, voyaga yetmagan, jazo, jazo tayinlash, javobgarlik, jinoyat, o'z joniga qasd qilish, subyektiv tomon, subyekt, kvalifikatsiya.

Abstract. This article analyzes issues related to the subjective characteristics of juvenile suicide. The article also examines issues related to the fact that the subjective side of the crime of suicide plays a key role in its qualification, the opinions of scientists on this issue are studied, and relevant proposals and recommendations are given.

Keywords: guilt, minor, punishment, sentencing, responsibility, crime, suicide, subjective side, subject, qualification.

Dunyoda voyaga yetmaganlarning o'z joniga qasd qilishning kelib chiqish sabablari ro'yxatida sakkizinchi o'rinni, zo'ravonlik natijasida kelib chiqadigan o'limlar orasida esa birinchi o'rinni egallaydi.

Dunyo bo'ylab har yili 1 mln. odam suitsid orqali hayotdan ko'z yumadi (JSST, 2016 yil). Bu ko'rsatkich 100 000 aholiga o'rtacha 16 kishini tashkil qiladi. Dunyo miqyosida suitsid bo'yicha eng oldinda borayotgan davlatlar – Rossiya (26,5), Litva (25,7) va Qozog'iston (22,8). Taqqoslash uchun Janubiy Koreyada 20,2, Belgiyada 15,7, Yaponiyada 14,3, AQSHda 13,7, Fransiyada 12,1, Shveysariyada 11,3, Germaniyada 9,1, Isroilda 5,2 suitsid kuzatiladi. Ushbu ko'rsatkichlar har yili o'zgarib turadi. Masalan, 2012 yili Janubiy Koreyada suitsid darajasi 28,9 ni tashkil qilgan. E'tibor qilinadigan bo'lsa, darajasi yuqori bo'lgan davlatlarda suitsid sodir etilishi ham yuqori bo'lib qolmoqda.

Musulmon davlatlarida suisid darajasi ancha past (Qozog'iston bundan istisno). Masalan, 100 000 aholiga Qirg'izistonda 9,1; O'zbekistonda 7,4; Turkiyada 7,2; Turkmanistonda 7,2; Baxreynda 5,7; Saudiya Arabistonida 3,4; Tojikistonda 3,3; Birlashgan Arab Amirliklarida 2,7; Ozarbayjonda 2,6; Quvaytda 2,2 suisid ro'y beradi (JSST, 2016 yil). Yillab urush girdobida qolgan davlatlarda suisid kam

uchrashi e'tiborni tortadi. Masalan, Afg'onistonda bu ko'rsatkich 6,4; Iroqda 4,1; Livanda 3,2; Suriyada 2,4 ga teng. Karib dengizi davlatlari va Bagam orollarida suisid juda kam uchraydi. Bu ko'rsatkich o'rtacha har 40 soniyada bir kishi o'z joniga qasd qiladi, deganidir. Ma'lumotlarga ko'ra, "har yili bir millionga yaqin odam o'zini o'zi o'ldiradi, o'n milliondan yigirma millionga yaqin odam esa, o'zini o'zi o'ldirishga urinadi"[1].

Tahlillarga ko'ra, dunyo miqyosida o'z joniga qasd qilish maishiy zo'rlik ishlatish holatlari sababli o'tgan asrning 90-yillariga nisbatan keskin ortgan. Xususan, O'zbekiston Respublikasi Ichki ishlar vazirligi ma'lumotlariga ko'ra, 2024 yilning yanvar-dekabr oylarida respublika bo'yicha ro'yxatga olingan jinoyatlarning umumiy soni 132 298 tani tashkil etgan¹). Bu 2023 yilning mos davriga nisbatan 27,1 % ga, 2021 yilning mos davriga esa 19,1 % ko'payganini ko'rsatadi. Ushbu davrda jinoyatlar soni 10 ming kishiga nisbatan 35,6 ta, 2021 yilning shu davrida 31,8 ta, 2022 yilda 29,2 ta va 2023 yilda 28,3 ta bo'lgan.

2024 yilning yanvar-dekabr oylarida 2023 yilning mos davriga nisbatan qasddan odam o'ldirish va odam o'ldirishga urinish –11,4 % ga kamaygan" [2] bo'lsa-da, ammo mazkur jinoyatdan voyaga yetmaganlarning jabrlanish holati ko'paymoqda.. Bu esa voyaga yetmaganlarni o'z joniga qasd qilishning jinoyat-huquqiy hamda kriminologik choralari takomillashtirish zarurati mavjudligini ko'rsatadi[3].

Jahonda insonning voyaga yetmaganlarni o'z joniga qasd qilishiga sabab bo'luvchi turli tahdidlar, rahmsiz muomala, sha'n va qadr-qimmatning muntazam ravishda kamsitilishi va boshqa shunga o'xshash zo'ravonliklar uchun javobgarlik va jazo belgilash, jinoyat qonuni tegishli normalarini takomillashtirish, hayotga qarshi jinoyatlarni oldini olish hamda milliy qonunchilikni xalqaro standartlarga moslashtirish va bu borada davlatlararo hamkorlikni kuchaytirish bo'yicha ilmiy tadqiqotlar olib borilmoqda. Jumladan, voyaga yetmaganlarni o'z joniga qasd qilishning oldini olish hamda kriminologik jihatlarini ilmiy va amaliy nuqtai nazardan tadqiq etish dolzarb ahamiyat kasb etmoqda.

Mamlakatimizda voyaga yetmaganlarning o'z joniga qasd qilish jinoyatlarning oldini olishga doir o'ziga xos milliy tizim va normativ-huquqiy asoslar yaratilib, uni xalqaro standartlarga muvofiqlashtirishga ahamiyat berilganligi natijasida fuqarolarni turli huquqbuzarliklar va jinoyatlardan muhofaza qilish masalalariga davlat siyosati darajasida e'tibor qaratilmoqda.

Voyaga yetmaganlarni o'z joniga qasd qilish jinoyatining subyektiv belgilari timsolida uning subyeksi va subyektiv tomoniga oid belgilarni tushunish mumkin.

An'anaga ko'ra, ushbu jinoyat subyektiv belgilari xususidagi tahlilni jinoyatning subyektidan boshlasak maqsadga muvofiq bo'ladi, deb o'ylaymiz.

"Jinoyat subyeksi, deydi G.N.Borzenkov – bu qasddan yoxud ehtiyotsizlikdan jinoyat qonunida ko'zda tutilgan ijtimoiy xavfli qilmishni sodir etgan taqdirda jinoiy javobgarlikka tortilishi mumkin bo'lgan shaxs"[4]. A.V.Arendarenko bu haqda shunday yozadi: "Jinoyat subyeksi – jinoiy javobgarlik yoshiga yetgan, aqli raso jismoniy shaxsdir" [5].

Ushbu jinoyatning subyeksi O'zbekiston Respublikasi Jinoyat kodeksining 103-moddasi 1-qismi bo'yicha 16 yoshga to'lgan, aqli raso jismoniy shaxs, 2-qismi bo'yicha esa, jabrlanuvchi moddiy tomondan yoki boshqa jihatlardan qaram bo'lgan shaxs hisoblanadi.

Sh.Yo.Abdugodirov qayd etganidek, "Jinoiy javobgarlik yoshi qonun chiqaruvchi tomonidan ixtiyoriy ravishda belgilanmaydi, balki shaxsning ruhiy-fiziologik, ijtimoiy-ruhiy o'sish darajasini, shuningdek, kriminologik mezonlarini e'tiborga olgan holda qabul qilinadi.

Mazkur xususiyatlarning yig'indisi insonning Jinoyat qonunida belgilangan yoshga yetishi, uning mazkur yoshdan boshlab Jinoyat kodeksida jinoiy qilmish kabi taqiqlangan xatti-harakatlarning ijtimoiy xavfliligini tushuna olishidan dalolat beradi" [6].

O'zbekiston Respublikasi Jinoyat kodeksining 103-moddasi 1-qismida ko'rsatilgan jinoyatning subyektiga jabrlanuvchi moddiy tomondan yoki boshqa jihatdan qaram bo'lmaydi. Mazkur moddaning 2-qismida ko'rsatilgan jinoyat subyektiga esa, jabrlanuvchi moddiy tomondan yoki boshqa jihatdan qaram bo'ladi.

Jinoyat subyektiga jabrlanuvchining qaram bo'lishi deganda jabrlanuvchi aybdorning qaramog'ida ekanligi yoki unga moddiy tomondan bog'liq bo'lganligini tushunish lozim.

“Moddiy qaramlik deganda, jabrlanuvchining aybdordan anchagina moddiy yordam olishi (pul, oziq-ovqatlar, kiyim-kechaklar va h.k. olishi) yoki uning qaramog'ida bo'lish holatlarini tushunish lozim. Bu qoida tariqasida, ishlayotgan shaxsning ishlab turgan shaxsga, farzandlarning ota-onalariga, ishlayotgan ota-onaning moddiy daromadga ega bo'lgan farzandlariga qaramligi va h.k. bo'lishi mumkin.

Boshqacha qaramlik deganda, xizmat yoxud boshqacha qaramlikni (masalan, boshliqqa, o'qituvchiga, rahbarga, qarindoshlarga vasiylik va tarbiyalashni amalga oshirish va boshqalar bilan bog'liq qaramlikni) tushunish lozim” [7].

Jinoyatning subyektiv tomoni – shaxsning o'zi sodir etgan ijtimoiy xavfli qilmishga va uning oqibatlariga uning ruhiy munosabatini ifodalaydi [8]. I.M. Tyajkova jinoyat subyektiv tomonini “jinoyat sodir etishga tayyorgarlik ko'rayotgan va (yoxud) uni sodir etgan shaxs ongida yuz bergan ruhiy jarayonlarni tavsiflovchi ichki mazmun” [9] sifatida baholaydi.

V.I. Dineka esa, “jinoyat subyektiv tomoni – sodir etilgan jinoyat bilan bevosita bog'liq bo'lgan shaxsning ruhiy faoliyati” [10], deb yozadi.

Mazkur jinoyatning subyektiv tomoni uni kvalifikatsiya qilishda asosiy o'rin egallaydi. Umuman olganda, sud-tergov amaliyotida ushbu jinoyat subyektiv tomonini aniqlashda biroz qiyinchilik va mushkulliklarga duch kelinmoqda, desak xato bo'lmaydi. Buning asosiy boisi jinoyat subyektiv tomonining bevosita shaxs ichki ruhiy olami bilan uzviy bog'liqligidadir. Xususan, ushbu masala yuzasidan Ye. Zabarnuk va Z. Soktayevev esa, “bugungi kunda jinoyat huquqi aybdorning jinoyatgacha va undan keyingi xulqining subyektiv tomoniga, ya'ni ruhiy jihatlariga yetarlicha inobatga olinmayotganligi” [11] ga haqli ravishda e'tibor qaratadilar.

Jinoyatning subyektiv tomoni aybdorning o'z harakatlari va ularning oqibatlariga qasd yoki ehtiyotsizlik ko'rinishidagi ruhiy munosabatini aks ettiradi. Bundan tashqari, jinoyatning subyektiv tomoni jinoiy faoliyatning motivi va maqsadini, aybdorning ruhiy holati (darg'azabligi, bosiqliqi va sh.k.) ni o'z ichiga oladi. Jinoyatning subyektiv tomoni jinoyat tarkibining elementi sifatida aybdorning ruhiy faoliyatini, ayb shaklini tavsiflovchi belgilarni qamrab oladi. Ayb – bu shaxsning o'zi sodir etgan ijtimoiy xavfli qilmish va uning oqibatlariga qasd yoki ehtiyotsizlik ko'rinishidagi ruhiy munosabati.

Jinoyat huquqi fanida voyaga yetmaganlarni o'z joniga qasd qilishning subyektiv tomoni to'g'risidagi masala bahslidir. Ayrim olimlar u aybning har qanday shakli bilan tavsiflanishi mumkin, deb hisoblaydilar [12]. Ba'zi bir mualliflar fikriga ko'ra, jinoyat to'g'ri qasd bilan sodir etilishi ham, egri qasd bilan ham sodir etilishi ham mumkin [13]. Yana bir guruh olimlar jinoiy qilmish ehtiyotsizlik orqasida sodir etilishi ham, egri qasd bilan sodir etilishi ham mumkin, degan fikrni isbotlashga harakat qiladilar [14].

Bu boradagi o'zbek olimlarining fikrlarini o'rganadigan bo'lsak, ularning ko'pchiligi o'zini o'zi o'ldirish darajasiga yetkazish egri qasd yoki ehtiyotsizlikdan sodir etilishini ta'kidlaydilar [15].

Ma'lumki, shaxs o'z tazyiqi ostida jabrlanuvchi azob chekayotganini tusmol qilgan hollarda ham u baribir o'z harakatlarini to'g'ri qasd bilan sodir etadi. Agar bunda aybdor shu tariqa u o'zga shaxsga azob berayotganini anglagan bo'lsa, u o'z qurboniga rahmi kelgan yoki kelmagani ahamiyatga ega emas. Bu yerda to'g'ri qasd mavjudligi aniq. Ayni holda iroda omili ham kuzatiladi, chunki u mazkur harakatlarni sodir etishni xohlaydi va sodir etadi. Bu esa ayni holda to'g'ri qasd mavjudligini anglatadi.

Amalda aybdorning harakatlarida to'g'ri qasdning mavjudligi ishning obyektiv va subyektiv holatlarini o'rganish hamda aybdorning harakatlarini tahlil qilish yo'li bilan aniqlanadi.

Shu sababli, agar jinoyatchi o'z qurboniga uni qiynash uchun emas, balki kayfiyatining yomonligi tufayli azob bergan bo'lsa, baribir u shafqatsiz qilmish sodir etmoqchi bo'lgan, demak, to'g'ri qasd bilan ish ko'rgan, deb aytish mumkin. Rahmsiz muomala qilishning tur xili sifatida, insonning sha'ni va qadr-qimmatini kamsitish ham to'g'ri qasd bilan sodir etilishi mumkin.

Jabrlanuvchini o'zini o'zi o'ldirish darajasiga yetkazish borasidagi harakatlar aybdor tomonidan qasddan sodir etiladi, degan nuqtai nazar tarafdorlarining bir qismi bunda mazkur harakatlarning oqibatlariga nisbatan ehtiyotsizlik mavjud bo'lishi mumkin emas, deb hisoblaydi. Aybdor jabrlanuvchini o'zini o'zi o'ldirishga qonunda ko'rsatilgan usulda da'vat etayotganini anglaydi, u o'zini o'zi o'ldirishi mumkinligi yoki buning muqarrarligiga ko'zi yetadi va o'z joniga suiqasd qiluvchining o'limi ko'rinishida oqibatlar kelib chiqishini istaydi (to'g'ri qasd) yoki bunga ongli ravishda yo'l qo'yadi yoxud bunday oqibatlarga befarq qaraydi (egri qasd).

Yuqorida zikr etilgan nuqtai nazar tarafdorlarining boshqa bir qismi to'g'ri va egri qasd ham, yengiltaklik va beparvolik ham, ya'ni ehtiyotsizlik shaklidagi ayb ikkala turining istalgan biri mavjud bo'lishi mumkin, deb hisoblaydi [16]. Bu yerda shuni qayd etib o'tish lozimki, jabrlanuvchi o'zini o'zi o'ldirishi mumkinligiga ko'zi yetganlik unga rahmsiz muomala qilinishi yoki uning sha'ni va qadr-qimmatini kamsitilishi natijasida albatta jabrlanuvchining o'limi kelib chiqishiga ko'zi yetganlikni anglatmaydi.

Zero o'zini o'zi o'ldirishda o'lim darhol emas, balki o'z joniga suiqasd qiluvchi o'zini o'zi o'ldirishga qaratilgan harakatlarni bajarish jarayoni yakunlanganidan so'ng yuz beradigan natijadir. Ayni shu sababli O'zR JKning 103-moddasida o'zini o'zi o'ldirish darajasiga yetkazish sodir etilganida yuz berishi mumkin bo'lgan ikki xil oqibat: o'zini o'zi o'ldirish – o'zini hayotdan mahrum qilish va o'zini o'zi o'ldirishga suiqasd qilish – jabrlanuvchi o'limining mavjud emasligi ko'rsatilgan. Shu bois aybdordan jabrlanuvchining o'limini oldindan ko'ra bilishni talab qilish mumkin emas.

Yuqorida bayon etilganlar N.N. Yarmishning [17] o'zini o'zi o'ldirish darajasiga yetkazishga tatbiqan aybdorning jabrlanuvchiga rahmsiz muomala qilish, uning sha'ni va qadr-qimmatini kamsitish oqibatlarini oldindan ko'ra bilish majburiyati prezumpsiyalanishi lozim, degan fikrini o'rinli deb topish imkonini beradi. Ayni holda gap balog'at yoshiga to'lgan aqli raso subyekt haqida boradi.

Tahlil qilinayotgan sohada qonunni qo'llash amaliyoti va tegishli adabiyotlarni o'rganish ba'zan jismoniy va ruhiy zo'rlikdan jabrlanganlar o'zlarini kamsitgan, o'zlari bilan rahmsiz muomala qilgan shaxslarga o'z joniga qasd qilish niyatini bildirganlarini ko'rsatadi.

Sodir etilgan o'zini o'zi o'ldirishdan oldin jabrlanuvchi ko'p karra o'z joniga suiqasd qilishga uringan hollarga misollar hayotda ancha ko'p uchraydi [18].

Ulardan xabardorlik, bizningcha, aybdor o'z joniga suiqasd qilishga urinishlar takrorlanishi mumkinligini oldindan ko'ra bilganini tasdiqlaydi, lekin bu aybdor mazkur urinishlarning oqibatlariga ham ko'zi yetganini anglatmaydi. Shu sababli, agar jabrlanuvchi ilgari o'z joniga suiqasd qilishga uringani ayblanuvchiga ma'lum bo'lgan bo'lsa, uning takrorlanishiga ko'zi yetmaganlik haqida gapirish o'rinsiz va beparvolik ayni holda istisno etiladi.

Albatta, beparvolik jabrlanuvchi ro'lida “hayotda o'zi uchun ko'ngilsiz va nomaqbul bo'lgan vaziyatlarni ko'ngliga ayniqsa qattiq oluvchi ta'sirchan” odam amal qilgan holda ham mavjud bo'ladi, deb aytish mumkin. Bizningcha, bunday hollarda o'zini o'zi o'ldirish darajasiga yetkazish haqida faqat jabrlanuvchi ruhiyatining ko'rsatilgan xususiyatlarini unga rahmsiz muomala qilgan va uning sha'ni va qadr-qimmatini kamsitgan shaxs anglagan taqdirdagina so'z yuritish mumkin. Agar ko'rsatilgan shaxs buni anglagan bo'lmasa, beparvolik mavjud bo'lishi mumkin.

Voyaga yetmaganlarni o'z joniga qasd qilishda jinoiy oqibatlarga nisbatan beparvolik ayb ehtiyotsizlik shaklining bir turi sifatida ko'pgina olimlar tomonidan tan olinadi. Bunda ular, odatda, oqibatlarga nisbatan ehtiyotsizlikning boshqa bir turi – o'z-o'ziga ishonish bo'lishi mumkinligini rad etadilar.

Demak, to'g'ri qasd bilan o'zini o'zi o'ldirish darajasiga yetkazish odam o'ldirishga aylanishi mumkin emas, degan fikr to'g'ri. Umuman, "hech qanday subyektiv munosabat o'z holicha elementlarning mazkur konfiguratsiyasidan iborat qilmishni boshqa konfiguratsiyali qilmishga aylantira olmaydi" [19].

Aybning qasd shakli nuqtai nazaridan, amalda biz tahlil qilinayotgan jinoyat ko'pincha egri qasd bilan sodir etiladi. Bunda shaxs o'z harakatlari bilan jabrlanuvchini o'z joniga suiqasd qilishga da'vat etayotganini anglaydi, u o'z joniga suiqasd qilishi yoki suiqasd qilishga qasd etishi mumkinligiga ko'zi yetadi, bunday voqea yuz berishini istamaydi, lekin uning yuz berishiga ongli ravishda yo'l qo'yadi yoki bunga befarq qaraydi.

To'g'ri qasd bilan ish ko'rilganda aybdor jabrlanuvchiga rahmsiz muomala qilish yoki uning sha'ni va qadr-qimmatini muttasil ravishda kamsitish yo'li bilan unga ta'sir o'tkazar ekan, u o'zini o'zi o'ldirishi mumkinligi yoki buning muqarrar ekanligiga ko'zi yetadi va ayni shu natija yuz berishini istaydi. Adabiyotlarda ilgari surilgan jinoyatni bunday hollarda qasddan odam o'ldirishga doir moddalar bo'yicha kvalifikatsiya qilish haqidagi takliflar qonunga muvofiq emas va jinoyat-huquqiy ta'limot nuqtayi nazaridan tanqidga dosh bermaydi.

Mazkur qilmishni bunday kvalifikatsiya qilish mumkinligini asoslashga harakat qiluvchi mualliflar bunda ko'pincha jinoyat huquqida voyaga yetmaganlarga va o'z harakatlarining ahamiyatini anglash va tushunishga yoki ularni boshqarishga qodir emasligi ayon bo'lgan shaxslarga nisbatangina qo'llanilishi mumkin bo'lgan bilvosita ziyon yetkazish institutiga ishora qiladilar.

Ularni o'zini o'zi o'ldirishga og'dirish chindan ham og'diruvchi odam o'ldirish uchun javobgarlikka tortilishiga sabab bo'lishi lozim. Qolgan hollarda jabrlanuvchi ong va irodaga ega bo'lgani va pirovard natijada o'zini o'zi hayotdan mahrum etgani tufayli, aybdorning xulq-atvori odam o'ldirish sifatida baholanishi mumkin emas.

Motiv va maqsad o'zini o'zi o'ldirish darajasiga yetkazish jinoyat tarkibi subyektiv tomonining muqarrar belgilari hisoblanmaydi.

Ba'zida o'zini o'zi o'ldirish darajasiga yetkazishga o'xshash, aslida odam o'ldirish jinoyatlar ham uchrab turadi. Masalan, shaxs jismoniy yoki ruhiy zo'rovonlik oqibatida o'zini o'zi o'ldirishi yoki o'z joniga qasd qilishi mumkin. Bunday hollarda jabrlanuvchining o'z joniga qasd qilishda aybdorning harakatida to'g'ri qasd mavjud bo'lsa, bu odam o'ldirish yoki unga qasd qilish sifatida kvalifikatsiya qilinishi lozim.

6. Abduqodirov Sh.Yo. Qonunga xilof tadbirkorlik bilan bog'liq jinoyatlar uchun javobgarlik muammolari (jinoyat-huquqiy va kriminologik jihatlar). Yuridik fanlar nomzodi ilmiy darajasini olish uchun yozilgan dissertatsiya. – Toshkent: TDYUI, 2006. –79 b.

7. Musayev M. O'zini o'zi o'ldirish darajasiga yetkazishni tergov qilish. – Toshkent: Alisher Navoiy nomidagi O'zbekiston Milliy kutubxonasi nashriyoti, 2007. – 76 b.; O'zbekiston Respublikasining Jinoyat kodeksiga sharhlar. – Toshkent: Adolat, 1997. – B. 139.

8. M.H.Rustamboyev. O'zbekiston Respublikasining Jinoyat kodeksiga sharhlar (Maxsus qism) J.2. – Toshkent: Yuridik adabiyotlar publish, 2024. – 64 b.

9. Уголовное право России. Общая часть / Под ред. Н.Ф.Кузнецовой и И.М.Тяжковой. – М.: Зерцало, 2005. – 246 с.

10. Уголовное право. Часть общая. Часть Особенная. Учебник. / Под ред. Н.И.Ветрова, Ю.И.Ляпунова. – М.: Юриспруденция, 2007. – 103 с.

11. Забарнук Е., Соктаев З. Деятельное раскаяние – покаяние в содеянном? // Законность. №7, 2007. – С. 47-48.

12. Уголовное право России. Часть Особенная / Отв. ред. Б.В.Здравомыслов. – М.: Юрист, 1999. –С. 64.

13. Красиков А.Н. Преступления против права человека на жизнь. – Саратов, 1999. – С.160.; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. А.А.Чекалин. – М.: Юрид. издат, 2004. – 281 с.

14. Бородин С.В. Преступление против жизни. – М.: Юрист, 1990. – С.252.; Уголовное право России. Часть Особенная. Учебник для вузов / Отв. ред. Л.Л.Кругликов. 2-е изд. Изд. перераб. и доп. – М.: Валтерс Клувер, 2004. – 52 с.

15. Rustamboyev M.H. O'zbekiston Respublikasi Jinoyat kodeksiga sharhlar. Maxsus qism. – Toshkent: Ilm-ziyo, 2006.; Kadirov M. Ugolovnoye pravo Respubliki Uzbekistan. – Tashkent: Adolat, 1997.; Taxirov F. Shaxsga qarshi jinoyatlar va ularning yuridik tahlili. – Toshkent: Yangi asr avlodi, 2001.; O'zbekiston Respublikasining Jinoyat kodeksiga sharhlar. – Toshkent: Adolat, 1997. – B. 139.; Musayev M. O'zini o'zi o'ldirish darajasiga yetkazishni tergov qilish. – Toshkent: Alisher Navoiy nomidagi O'zbekiston Milliy kutubxonasi nashriyoti, 2007. – B. 8.

16. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под общей ред. В.М.Лебедева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2004. – С.277.

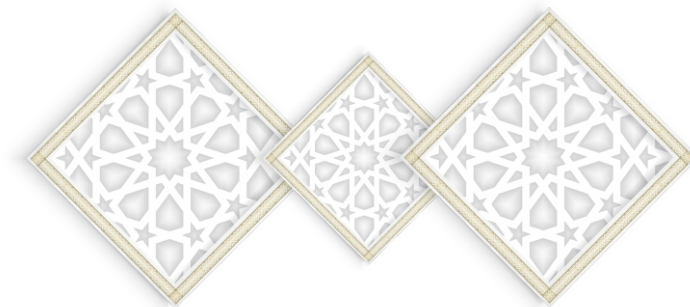
17. Ярмыш Н.Н. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: Дис. ...канд. юрид. наук. – Харьков, 1992. – С.174.

18. Эльмурзаев Д.И. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – С.109.

19. Эльмурзаев Д.И. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – С.117.

Foydalanilgan manbalar

1. Около миллиона человек в мире ежегодно кончают жизнь самоубийством. ria.ru/society/20080131/98082091.html.
2. Самоубийства в Центральной Азии (инфографика). <https://caa-network.org/file:///Network.html>.
3. <file:///C:/Users/HP/Downloads/17.%D0%A5%D0%A3%D2%9A%D0%A3%D2%9A%D0%91%D0%A3%D0%97%D0%90%D0%A0%D0%9B%D0%98%D0%9A.pdf>
4. Уголовное право России. Общая часть / Под ред. Н.Ф.Кузнецовой и И.М.Тяжковой. – М.: Зерцало, 2005. – 213 с.
5. Уголовное право. Часть общая. Часть Особенная. Учебник. / Под ред. Н.И.Ветрова, Ю.И.Ляпунова. – М.: Юриспруденция, 2007. – 121 с.

Андрей Владимирович Майоров
доктор юридических наук, доцент
Уральский государственный юридический университет
Екатеринбург, РФ

Doctor of Law, Associate Professor
Ural State Law University, Ekaterinburg, Russia

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА СИСТЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

*Victimological Expertise of the Criminal Justice System
(Review of UN Recommendations)*

Аннотация. В работе дается понятие и рассматривается содержание методики виктимологической экспертизы системы уголовного правосудия. Основываясь на концепции виктимологического противодействия преступности, автор предлагает, за счет познаний в области науки изучающей жертв преступлений расширить границы исследования и оценки системы уголовного правосудия основываясь на критериях удовлетворенности потребностей потерпевших от преступлений. Необходимость проведения оценки системы уголовного правосудия вызвана рекомендациями Организации Объединенных Наций, разработанных для обследования уровня виктимизации в обществе и определения уровня удовлетворенности потребностей потерпевших от преступлений, с целью изучения эффективности национальных и региональных систем правосудия. Представлена методика проведения виктимологической экспертизы системы уголовного правосудия.

Ключевые слова: виктимология, виктимность, виктимологические исследования, виктимизация, защита жертв преступлений, потерпевший, потребность потерпевших, жертва преступления, виктимологическая экспертиза, система правосудия.

Abstract. This paper defines and examines the methodology for victimological assessment of the criminal justice system. Building on the concept of victimological counteraction to crime, the author proposes, through insights from the field of crime victim studies, to expand the scope of research and evaluation of the criminal justice system based on criteria for satisfying the needs of crime victims. The need to assess the criminal justice system stems from United Nations recommendations developed to survey the level of victimization in society and determine the level of satisfaction of crime victims' needs, with the aim of assessing the effectiveness of national and regional justice systems. This paper presents a methodology for conducting victimological assessment of the criminal justice system.

Keywords: Victimology, victimization, victimological research, victimization, protection of crime victims, victim, needs of victims, victim of crime, victimological examination, justice system.

Экспертная деятельность представляет собой одно из направлений исследований для получения ответов на вопросы, требующие специальных познаний в различных областях знаний и которые может дать специалист, обладающий соответствующими знаниями. Среди существующего множества видов экспертиз, которые регламентированы действующим законодательством и нормативными правовыми актами, отсутствует на наш взгляд самая основная экспертиза, имеющая цель выявления

эффективности уголовного правосудия с позиции жертвы преступления. Ведь жертва преступления является одной из ключевых фигур (неотъемлемой частью) в системе правосудия. Во многих системах уголовного правосудия о жертве преступления зачастую не уделяется должного внимания. Не всегда доступно потерпевшим полномасштабное участие в принятии решений, касающихся их самих же, они не получают необходимую помощь, поддержку и защиту. Возмещение вреда потерпевшим, как правило, оказывается недостаточным и поступает со значительной задержкой, либо они не могут получить компенсацию за вред, причиненный в результате виктимизации.

Для разрешения этой проблемы в Организации Объединенных Наций (далее – ООН) разработали рекомендации по оценки системы уголовного правосудия, использование которых позволяет осуществить оценку системы уголовного правосудия как на национальном, так и на региональном уровне¹.

Виктимологическая экспертиза системы уголовного правосудия – это проводимое экспертом (лицом обладающим специальными познаниями) исследование, направленное на диагностику состояния удовлетворенности потребностей жертв преступлений, установление достоверной информации о предотвращении виктимизации, предоставлении защиты и помощи потерпевшим, обеспечении доступа к судебным и другим правовым механизмам возмещения причиненного вреда [5, с. 379]. Виктимологическая экспертиза системы уголовного правосудия позволяет выявить слабые стороны этой системы и воздействовать на них с целью снижения виктимизации в обществе, обеспечения реализации прав потерпевших и защиты жертв преступлений. Однако в доктрине мало что известно о методике такого рода экспертизы. Большинство исследований, связанных с изучением системы уголовного правосудия, проводимых в стране, ориентированы на полицию, судебную систему и правонарушителей. О проблеме исследования системы уголовного правосудия в виктимологическом контексте известны лишь отдельные труды, посвященные изучению роли потерпевшего в уголовном процессе [См.: 1; 2; 3; 4].

Говоря об эффективности системы уголовного правосудия необходимо отметить, что ее оценка не может быть полной без тщательного изучения вопросов: какое обращение с потерпевшими предусматривает эта система; как осуществляется доступ потерпевших к эффективным механизмам возмещения нанесенного им вреда; а также в каком объеме потерпевшие могут получить помощь, защиту и поддержку, в которых они нуждаются. Стоит отметить, что каждый элемент системы уголовного правосудия на основе общих принципов вступает в контакт с потерпевшими, либо принимает решения, имеющие последствия для них, в зависимости от характеристики потерпевших или характера преступления.

Закрепление статуса потерпевшего для жертвы преступления, влечет за собой целый ряд прав в ходе судебного разбирательства. Жертвы преступлений во многих странах чувствуют себя повторно виктимизированными, не удовлетворены осуществлением коммуникации между жертвой и обвиняемым на различных стадиях судебной процедуры, уязвимы перед системой компенсации причиненного вреда и получили должного сострадания и поддержки, а также не чувствуют восстановления справедливости.

Возникают вопросы, в чем же заключается успех реализации системы уголовного правосудия? И каковы критерии оценки эффективности системы уголовного правосудия с позиции потерпевшего (жертвы преступления)? Ответ на эти вопросы мы можем найти в

¹ Общие вопросы. Потерпевшие и свидетели: пособие по оценке системы уголовного правосудия. ООН, Нью-Йорк. 2010. 27 с. //URL: https://www.unodc.org/pdf/criminal_justice/10-52547_4_Cross-cutting_3_ebook.pdf (дата обращения: 30.10.2025).

положениях, изложенных в документах по оценке системы уголовного правосудия, разработанные ООН в 2004, 2010 г.г.². Предлагаемые положения не в полной мере обеспечивают детальную оценку положения жертв преступлений в отдельно взятой стране, однако они могут быть полезны при проведении общей оценки системы уголовного правосудия, позволяя определить эффективность различных элементов этой системы, а также выявить проблемы, с которыми сталкиваются потерпевшие.

Методика проведения виктимологической экспертизы системы уголовного правосудия представляет собой последовательную систему научно обоснованных методов, приемов и средств для решения экспертных задач. Виктимологическая экспертиза предполагает проведение трех этапов: подготовка и оценка объекта, сбор и анализ полученных данных, формирование выводов и оформление результатов.

Первый этап включает в себя следующие элементы:

1) определение задачи проведения виктимологической экспертизы системы уголовного правосудия;

2) сбор материалов и определение методов виктимологической экспертиз;

3) анализ и составление правовой база системы уголовного правосудия.

Второй этап предполагает проведение исследования по направлениям:

1) оценки доступа к правосудию;

2) степень взаимодействия потерпевшего и правоохранительных органов;

3) определение роли потерпевших в системе правосудия;

4) какова защищенность потерпевших;

5) вопросы реституции и компенсации потерпевшим от преступлений;

6) оказание помощи жертвам преступлений.

Заключительный этап имеет особое значение при формировании выводов и оценке результатов, т.к. предполагает:

1) разработку рекомендаций;

2) составление заключения.

Так, на первом этапе, для оценки действующих в стране механизмов обращения с жертвами преступлений, защиты их прав и реагирования на их потребности, необходимо провести предварительный анализ существующих потребностей жертв и имеющихся ресурсов системы правосудия. Согласно рекомендации, разработанных ООН, с целью такой оценки эксперт, осуществляющий исследование должен определить:

1) уровень виктимизации в зависимости от типа преступления;

2) преобладающие схемы виктимизации и общие характеристики жертв преступлений;

3) потребности потерпевших в рамках юрисдикции и порядке их удовлетворения, включая потребности конкретных групп потерпевших (например, дети, иностранцы, женщины – жертвы насилия и т. д.);

4) доступность имеющихся ресурсов для удовлетворения этих потребностей и потенциал существующих органов для эффективного обеспечения защиты жертв преступлений и предоставления им помощи;

5) какие политические стратегии, процедуры и законы, касающиеся потерпевших, в настоящее время действуют в стране;

6) каким образом – в рамках каждой составляющей системы уголовного правосудия – на потерпевших воздействуют виды существующих процессуальных норм и каковы пути их совершенствования;

7) какой обеспечен для потерпевших доступ к различным формам компенсации, и при каких условиях;

8) какое обращение применяется к жертвам и какими ресурсами и средствами доступа к возмещению вреда они располагают;

9) какие формы технической помощи были бы наиболее целесообразны для улучшения положения жертв преступлений³.

Источниками получения статистических данных, о жертвах преступлений в стране могут служить следующие документы:

1) статистика преступности;

2) ежегодные сборники судебных решений;

3) доклады Министерства юстиции;

4) доклады Министерства внутренних дел о преступности, отчеты пенитенциарной системы;

5) некоторые статистические данные в области здравоохранения;

6) доклады неправительственных организаций о положении потерпевших;

7) материалы исследований, проводимых научными учреждениями.

Источниками получения информации о правовой и нормативной базе защиты прав потерпевших могут быть:

1) Законы, указы и постановления, а также принятые на их основе нормативные акты.

2) Правительственные программные документы, регламенты, указы и т.д.

3) Правительственные законодательные акты или постановления, учреждающие конкретные программы для жертв и свидетелей преступлений.

4) Законодательные акты, касающиеся конкретных форм виктимизации (например, жестокое обращение с детьми, сексуальная эксплуатация детей, насилие в отношении женщин и т. д.), законодательные акты в области защиты детей, семейное право, законы об иммиграции, гражданстве и защите беженцев; различные аспекты гражданского права (вещное право, договорное право, закон об ответственности, закон о банкротстве).

На втором этапе проведения исследования общую картину виктимологического анализа могут составить основные факторы, снижающие уровень виктимизации для потерпевших. Для этого необходимы ответы на следующие вопросы:

1) Насколько справедливое и сострадательное обращение с потерпевшими обеспечивают различные составляющие системы уголовного правосудия?

2) Получают ли потерпевшие надлежащую защиту?

3) Имеют ли потерпевшие доступ к компенсации, в частности реституции?

4) Имеют ли потерпевшие доступ к компенсации, обеспечиваемой государством?

5) Получают ли потерпевшие достаточную помощь, необходимую для преодоления последствий виктимизации, которой они подверглись?

² Руководство по разработке системы статистических данных в области уголовного правосудия. Методологические исследования. Серия F, N 89. ООН, Нью-Йорк, 2004. 160 с. // URL: https://unstats.un.org/unsd/publication/SeriesF/SeriesF_89R.pdf (дата обращения: 20.09.2021); Общие вопросы. Потерпевшие и свидетели: пособие по оценке системы уголовного правосудия. ООН, Нью-Йорк. 2010. 27 с. // URL: https://www.unodc.org/pdf/criminal_justice/10-52547_4_Cross-cutting_3_ebook.pdf (дата обращения: 20.09.2021). Manual on Victimization Surveys. UN, Geneva, 2010. 219 p. // URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/Crime-statistics/Manual_on_Victimization_surveys_2009_web.pdf. (дата обращения: 20.09.2021).

³ Общие вопросы. Потерпевшие и свидетели: пособие по оценке системы уголовного правосудия. ООН, Нью-Йорк. 2010. 27 с. // URL: https://www.unodc.org/pdf/criminal_justice/10-52547_4_Cross-cutting_3_ebook.pdf (дата обращения: 30.10.2025).

Однако следует обратить внимание на то, что некоторые из этих вопросов могут рассматриваться лишь в определенных частях страны, решаться только в интересах определенного типа потерпевших, или же ограничиваться определенными обстоятельствами дела. Следует также учитывать и то, что отдельные группы потерпевших (например дети, женщины, инвалиды), характеризуются особыми потребностями, которым необходимо уделять особое внимание.

Необходимость обеспечения прав потерпевших в рамках всей системы правосудия принимает форму ряда конкретных обязанностей, возложенных на каждый элемент составляющий эту системы. Оценка способности системы правосудия должна включать анализ масштабов предпринятых каждым из ее элементов эффективных мер реагирования на потребности потерпевших. Как правило первым органом, в который обращаются жертвы преступлений, является полиция. Этот контакт является ключевым для потерпевших, т.к. может повлиять на их виктимность и последствия виктимизации. Совершенствование мер реагирования полиции на потребности потерпевших, как правило, зависит от принятия внутренних стратегий и руководящих принципов, разработки протоколов межведомственного сотрудничества, эффективной профессиональной подготовки сотрудников и предоставления им ряда практических инструментов для применения эффективных мер содействия жертвам преступления. Оценка деятельности полиции по учету потребностей жертв преступлений, может включать следующие вопросы:

- 1) Существуют ли процедуры, обеспечивающие удовлетворение потребностей потерпевших в отношении безопасности и предотвращения их дальнейшей виктимизации?
- 2) Способны ли сотрудники полиции своевременно реагировать на просьбы потерпевших и свидетелей о предоставлении защиты или помощи?
- 3) Проходят ли сотрудники полиции какую-либо общую профессиональную подготовку по вопросам потребностей и проблем жертв преступлений, а также прав потерпевших?
- 4) Создавались ли специальные полицейские отряды в целях более эффективного противодействия определенным типам виктимизации (например, жестокое обращение с детьми, насилие в семье, торговля людьми и т. д.)?
- 5) Могут ли сотрудники полиции направлять потерпевших в службы помощи потерпевшим?
- 6) Предоставляют ли сотрудники полиции жертвам преступлений информацию об их правах и потенциальной возможности получения компенсации или возмещения убытков?
- 7) Способны ли сотрудники полиции обеспечить защиту и помощь потерпевшим, говорящим не на родном языке и т. д.?

В системе уголовного правосудия предусмотрен государственный обвинитель, на которого возлагаются обязанности по защите прав потерпевших – участников уголовного преследования. Роль прокурора в уголовных делах уникальна тем, что они выступают от имени государства, а не конкретной жертвы преступления. Существует ряд мер, которые могут принимать обвинители в целях защиты прав потерпевших, их оценка зависит от решения ряда вопросов:

- 1) Каким образом органы прокуратуры обеспечивают реагирование на потребности и беспокойство потерпевших и свидетелей, в особенности уязвимых лиц (детей, жертв насилия в семье, жертв сексуальных преступлений)?
- 2) Проходят ли лица, осуществляющие судебное преследование, профессиональную подготовку по вопросам потребностей, беспокойства и прав потерпевших и свидетелей?
- 3) Существует ли программа помощи для потерпевших/свидетелей с участием обвинителя?

4) Имеется ли какая-либо информация о степени удовлетворенности потерпевших/свидетелей их взаимодействием с органами прокуратуры?

5) Имеют ли органы прокуратуры доступ к службам и программам защиты потерпевших?

6) Предоставляют ли обвинители помощь потерпевшим при обращении последних по вопросу о получении реституции и своевременного возврата принадлежащего им имущества?

7) Как прокуратура обеспечивает постоянное информирование потерпевших о состоянии дел, включая решения относительно возбуждения дела, вынесение решений и приговоров?

Системы уголовного правосудия предусматривают различные уровни и формы участия потерпевших в уголовном судопроизводстве. Однако в большинстве случаев эта роль минимальна. Оценку эффективности деятельности суда по учету потребностей потерпевших эксперт может дать на основании полученных ответов на ряд вопросов, среди которых рекомендуется учесть:

1) Проходят ли члены судейского корпуса подготовку по вопросам потребностей, беспокойства и прав потерпевших, а также относительно своих обязанностей в отношении защиты потерпевших/свидетелей?

2) Учитываются ли особые потребности лиц, относящихся к уязвимым группам (например, женщин, детей, жертв сексуального насилия или насилия в семье), в рамках существующих стратегий, процессуальных норм и услуг?

3) Предусмотрен ли персонал, основной задачей которого является работа с потерпевшими и свидетелями?

4) Получают ли потерпевшие и свидетели информацию о доступных услугах и о мерах защиты, которые могут быть приняты по их просьбе?

5) Может ли суд решить вопрос о применении мер защиты, таких как сохранение анонимности потерпевших/свидетелей, если существует серьезная угроза запугивания со стороны ответчика или угроза физической безопасности?

Доступ потерпевших к правосудию включает необходимость принятия эффективных мер по защите и обеспечению безопасности как самих потерпевших, так и членов их семей. Вопросы, которые помогут эксперту выяснить степень защищенности потерпевших от преступлений, могут быть следующие:

1) Какими мерами располагают суды для защиты жертв преступлений (охранные приказы, приказы о недопустимости контактов, условия освобождения под залог, сопровождение для потерпевших/свидетелей, вспомогательные средства для дачи показаний и т. д.)?

2) Получают ли специалисты профессиональную подготовку в области выявления и пресечения запугивания потерпевших, в особенности детей?

3) Какие предусмотрены меры для обеспечения физической безопасности потерпевших за пределами суда (до и после разбирательства)?

4) Располагает ли полиция специальной программой для предоставления усиленной защиты?

5) Какие предусмотрены меры для защиты потерпевших от запугивания во время разбирательства или во время дачи свидетельских показаний?

6) Существуют ли положения, допускающие защиту судами личной жизни и, в случае необходимости, личности жертв преступлений?

7) Существует ли специальная программа помощи и защиты потерпевших/свидетелей?

8) Имеются ли какие-либо данные, характеризующие уровень доверия граждан к системе уголовного правосудия, полиции, а также способности системы предоставить защиту жертвам преступлений?

9) Какие меры согласно законодательству могут быть приняты в целях защиты личной жизни потерпевших от разглашения информации об их личности средствами массовой информации?

Реституция и компенсация причиненного вреда потерпевшим являются неотъемлемой частью системы уголовного правосудия любой страны. Однако остается важным вопрос о том, насколько эффективно реализуется законодательство в данной сфере. Важными вопросами для оценки эффективности системы правосудия в данном случае являются:

1) Допускают ли законы и нормативно-правовые акты страны назначение реституции в качестве части приговора, либо как вариант наказания, либо в дополнение другим уголовным наказаниям?

2) Имеется ли в стране схема или программа компенсации жертвам?

Оценивая эффективность помощи жертвам преступлений эксперту следует получить ответы на такие вопросов:

1) Проводится ли в стране политика предоставления помощи потерпевшим?

2) Существует ли перечень специализированных учреждений, предоставляющих услуги жертвам преступлений?

3) Осуществляется ли координация деятельности учреждений, предоставляющих помощь потерпевшим (на местном или национальном уровнях)?

4) Могут ли потерпевшие получать помощь в преодолении физических последствий преступления (например, ремонт имущества, восстановление собственности, меры по обеспечению безопасности, доступ к услугам здравоохранения, расходы на захоронение и т.д.)?

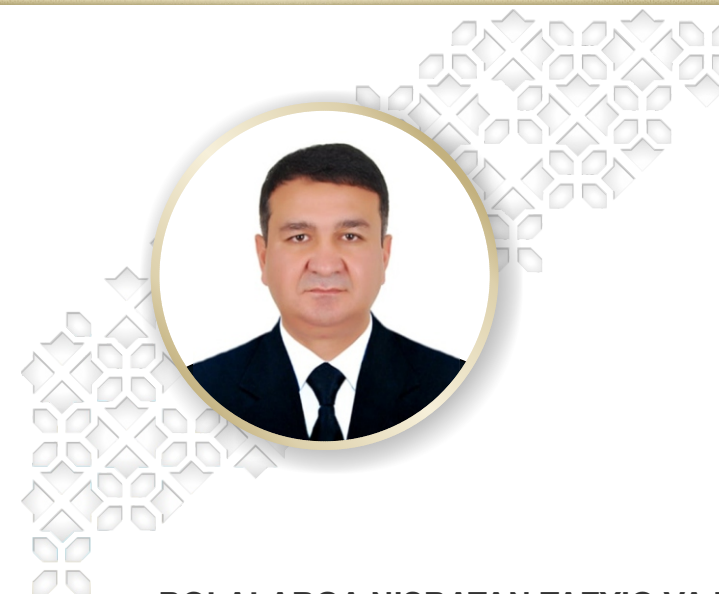
5) Могут ли в целом потерпевшие, которые нуждаются в этом, получать консультативную и рекомендательную помощь для пострадавших в результате виктимизации?

Виктимологическое направление привело к возрождению интереса к жертвам преступлений, и к многочисленным изменениям в том, как система уголовного правосудия реагирует на потерпевших. Однако остается не решенным вопрос: Кто может (должен) выступать экспертом в рамках проведения виктимологической экспертизы системы уголовного правосудия?

Описанная выше оценка системы уголовного правосудия включает в себя не только сбор информации и проведение исследования, но и наличие специальных познаний в области права и виктимологии. Полагаю, что самостоятельность такого вида экспертизы, как виктимологическая экспертиза, обусловлена спецификой ее проведения, а также необходимостью регулярных исследований виктимизации, оценкой уровня удовлетворенности потерпевших результатами взаимодействия с системой уголовного правосудия и ее эффективностью. Результатами виктимологической экспертизы системы уголовного правосудия могут стать рекомендации по совершенствованию уголовной политики в стране и изменению уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Использованные источники

1. Горшкова Г.С. О правовом статусе потерпевшего в уголовном судопроизводстве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. № 3. С. 179–186.
2. Калинин В.Н. Законодательное совершенствование процессуального статуса потерпевшего в уголовном процессе // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 10. С. 232–243.
3. Стуров С.В. О понятии и роли потерпевшего в уголовном процессе // Юристы – Правоведъ. 2009. №1. С. 53–56.
4. Хаиров Ю.И. Некоторые проблемы судебной защиты прав потерпевшего // Вестник экономики, права и социологии. 2007. №3. С. 80–90.
5. Майоров А.В. Виктимологическая экспертиза системы уголовного правосудия (Обзор рекомендаций ООН) // Виктимология. 2021. Т. 8, № 4. С. 370–381.

Otajonov Abrorjon Anvarovich
yuridik fanlar doktori, professor
Toshkent davlat yuridik universiteti

Doctor of Law, Professor
Tashkent State University of Law

BOLALARGA NISBATAN TAZYIQ VA ZO'RAVONLIKLARNING OLDINI OLISH CHORALARINI TAKOMILLASHTIRISH

Improving measures to prevent harassment and violence against children

Annotatsiya. Maqolada bolalarga nisbatan tazyiq va zo'rvonliklarning umumiy xususiyatlari (bolaning viktimgligi, jinoyat qurboni bo'lishi, voyaga yetmagan jabrlanuvchining jinoyat mexanizmidagi o'rni) hamda zo'rvonlikning turlari (jismoniy, jinsiy, ruhiy, beparvolik, ekspluatatsiya va bullying) zamonaviy tahlil qilingan. Jahon va O'zbekistondagi joriy statistika va latentlik darajasi ko'rib chiqilib, mavjud muammolar (idoralararo tarqoqlik, huquqiy savodxonlik darajasi) asoslangan. Tadqiqot natijasida, bolalarni tazyiq va zo'rvonlikdan himoya qilishda viktimgologik profilaktikaning tizimli va idoralararo mexanizmlarini takomillashtirishga qaratilgan aniq, amaliy takliflar ishlab chiqilgan.

Kalit so'zlar: voyaga yetmagan qurbon, tazyiq va zo'rvonlik, viktimglik, viktimgizatsiya, viktimgologik profilaktika, bolalar huquqlarini himoya qilish, idoralararo hamkorlik.

Abstract. The article provides a contemporary analysis of the general characteristics of harassment and violence against children (child's victimhood, becoming a victim of crime, the role of the minor victim in the crime mechanism) and the types of violence (physical, sexual, psychological, neglect, exploitation, and bullying). The current statistics and level of latency in the world and Uzbekistan are reviewed, and existing problems (interagency fragmentation, level of legal literacy) are substantiated. As a result of the research, specific, practical proposals aimed at improving the systemic and interagency mechanisms of victimological prevention in protecting children from harassment and violence have been developed.

Keywords: minor victim, harassment and violence, victimhood, victimization, victimological prevention, protection of children's rights, interagency cooperation.

BMT Bolalar jamg'armasi (YUNISEF) mutaxassislarining hisob-kitoblariga ko'ra, bugungi kunda dunyoda 275 million bola zo'rvonlik qurboni bo'lmoqdalar [1], bu esa muammoning global miqyosdagi favqulodda holat ekanligini tasdiqlaydi. Afsuski, mamlakatimizda ham bu muammo dolzarbligini yo'qotmayapti: har yili o'rtacha 300 nafargacha shaxs oilaviy (maishiy) zo'rvonlik uchun jinoiy va 10 mingga yaqin shaxs ma'muriy javobgarlikka tortilmoqda. Eng achinarlisi, ushbu tazyiq va zo'rvonliklarning 1,5 mingga yaqini bolalarga nisbatan sodir etilmoqda, ularning 500 ga yaqinini jinsiy zo'rvonlik tashkil etadi.

Tadqiqot natijalari shuni ko'rsatadiki, voyaga yetmagan qizlarga nisbatan jinsiy erkinlikka qarshi jinoyatlar, shu turdagi boshqa jinoyatlarga qaraganda (50 foiz holatda) ko'proq voyaga yetgan erkaklar va yoshi kattaroq qarindoshlar tomonidan sodir etiladi. Bundan tashqari, jinsiy zo'rvonlik

qurboni bo'lish xavfi 4 yoshdan 6 yoshgacha keskin oshadi, 7 yoshdan 12 yoshgacha yuqori darajaga yetadi va 16 yoshga qadar eng yuqori darajaga ko'tariladi. Ayni paytda, bolalarga nisbatan zo'ravonliklar maktablarda, oilalarda va tengdoshlar orasida sodir etilishi mumkin. Mamlakatimizda (ma'lum bo'lgan) tazyiq va zo'ravonlik harakatlarining 78 foizi begonalar tomonidan, 14 foiz holatda ota-onalar yoki ularning o'rnini bosuvchi shaxslar, 6 foiz holatda qarindoshlar va 2 foiz holatda ta'lim muassasalari xodimlari tomonidan sodir etilmoqda. Misol uchun, 2023-yilda bolalarga nisbatan 166 ta zo'ravonlik holatlari yaqinlar tomonidan sodir etilgan, natijada bunday zo'ravonliklar oqibatida 22 nafar bola halok bo'lgan. Biroq, ushbu raqamlar bolalarga nisbatan sodir etilayotgan tazyiq va zo'ravonliklarning real holatini ko'rsatmaydi, chunki bunday ijtimoiy xavfli qilmishlarning latentlik darajasi juda yuqori bo'ladi. Sababi, tazyiq va zo'ravonlik qurboni bo'lgan bolalar, odatda, qo'rquv, uyat hissi yoki bo'layotgan holatlarni tushunib yetmasligi bois, bo'lgan voqea haqida hech kimga gapirmaydilar.

Ushbu nuqtai nazardan kelib chiqib, Ye.N.Yershovanning jinsiy yoki jismoniy zo'ravonlik qurboniga aylangan bolalarning bunday xatti-harakatlarni yetarli darajada jinoiy emas deb hisoblashi, oshkoralik va qasosdan qo'rqishi sababli huquqni muhofaza qilish organlariga murojaat qilmasligi haqidagi tahlillari [2] haqiqatga yaqindir. Shu bilan birga, shuni qayd etish lozimki, bolalarning jim turishiga nafaqat shaxsiy qo'rquv, balki jinoiy-huquqiy tizimga bo'lgan ishonchsizlik, qayta viktimizatsiya xavfi (tergov jarayonida takroriy jabrlanish) hamda jamiyatdagi ijtimoiy stigma (oila sha'niga dog' tushirishdan qo'rqish) sabab bo'ladi.

Shuni qayd etish joizki, amaliyotda bolalarga nisbatan tazyiq va zo'ravonliklarning bir qancha turlari farqlanib, ularning zamonaviy sharoitlarda takomillashtirilgan tasnifi: jismoniy zo'ravonlik, jinsiy zo'ravonlik, ruhiy (psixologik) zo'ravonlik, e'tiborsiz qoldirish (g'amxo'rlik qilmaslik), ekspluatatsiya qilish va bulling/kiberbulling kabi turlarda namoyon bo'ladi.

Bunda, jismoniy zo'ravonlik deganda, shafqatsizlik bilan yo'g'rilgan, bolaga og'riq keltiruvchi, uning sog'ligiga va normal rivojlanishiga zarar yetkazuvchi insoniyatga xos bo'lmagan har qanday xatti-harakatlar tushuniladi. Buning yorqin misoli sifatida, YUNISEF so'rovi natijalariga ko'ra, O'zbekistonda 1 yoshdan 14 yoshgacha bo'lgan bolalarning 62 foizi zo'ravonlik bilan tarbiyalash usullariga (ya'ni, jismoniy jazoga) uchraganini keltirish mumkin [3].

Bundan tashqari, ruhiy (psixologik) zo'ravonlik jismoniy zo'rlik ishlatish yoki boshqacha harakatlar bilan azob berish to'g'risida tahdid qilish orqali bolaga salbiy ruhiy ta'sir etishni anglatadi. U, ayniqsa, yolg'on, qo'rqitish, kamsitish, izolyatsiya qilish yoki noijtimoiy xatti-harakatlarga jalb etish kabi ko'rinishlarda namoyon bo'lib, bolaning psixologik tajovuzga uchrashiga olib keladi.

Jinsiy zo'ravonlik – bu voyaga yetmagan bola bilan shahvoniy tarzda jinsiy aloqa qilish yoki kattalarning jinsiy ehtiyojlarini qondirish uchun bolalardan foydalanish kabi eng og'ir ijtimoiy xavfli qilmish. JSST taxminlariga ko'ra, dunyoda qizlarning 20 foizi, o'g'il bolalarning 5–10 foizi bu turdagi tajovuzga duch keladi. O'zbekistonda bu jinoyatlar soni, afsuski, o'sish tendensiyasiga ega (2021-yilda 334 ta, 2022-yilda 395 ta va 2023-yilda 405 ta, 2024-yilda 401 ta), bu bolalarga nisbatan sodir etilgan jami jinoyatlarning 18 foizini tashkil etadi.

Shu bilan birga, e'tiborsiz qoldirish (g'amxo'rlik qilmaslik) bolaning sog'lig'i, jismoniy, aqliy, ma'naviy va axloqiy rivojlanishining jiddiy buzilishiga olib kelishi mumkin bo'lgan asosiy ehtiyojlarini qondirmaslikda namoyon bo'ladi. Misol uchun, 2023-yilda yo'l-transport hodisalari tufayli 263 nafar bolaning halok bo'lishi va 1568 nafarining jarohatlanishi aynan ota-onalarning o'z vazifalariga befarqligi oqibatidir. Qolaversa, ekspluatatsiya bolaning sog'lig'iga, xavfsizligiga, axloqiga, aqliy va jismoniy rivojlanishiga xavf soluvchi, ta'lim olishiga to'sqinlik qiluvchi har qanday shakldagi majburlashlarni (majburiy mehnat, shahvoniy ekspluatatsiya) o'z ichiga oladi. Nihoyat, bulling (jumladan, kiberbulling) esa, muntazam ravishda takrorlanadigan va jabrlanuvchida zo'ravonlikni

to'xtatishiga to'sqinlik qiladigan kuchning nomutanosibligidagi harakatlar sifatida ta'riflanadi va ko'pincha ijtimoiy tarmoqlar orqali sodir bo'ladi.

M. Rustambayev va S. Niyozovanning voyaga yetmaganlar o'zlarining qiziquvchanliklari, ishonuvchanliklari, tez ta'sir ostiga tushishlari, jismoniy kuchsizliklari sababli yuqori viktimlikka egadir [6], degan fikrlari juda asoslidir. Buni qo'llab-quvvatlagan holda, shuni ta'kidlash lozimki, bolalarning viktimligi nafaqat shaxsiy sifatlar, balki yoshga doir "rivojlanish viktimligi" (kritik fikrlashning shakllanmaganligi) bilan ham bog'liq. Shuningdek, ularning "qiziquvchanligi" raqamli muhitda kiberhujumlar va firibgarlik qurboni bo'lish xavfini keskin oshiradi.

Shunga qaramay, bolalarga nisbatan tazyiq va zo'ravonliklarni kompleks oldini olishda bir qator muammolar saqlanib qolmoqda. Xususan:

mavjud idoralararo tarqoqlik va yagona tizimli yondashuvlarning yo'qligi aslida bolalarni himoya qilish milliy tizimining funksional samaradorligi pastligida namoyon bo'ladi;

tazyiq va zo'ravonliklardan jabrlangan bolalarni himoya qilish va rehabilitatsiya qilish bo'yicha qonunchilik normalari va huquqni qo'llash amaliyotining yetarli emasligi qonunchilikdagi "Bola manfaatining ustuvorligi" prinsipining amaliy mexanizmlaridagi nomukammallikka bog'liq;

aholining huquqiy savodxonligining pastligi bilan birga, jamiyatda zo'ravonlikka nisbatan toqatlilik (tolerantlik) madaniyatining yuqoriligi kuzatiladi;

pedagoglar, ijtimoiy, tibbiyot va ichki ishlar organlari xodimlarining jabrlanuvchi bolalar bilan muloqot qilish ko'nikmalarining yetishmasligi interdisiplinar mutaxassislarda maxsus bilim va ko'nikmalarning tizimli yetishmasligini anglatadi.

Mamlakatda oxirgi 3 yilda 2 072 nafar shaxs sudlar tomonidan ota-onalik huquqidan mahrum qilingan bo'lsa-da, shundan atigi 23 nafari bolalarga nisbatan shafqatsiz muomalada bo'lgan [7]. Bundan kelib chiqib aytish mumkinki, ota-onalarni javobgarlikka tortish kabi repressiv chora-tadbirlar ijtimoiy ta'sir ko'rsatish nuqtai nazaridan vaqtinchalik, refleksiv samara beradi, xolos. Shuning uchun mazkur masalada tizimli yondashuv zarur. Aniqroq aytadigan bo'lsak, jazoning muqarrarligini ta'minlash bilan birga, ota-onalik salohiyatini oshirishga qaratilgan preventiv dasturlarni joriy etish lozim.

Binobarin, bolalarga nisbatan tazyiq va zo'ravonlikning oldini olish va bartaraf etishga qaratilgan viktimologik ishlarni rivojlantirish uchun quyidagilarni amalga oshirish zarur:

Birinchidan, maktabgacha va maktab ta'limida "Ijtimoiy-emotsional o'rganish" dasturlarini joriy etish, o'quv rejalarida e'tiborni bola rivojlanishining bosqichlarini hisobga olgan holda zo'ravonlik qurboni bo'lishning oldini olish va undan himoyalaniish ko'nikmalarini shakllantirishga qaratish. Jumladan, kiberxavfsizlikni "Raqamli fuqarolik" dasturi doirasida o'qitish.

Ikkinchidan, zo'ravonlik qurboni bo'lgan bolalarni aniqlashda "Skrining va xavfni baholash"ning yagona milliy standartlarini joriy etish. Ta'lim, sog'liqni saqlash, ijtimoiy xizmatlar, huquqni muhofaza qilish organlari xodimlarining "Qayta viktimizatsiyaning oldini olish"ga qaratilgan maxsus psixologik va yuridik bilimlarini tizimli oshirish.

Uchinchidan, "Bolalarni himoya qilish bo'yicha doimiy milliy insidentlar monitoringi guruhi (Hotline/Task Force)"ni tashkil etish, uning o'zaro hamkorligining yagona tartibi bo'yicha o'qitishni tashkil etish va bunga nodavlat tashkilotlarni jalb etish.

To'rtinchidan, bolalarga nisbatan zo'ravonlik holatlari to'g'risida xabar berishning anonimlik asosidagi raqamlashtirilgan (onlayn) tizimini yaratish. Jabrlangan bolaga psixologik yordamni majburiy ko'rsatgan holda "Surishtiruv tartibi" modelini ishlab chiqish va sinovdan o'tkazish.

Beshinchidan, "pozitiv ota-onalik" va "zo'ravonliksiz tarbiya madaniyati"ni targ'ib qiluvchi doimiy va tizimli milliy kampaniyani yo'lga qo'yish.

Oltinchidan, jinoyatdan jabrlanishga moyil bo'lgan yoki jabrlangan shaxslarni aniqlash, ularning elektron ro'yxatini shakllantirib borish va ularni doimiy ijtimoiy patronaj (elektron kuzatuv)ga olish tizimini yaratish.

Yettinchidan, zo'ravonlik sodir etgan shaxslarga nisbatan jazoning muqarrarligini ta'minlash bilan birga, ularni majburiy psixologik korreksiya va xatti-harakatni o'zgartirish dasturlaridan o'tkazish. Shuningdek, zo'ravonlik holatlari bo'yicha faktlarni yashirish yoki murojaatlarga javob bermaslik holatlarida mansabdor shaxslarning javobgarligi choralarini tubdan kuchaytirish.

Xulosa qilib aytganda, bolalarga nisbatan zo'ravonlik muammosiga qarshi kurash faqatgina huquqiy yoki repressiv choralar bilan cheklanmasligi lozim. 2021–2025-yillardagi jinoyatlarning o'sish tendensiyasini hisobga olgan holda, sodir etilayotgan zo'ravonlikning haqiqiy kamayishiga erishish uchun jazolashdan ko'ra, profilaktika va rehabilitatsiyaga ustuvorlik berish (repressiv choralardan preventiv choralarga o'tish) eng muhim tamoyil bo'lishi kerak. Faqatgina tarbiya madaniyatini o'zgartirish, ota-onalik salohiyatini oshirish, “bola-do'stona adolat” tizimini joriy etish va latentlikni keskin kamaytirish orqaligina jamiyatda huquqiy ong va huquqiy madaniyatni yuksaltirish hamda tazyiq va zo'ravonlikka doir murosasizlik muhitini yaratish bo'yicha sa'y-harakatlarni izchil amalga oshirish mumkin.

Foydalanilgan manbalar

1. UNICEF's work is grounded in empirical data, independent evaluation, rigorous research and thoughtful analysis. <https://www.unicef.org/eca/research-and-reports>
2. Домашнее насилие: социально-правовой аспект. Учебно-методическое пособие / под общей редакцией Е.Н.Ершовой, при участии С.Г.Айвазовой. – М., 2013. <http://www.wcons.org.ru>.
3. Bolalarga nisbatan zo'ravonlik mavjudligiga sabab bo'layotgan jamiyatdagi munosabatni o'zgartirmoqchimiz// <https://www.gazeta.uz/uz/2023/10/10/violence/>
4. Алексеева Л.С. Жестокое обращение с детьми: его последствия и предотвращение. – М.: Национальный книжный центр, ИФ «Сентябрь», 2016. – 160 с.
5. Варчук Т.В. Виктимология: Учебное пособие / Т.В. Варчук, К.В. Вишневецкий. – 2 изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ, 2015. – 191 с.
6. Rustambayev M.X., Niyozova S.S. Viktimologiya. Umumiy qism. Darslik. – Toshkent: O'zbekiston Respublikasi Jamoat xavfsizligi universiteti, 2021. – 239b.
7. Oxirgi 3 yilda 2 mingdan ortiq shaxs ota-onalik huquqidan mahrum qilingan // <https://xabar.uz/post/oxirgi-3yilda2mingdan-ortiq-shaxs-ota-onalik-huquq>

Каравеева Юлия Станиславовна
кандидат юридических наук, доцент,
НИУ ВШЭ-Пермь

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
National Research University Higher School of Economics – Perm

РОЛЬ КРИМИНОЛОГИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ОПРЕДЕЛЕНИИ ГРАНИЦ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ: РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

The role of criminology in the legislative definition of the boundaries of criminal behavior: the Russian experience

Аннотация. Генетические взаимосвязи российского уголовного права и криминологии проявляются, в частности, в том, что в рамках последней разработана теория криминализации (декриминализации), выполнение требований которой лежит в основе оценки криминологической обоснованности вновь введенных уголовно-правовых запретов. Анализ законодательной активности в части изменения действующего Уголовного кодекса России за период 2009–октябрь 2025 года, включая обращение к пояснительным запискам, сопровождающим соответствующие законопроекты, а также обращение к результатам правоприменения в части новелл позволяет оценить роль криминологии в законодательном определении границ преступного поведения в России.

Ключевые слова: теория криминализации (декриминализации), уголовное законодательство, правоприменение, Уголовный кодекс Российской Федерации.

Abstract. The genetic interrelationships of Russian criminal law and criminology are manifested, in particular, in the fact that within the framework of the latter, a theory of criminalization (decriminalization) has been developed, the fulfillment of the requirements of which is the basis for assessing the criminological validity of newly introduced criminal law prohibitions. The analysis of legislative activity in terms of amendments to the current Criminal Code of Russia for the period 2009–October 2025, including an appeal to the explanatory notes accompanying the relevant bills, as well as an appeal to the results of law enforcement in terms of novels, allows us to assess the role of criminology in the legislative definition of the boundaries of criminal behavior in Russia.

Keywords: theory of criminalization (decriminalization), criminal lawmaking, law enforcement, Criminal Code of the Russian Federation.

Одна из особенностей российской криминологии как самостоятельного научного направления заключается в ее тесной связи с уголовным правом. Кроме того, что эта связь носит генетический характер, она проявляет себя и в терминологической общности этих наук, и в различных прикладных аспектах. В частности, теория криминализации, разработанная в недрах криминологии, предъявляет ряд требований к законодательному определению границ преступного и не преступного поведения, что получает непосредственное отражение в Особенной части уголовного закона. По большому счету, требование криминологической обоснованности уголовно-правового запрета как

ключевая идея теории криминализации, должно выступать барьером, сдерживающим расширение указанных границ, инициированное властным субъектом. Вместе с тем можно обозначить проблемность реализации данного требования в практике актуального уголовного законодательства в России.

В XIX веке И. Бентам писал, что «... никакой закон не должен быть изменен, никакой обычай уничтожен без какой-нибудь специальной причины. Законодатель должен быть в состоянии указать какую-нибудь положительную выгоду, которая явится результатом изменения» [2]. В современной теории криминализации воплощением этой идеи стало требование криминологической обоснованности инициируемых к введению в закон новых уголовно-правовых запретов.

Криминологическая обоснованность как требование, выдвигаемое на этапе придания тому или иному деянию уголовной противоправности и обращенное к законодателю, связывается с установлением «...соответствующих предпосылок, социальных причин возникновения или изменения уголовно-правовой нормы» [8, С. 206]. Речь идет об обосновании общественной опасности конкретного деяния как основания его криминализации, а также установления ряда условий или критериев, включающих в себя «...экономические, политические, социально-психологические, социально-культурные, криминологические» [15]. К последним при этом относятся: «относительная распространенность деяния; уголовно-политическая адекватность уголовно-правового запрета; возможность воздействия на общественно опасное поведение с помощью уголовно-правового запрета; невозможность воздействия на определенный вид общественно опасного поведения другими, не уголовно-правовыми средствами; наличие в обществе социально-экономических (прежде всего материальных) ресурсов; учет возможностей системы уголовной юстиции; учет соотношения положительных и отрицательных последствий криминализации деяний: допустимость уголовно-правового запрета с точки зрения норм международного права; социальная адекватность криминализации; ее допустимость с точки зрения основных характеристик, существующих процессов общественного развития» [15].

Значимость требования криминологической обоснованности уголовно-правового запрета сложно переоценить, прежде всего, в связи с оценочным характером понятия общественной опасности, положенного законодателем в основу отграничения преступного акта поведения от непроступного (ст. 14 УК РФ).

Невозможно отрицать тот факт, что, действительно, отдельные деяния сопряжены с опасностью для общества, в связи с чем их виновное совершение должно выступать основанием для применения мер ответственности. Опасность таких деяний выражается в причинении ими вреда наиболее ценным благам и общественным отношениям, значимость которых для отдельной личности, всего общества и государства обусловила поставление их под уголовно-правовую охрану. Отсюда вопрос об общественной опасности деяния, в конечном итоге, сводится к вопросу о значимости охраняемой правом социальной ценности, которая в отсутствие фиксированной шкалы или четких критериев измерения воспринимается согласно субъективным представлениям и вполне может быть искажена под влиянием различных факторов – конъюнктуры, ложно понятых интересов службы или вполне себе благих, каких-либо субъективных намерений, поскольку абстрактное понятие «законодатель» применяется к конкретно определенным людям.

В свою очередь, разработка подобного рода шкалы или критериев выглядит задачей из разряда абсурдных, ведущей к заведомо оспоримому результату, что вытекает из самой сущности категории «ценность». По сути, это означает, что вопрос имеет риторический

характер, а единственным вариантом разрешения проблемы определения объективно существующей общественной опасности является отказ от нее как от свойства преступления и основания криминализации. Представляется, что отказ в данном случае приводит к очередному тупику, лишая, помимо прочего, самой возможности критического подхода общественности (включая научную) к уголовному законодательству, ибо, как минимум, именно объективность существующего оставляет хоть какие-то возможности для его познания многими.

Отсюда более правильным, на наш взгляд, выглядит вариант с принятием тезиса об общественной опасности как свойстве деяния, необходимости его установления в целях криминализации и обоснования в рамках законодательной инициативы. В вышедшей в 80-х г.г. прошлого века коллективной работе «Основания уголовно-правового запрета» по поводу возможностей измерения общественной опасности было сказано следующее: «Смысл принципа общественной опасности заключается не в том, чтобы предустановить признаки, свидетельствующие о достаточно высокой общественной опасности любого деяния (что невозможно), а в указании на необходимость каждый раз обсуждать и разрешать весь круг вопросов, связанных с оценкой специфической общественной опасности конкретного вида деяний... Этот принцип особенно важен потому, что он формулирует необходимость начинать исследование правомерности криминализации с проникновения в социальную сущность явления» [8, С. 217].

Представляется, что выполнение требования криминологической обоснованности, сформулированного теорией криминализации (декриминализации) деяний, позволяет обосновать общественную опасность деяния, в перспективе подлежащего законодательному признанию преступным.

С учетом обозначенных выше доктринальных взглядов на основание и условия криминализации представляется, что криминологически обоснованным следует считать тот уголовно-правовой запрет, введению которого предшествовало выявление соответствующих условий и их обсуждение субъектами законодательства. Представляется, что аргументированные выводы участников данного обсуждения об общественной опасности конкретного деяния, его распространенности, адекватности существующим в массиве правовых актов системным связям, прогнозируемым социальным издержкам, включая финансовые, сопоставлении с действующим международным законодательством в его ратифицированной Россией части, существующем зарубежном опыте должны получать отражение, прежде всего, в сопроводительных документах к соответствующему законопроекту.

Согласно п. «а» ст. 105 постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22 января 1998 г. № 2134-II «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», среди прочих сопровождающих законопроект документов при внесении его в Государственную Думу субъектом (субъектами) права законодательной инициативы, должна быть представлена «пояснительная записка к законопроекту, содержащая предмет законодательного регулирования и изложение концепции предлагаемого законопроекта, а также мотивированное обоснование необходимости принятия или одобрения законопроекта» [18]. Мы разделяем позицию авторов, высказывающих предложения по «ужесточению требований к качеству разработки и составления пояснительных записок к законопроектам» [17], поскольку регламентация этого важного документа приведенным положением исчерпывается. Представляется однако, что использованный в документе термин «концепция законопроекта» сам по себе подчеркивает необходимость развернутого обоснования идеи предлагаемых изменений. Так, определяя

концепцию законопроекта как «одну из форм правового осознания действительности», к основным ее элементам В.М. Баранов относит, в том числе, «...доказательства необходимости принятия закона и невозможности урегулирования ситуации иными социальными регуляторами (моральными императивами, деловыми обычаями, корпоративными нормами и т.д.)» [1].

Вместе с тем практика уголовного законотворчества демонстрирует игнорирование субъектом законотворчества теории криминализации для значительной части уголовно-правовых новелл, результатом чего выступает насыщение Уголовного кодекса Российской Федерации криминологически необоснованными запретами.

Так, в одной из своих работ Н.А. Лопашенко приводит данные по ежегодному количеству федеральных законов, опосредующих изменения Уголовного кодекса РФ, начиная с момента его принятия: 1997 г. – 0 федеральных законов; 1998 г. – 2 федеральных закона; 1999 г. – 7; 2000 г. – 0; 2001 г. – 8; 2002 г. – 8; 2003 г. – 7; 2004 г. – 5; 2005 г. – 2; 2006 г. – 4; 2007 г. – 10; 2008 г. – 8; 2009 г. – 13; 2010 г. – 22; 2011 г. – 12; 2012 г. – 14; 2013 г. – 22; 2014 г. – 25; 2015 г. – 15; 2016 г. – 14; 2017 г. – 16; 2018 г. – 19; 2019 г. – 14; 2020 г. – 14; 2021 г. – 15; на 15 ноября 2022 г. – 12 федеральных законов [12]. Отметим, что в 2022 году было принято 15 федеральных законов, внесших изменения в Уголовный кодекс РФ, в 2023 г. – 19, в 2024 г. – 22, а на октябрь 2025 г. – 12.

Как видим, резкий рост темпа уголовного законотворчества наблюдается с 2009 года, поэтому в целях исследования, на наш взгляд, целесообразно ограничиться соответствующим периодом. Так, с 2009 г. по октябрь 2025 г. состоялось 134 акта криминализации¹ или, иными словами, в Особенной части действующего уголовного закона появилось столько же новых деяний, признанных преступными. Интересно, что новые составы преступлений появляются «... в основном за счет выделения специальных составов из общих» [10]. Строго говоря, в таком случае имеет место не криминализация, а дифференциация ответственности, поскольку новелла направлена на запрет деяния, являющегося частным случаем уже признанного преступным поведения – это означает, что и при отсутствии специальной нормы привлечение к ответственности возможно посредством обращения к общей норме.

Состоявшиеся за период 2009-октябрь 2025 г. 134 акта криминализации сопровождало 85 пояснительных записок. Обращение к содержанию данных документов, в первую очередь, позволило нам сделать вывод о том, что законодательное понимание требования обоснованности предлагаемых в уголовный закон новелл является более ограниченным относительно того, что формулируется в доктрине.

Так, анализ массива пояснительных записок показал, что 34 (40 %) из 85 пояснительных записок не содержат вообще никакого обоснования криминализации тех или иных деяний. Обоснование в этих документах заменяется либо лишь констатацией факта введения предлагаемым законопроектом новых составов преступлений [19]; либо изложением текста предлагаемого уголовно-правового запрета [20]; либо указанием на наличие общественной опасности, имеющим характер умозаключения в связи с отсутствием подтверждающих данных [21].

Важным представляется тот факт, что, несмотря на очевидную дефектность законодательной инициативы – как минимум, в части необоснованности предлагаемых нововведений, каждый из законопроектов был принят, а Особенная часть уголовного закона в

результате обогатилась 57 статьями, часть из которых устанавливает ответственность за особо тяжкие деяния (например, ст.ст. 281.1-281.2, 210.1, 361, 205.3 УК РФ).

Возвращаясь к результатам анализа пояснительных записок, отметим, что 20 (24 %) из них содержат такое обоснование, недостаточность которого очевидна, поскольку сводится лишь к одному из аргументов – либо к статистическим данным при отсутствии их анализа [22]; либо к указанию на НПА, принятие которого вызвало необходимость криминализации определенного деяния [23]; либо к отсылке к зарубежному законодательству, содержащему аналогичную норму [24]. Подобного рода пояснительные записки прилагаются к законопроектам, принятие которых опосредовало появление 32 новых уголовно-правовых запретов.

И, наконец, третья группа пояснительных записок 31 (36 %) включает наиболее полную аргументацию, что, казалось бы, позволяет отнести 45 новых уголовно-правовых запрета к вполне себе криминологически обоснованным.

Исходя из указанного, можно резюмировать недостаточное внимание законодателя к вопросу обоснованности предлагаемых инициатив на фоне высоких темпов уголовного законотворчества. В науке этот феномен получил наименование законодательной инфляции, «ключевым признаком» которой является «... не простое увеличение законодательного массива, а именно необоснованное увеличение» [6]. Следствием такого подхода, помимо прочего, выступает насыщение уголовного закона криминологически необоснованными запретами, жизнеспособность и целесообразность которых уже на этапе введения выглядит сомнительной. Представляется, что еще одним следствием подобного подхода к уголовному законотворчеству выступает правоприменительный эффект, отражающий невостребованность новелл правоприменителем.

Постатейный анализ статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о применении новелл Кодекса за период 2009-2024 г.г. показывает, что существенную их часть с полной уверенностью можно отнести к разряду «мертвых» норм, т.е. норм, не востребованных практикой – не применяемых вообще либо применяемых единично [25]. Действительно, 40% от общего числа нововведений за рассматриваемый период составили нормы, не применявшиеся ни разу (17%) и применявшиеся не более 10 раз (23%).

Учитывая, что эффективность уголовно-правового запрета зависит от его социальной и криминологической обусловленности [9], логично, что выявление, обоснование и учет социальной потребности в рамках правотворческой деятельности являются обязательными условиями качества вновь появившегося или измененного уголовно-правового запрета, а значит, и его эффективности. Поддерживая приведенную позицию, мы, вместе с тем, понимаем, что «эффективность уголовного закона заложена не в самом законе, а в практике его применения» [5] – и не согласиться с этим суждением нельзя. Отсюда, с одной стороны, эффективность уголовно-правового запрета предопределяется качеством его формализации, а с другой – иными факторами, влияющими на правоприменение, результаты которого, по всей видимости, необходимо учитывать в целях заключения об эффективности закона, поскольку, согласно Ф. фон Листу, невозможно судить об эффективности уголовного законодательства без данных уголовной статистики [11].

Вне зависимости от степени криминологической обоснованности предположение о необходимости криминализации того или иного деяния, образующее основу инициирования соответствующего законопроекта, подлежит дальнейшей верификации в рамках правоприменения. При этом наиболее очевидный прогноз жизнеспособности вновь введенного уголовно-правового запрета исходит из той логики, что его криминологическая обоснованность, как минимум, повышает вероятность востребованности нормы правоприменителем.

¹ Прим.: во внимание принимались лишь вновь появившиеся статьи уголовного закона, устанавливающие ответственность за то или иное деяние.

Isoqov Hoji-Murod Isroilovich
yuridik fanlar nomzodi, professor
O'zbekiston Respublikasi Odil sudlov akademiyasi
Doctor of Law, Professor
Academy of Justice of the Republic of Uzbekistan

KRIMINOLOGIYANING ODIL SUDLOV SAMARADORLIGIGA TA'SIRI

The Impact of Criminology on the Efficiency of Justice

Annotatsiya. Maqolada O'zbekistonda sud-huquq tizimidagi islohotlar zaminida kriminologiya va odil sudlovning o'zaro bog'liqligi tahlil qilinadi. Muallif muayyan ilmiy-tahliliy mushohadalarga tayanib jinoyatchilikning sabablari va jinoyat sodir etgan shaxsning xatti-harakatlarini o'rganuvchi kriminologiya odil sudlov samaradorligiga ta'sir etuvchi mezon ekanligini asoslab beradi.

Kalit so'zlar: kriminologiya, sud, odil sudlov samaradorligi, jinoyat sodir etgan shaxs, jinoyatchilik, hukm, jazo tayinlash, jazoning muqarrarliligi, jinoyatchilikning oldini olish.

Abstract. This article analyzes the interrelation between criminology and justice within the framework of judicial and legal reforms in Uzbekistan. Based on specific scientific and analytical observations, the author substantiates that criminology, as a discipline that studies the causes of crime and the behavior of offenders, constitutes an essential criterion influencing the effectiveness of justice.

Keywords: criminology, court, effectiveness of justice, offender, crime, verdict, sentencing, inevitability of punishment, crime prevention.

Bugungi kunda mamlakatimizda barcha sohalarda bo'lgani singari sud-huquq sohasida ham jadal islohotlar amalga oshirilmoqda. Ushbu islohotlar jarayonida kriminologiya sohasini rivojlantirish borasida ham bir qator normativ-huquqiy hujjatlar qabul qilindi. O'zbekiston Respublikasi Prezidentining "Kriminologiya sohasida ilmiy-amaliy tadqiqot ishlarini tashkil etish chora-tadbirlari to'g'risida"gi hamda O'zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasining "Kriminologik faoliyatni ilmiy ta'minlash chora-tadbirlari to'g'risida"gi qarorlari shular jumlasidandir.

Kriminologiya – jinoyatchilik hodisasi va qonuniyatlari, uning sabablari va boshqa omillar, jinoyatchi shaxsi va jinoyat sodir etish ehtimoli mavjud bo'lgan huquqbuzarlar, jinoyatchi shaxslarni, shuningdek, jinoyatchilikning oldini olish choralari tizimini o'rganuvchi ijtimoiy, huquqiy fandır¹.

Ayrim tadqiqotchilarning fikriga ko'ra, kriminologiyaning vujudga kelishi 1764-yilda italiyalik 26 yoshli insonparvar, publitsist va yurist Chezare Bekkariyaning "Jinoyatlar va jazolar haqida" degan kichkina, biroq sermazmun kitobi nashr etilishi bilan bog'liq².

Kriminologiya boshqa fanlar bilan ham chambarchas bog'liq. Uni huquq tizimining turli yo'nalishlari bilan bevosita bog'liq holda tahlil qilib chiqishimiz mumkin. Masalan, huquqiy adabiyotlarda keltirilishicha, jinoyat huquqi sotsiologiyasi ma'lumotlaridan kriminologiyada

jinoyatchilikning oldini olish tizimida jinoyat-huquqiy choralarning o'rni va rolini aniqlash uchun foydalaniladi. Shu nuqtai nazardan jinoiy jazo kriminologiya fani o'rganadigan jinoyatchilikning oldini olishning ijtimoiy chora-tadbirlaridan biri sifatida qaraladi. Jinoyat huquqi bilan taqqoslab ko'rganimizda, kriminologiyaning o'zaro aloqadorligi nisbatan kengroq ekanligini ko'ramiz.

Jinoyat protsessi bilan bog'lagan holatda qaraladigan bo'lsa, ba'zi olimlarning kriminologiya jinoyat protsessi bilan bir vazifani bajaradi, deb hisoblashini ko'rishimiz mumkin. Ularning fikricha, kriminologiya jinoyat sudlov ishlarini yuritishda muayyan jinoyat sodir etilishiga imkoniyat yaratuvchi omillarni aniqlaydi va ularni bartaraf etish choralari ko'radi, ayni masalalar esa jinoyat-protsessual qonunchiligida aniq belgilab qo'yilgan.

Bizning nazarimizda, kriminologiyaning odil sudlov samaradorligiga ta'siri quyidagi uchta holatda yaqqol namoyon bo'ladi.

Qonun ijodkorligi jarayonidagi o'zaro aloqadorlik. Kriminologik tadqiqotlar va statistik ma'lumotlar huquqiy tizimni takomillashtirishga yordam beradi. Xususan, kriminologik tadqiqotlar, statistika va qonun ijodkorligi o'rtasidagi bog'liqlik samarali odil sudlov tizimini yaratish uchun juda muhimdir.

Fikrimizni asoslash uchun quyidagilarga e'tiboringizni qaratamiz:

1. **Qonun hujjatlarini qabul qilish asoslari.** Kriminologik tadqiqotlar natijasida jinoyatchilikning sabablari, shartlari va dinamikasi haqida empirik ma'lumotlar jamlanadi. Qonun chiqaruvchilar bu ma'lumotlardan taxminlar yoki jamoatchilik fikriga asoslangan holda real voqelikda, ya'ni turli ijtimoiy munosabatlar doirasida yuzaga kelgan muammolarni aniqlash va ularni bartaraf maqsadida yangi qonun hujjatlarini qabul qiladilar, mavjudlarini esa takomillashtiradilar.

2. **Qonun hujjatlarining samaradorligini baholash.** Kriminologik statistika mavjud qonunlarning qanday darajada ishlayotganligini baholashga yordam beradi. Agar ma'lumotlar ma'lum bir qonun hujjati jinoyatchilikning kamayishiga olib kelayotganligi yoki nojo'ya yondosh ta'sirlarga, salbiy oqibatlarga sabab bo'layotganligini ko'rsatsa (masalan, qamoqxonalarning gavjumligi), bu uni qayta ko'rib chiqish yoki bekor qilish uchun asos bo'lib xizmat qiladi.

3. **Yangi tahdidlarni aniqlash.** Yangi turdagi jinoyatlarning paydo bo'lishi (masalan, kiberjinoyatchilik, firibgarlikning yangi shakllari) yangi qonunchilik tashabbuslarini talab qiladi. Kriminologik tadqiqotlar ushbu tahdidlarni aniqlashga va ularga qarshi kurashish uchun yetarli huquqiy vositalarni ishlab chiqishga yordam beradi.

4. **Adolat va mutanosiblik.** Kriminologik tadqiqotlar jazolarning mutanosibligini aniqlashga yordam beradi, sanksiyalarning og'irligi jinoyatning og'irligiga mos kelishini va qonunchilik aholining ayrim qatlamlariga nomutanosib ta'sir ko'rsatmasligini ta'minlaydi.

Muxtasar aytganda, kriminologik tadqiqotlar natijasida olinadigan ma'lumotlar va statistikaga asoslangan qonunchilik yanada maqsadli, samarali va adolatlidir.

Huquqni qo'llash amaliyotidagi o'zaro aloqadorlik. Jinoyat sodir etganning shaxsiy sifatlarini va jinoyatning sabablarini aniqlash sudyalarga ishning haqiqiy holatlarini yaxshiroq tushunishga, sud muhokamasini samarali tashkil etishga, xususan, sud tergov jarayonida sudlanuvchini so'roq qilish taktikasini tanlashga va jazo choralari belgilashga yordam beradi.

Jinoyat sodir etgan shaxsning xulq-atvorini (*kriminologik profil*), ya'ni uning kriminologik tavsifi va jinoyat sodir etilishiga olib kelgan omillarni (*jinoiy determinantlar*) chuqur anglash huquqni muhofaza qilish organlari va sud uchun juda muhim rol o'ynaydi. Binobarin, bu jazoni individuallashtirish uchun zarur. Sudya jazo tayinlashda sudlanuvchining jamiyat uchun xavflilik darajasini, jazoni yengillashtiruvchi yoki og'irlashtiruvchi holatlarni hamda uni rehabilitatsiya qilish imkoniyatlarini hisobga oladi. Bu jinoyat qonunchiligi maqsadlariga, ya'ni shaxsni, uning huquq va erkinliklarini, jamiyat va davlat manfaatlarini, mulkni, tabiiy muhitni, tinchlikni, insoniyat xavfsizligini jinoiy tajovuzlardan qo'riqlash, shuningdek jinoyatlarning oldini olish, fuqarolarni respublika Konstitutsiyasi

¹ Niyozova S.S., Salayev N.S. *Kriminologiya. Umumiy qism: Darslik*. – T.: TDYU nashriyoti, 2023. – 6-b.

² *Kriminologiya: Darslik / Mas'ul muharrir prof. M.H. Rustambayev*. – T.: TDYU nashriyoti, 2008. – 3-b.

va qonunlariga rioya qilish ruhida tarbiyalashga javob beradigan adolatli va mutanosib jazo tayinlashga yordam beradi.

Profilaktika, ya'ni preventiv ta'sir. Sud qarorlari nafaqat jazolashga, balki yangi jinoyatlarning oldini olishga ham qaratilganligi sababli muhim kriminologik ahamiyatga ega (*alohida va umumiy prevensiya*).

Alohida (shaxsiy) prevensiya sud tomonidan muayyan bir shaxsga nisbatan qo'llaniladigan jazo, kelajakda ushbu shaxsning yangi jinoyatlar sodir etishining oldini olishga qaratiladi. Haqiqiy jazo bilan tahdid qilish yoki qo'llash (masalan, ozodlikdan mahrum qilish) mahkumni qayta jinoyat sodir etishdan qaytaradi.

Umumiy prevensiya, ya'ni oshkora sud jarayoni va hukm chiqarishning o'zi boshqa potensial jinoyat sodir etishga moyil bo'lgan shaxslar uchun muayyan signal bo'lib xizmat qiladi. Bu jinoyat sodir etganlik uchun jazo muqarrarligini ta'minlaydi va jamiyatning boshqa a'zolarini qonunni buzishdan qaytaradi. Sud hukmi nafaqat jazoga sazovorlik harakati, balki jamiyatda yangi jinoyatlarning oldini olish maqsadiga erishishning asosiy vositasi hamdir. Shu nuqtai nazardan ham O'zbekiston Respublikasi Jinoyat –protsessual kodeksining 298-moddasida jinoyat ishini ko'rish jarayonida jinoyatning sabablari va uning sodir etilishiga imkon bergan shart-sharoitlar aniqlanganidan keyin sud xususiy ajrim chiqarib, unda tegishli davlat organlaridan, fuqarolarning o'zini o'zi boshqarish organlaridan, jamoat birlashmalaridan, jamoalardan yoki mansabdor shaxslardan ana shu sabab va shart-sharoitlarni bartaraf etish choralarini ko'rishni talab qilishi belgilab qo'yilgan.

Kriminologiya va odil sudlov samaradorligining o'zaro aloqadorligini isbotlashda O'zbekiston Respublikasi Jinoyat-protsessual kodeksining normalarni ham asos sifatida ko'rsatish mumkin. Mazkur Kodeksning 455-moddasiga ko'ra hukm qonuniy, asosli va adolatli bo'lishi shart.

Hukm qonunning barcha talablariga amal qilingan holda va qonun asosida chiqarilgan bo'lsa, *qonuniy* deb e'tirof etiladi. Hukm ishning haqiqiy holatlari unda kerakligicha to'liq va yuz berganiga haqiqatan monand tarzda aniqlangan bo'lsa, *asosli* deb e'tirof etiladi. Hukm aybdorga nisbatan jazo yoki boshqa ta'sir chorasi u sodir etgan jinoyatning ijtimoiy xavflilik darajasi va uning shaxsi e'tiborga olinib tayinlangan bo'lsa, aybsiz shaxs esa oqlangan va rehabilitatsiya etilgan bo'lsa, *adolatli* deb e'tirof etiladi.

Kriminologik tahlil jinoyatning motivi, sababi, jamiyatga ta'siri va qay darajada xavfli ekanini aniqlashga, ya'ni sud hukmining asosli bo'lishini ta'minlashga xizmat qiladi. Mazkur ma'lumotlar sud tomonidan aybdorga nisbatan jazo turi va miqdorini belgilashda ham, ya'ni sud hukmining adolatli bo'lishini ta'minlashda muhim ahamiyatga ega, deb hisoblaymiz.

Shuningdek, kriminologiya shaxsni, uning ruhiy holatini, u yashagan ijtimoiy muhitni o'rganish orqali sudga aybdorning shaxsiy xususiyatlarini baholash imkonini beradi. Masalan, mahkumni axloqan tuzatish imkoni bormi yoki jamiyat uchun xavfli shaxsmi va shu kabi boshqa masalalar kriminologik tahlil orqali aniqlanadi.

Bundan tashqari, O'zbekiston Respublikasi Jinoyat-protsessual kodeksining 467-moddasiga asosan, ayblov hukmining tavsif qismida sud isbot etilgan deb e'tirof etgan jinoiy qilmishning tavsifi, sodir etilgan joyi, vaqti, usuli, aybning shakli, jinoyatning sabablari, maqsadlari va oqibatlari ko'rsatilishi lozim. Kriminologiya esa aynan shu masalalarni, ya'ni jinoyatning sabablari, sharoiti, usuli va jinoyat sodir etgan shaxsning xulq-atvorini o'rganadi. Bu tasniflarsiz sud hukmini asosli, deb e'tirof etib bo'lmaydi.

Yuqoridagilarni umumlashtirgan holda aytadigan bo'lsak, kriminologiya jinoyatning sabablari, tendensiyalari va jinoyat sodir etgan shaxsning xatti-harakatlarini o'rganadi hamda shu asosida sud qarorlarining adolatli va asosli bo'lishini ta'minlash imkonini yaratadi. Pirovardida odil sudlov samaradorligi ortadi.

Соловьев Владислав Сергеевич
кандидат юридических наук, доцент
Краснодарский университет МВД России
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ПРАКТИКЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

*AI technologies in criminological science
and crime prevention practice*

Аннотация. В статье определены социально-политические предпосылки познания криминогенного потенциала технологий искусственного интеллекта и выявлены проблемы их применения в предупреждении преступлений. Установлены теоретико-методологические препятствия, возникающие в представленной области криминологических изысканий, среди которых: отсутствие междисциплинарных взаимосвязей, архаичность методологии и методики, слабая конкретизация и недостаточная проверяемость результатов исследований. Сформулированы единые методологические параметры (направления) криминологического познания технологий искусственного интеллекта и обоснована потребность разработки специальной криминологической методики исследования. Выявлены проблемы использования технологий искусственного интеллекта в антикриминальной практике и представлен положительный опыт их решения.

Abstract. The article examines the socio-political prerequisites for understanding the criminogenic potential of artificial intelligence technologies and the challenges of their use in crime prevention. It outlines key theoretical and methodological barriers, such as the lack of interdisciplinary integration, outdated research approaches, and insufficient verifiability of findings. The study proposes unified methodological directions for criminological analysis of AI technologies and emphasizes the need for a specialized research framework, while also presenting examples of their effective application in anti-crime practice.

Иntenсивное развитие информационно-телекоммуникационных технологий, сопровождающееся активной разработкой искусственного интеллекта и его внедрением в различные сферы общественной жизни, оказало серьезное влияние на государство и социум. Разрабатываются программные средства интеллектуальной поддержки принятия решений, снижаются объемы рутинной работы в отдельных секторах экономики, человеческие трудовые ресурсы замещаются средствами интеллектуальных IT-новшеств. Масштабы указанных преобразований и высокая степень социально-политической значимости внедрения технологий искусственного интеллекта в различные сферы общества отмечаются на самом высоком уровне. Участвуя в международной конференции по искусственному интеллекту и машинному обучению Президент Российской Федерации В.В. Путин совершенно верно отметил – «от того, каких результатов мы добьемся, зависит место России в мире, наш суверенитет, состоятельность и

безопасность страны» [1]. Для достижения указанных целей им утвержден перечень поручений по внедрению технологий искусственного интеллекта в отрасли экономики и социальной сферы, а также систему государственного и муниципального управления [2]. Вместе с тем, подобное внедрение технологий искусственного интеллекта, наряду с позитивными эффектами порождает серьезные угрозы криминального характера, усиливающиеся массовым использованием интеллектуальных IT-новшеств широкими слоями населения (напр.: «ChatGPT», «Bard», «GigaChat», «Face Swap», «Midjourney» и др.).

Технологии искусственного интеллекта, доступные пользователям информационно-телекоммуникационной сети могут быть использованы для совершения дистанционных хищений и неправомерного доступа к компьютерной информации, генерации текстовых, графических материалов и видеороликов террористического и экстремистского содержания, изготовления детской порнографии, вовлечения граждан в преступную и (или) антиобщественную деятельность. Указанные криминальные угрозы требуют от криминологической науки немедленной реакции – глубоких исследований, определяющих методологические подходы к познанию взаимосвязей технологий искусственного интеллекта с преступностью, выявляющих особенности взаимодействия интеллектуальных IT-решений с процессами детерминации отдельных видов преступности и формированием механизма преступного поведения, личностью преступника, представляющих эффективные меры противодействия использованию технологий искусственного интеллекта в преступной деятельности и демонстрирующих возможности их антикриминогенного воздействия на личность и общество.

Основу теории искусственного интеллекта составили прогрессивные идеи, выдвинутые еще в 50-60-х годах прошлого столетия зарубежными и отечественными учеными, среди которых: Л. Айзексон, Дж. Маккарти, М. Минский. Э. Фейгербаум, Д. Мичи, Р. Шенк, Дж. Слейгл, Н. Нильсон, Э. Хант, Э. Сандвелл, М. Сомальвиго, Л. Хиллер Н.М. Амосов, М.М. Бонгард, В.М. Глушков, О.С. Кулагина, А.А. Ляпунов, А.С. Нариньяни, Г.С. Пospelов, Д.А. Пospelов, Э.В. Попов и др. Особым потенциалом обладают отдельные исследования советских и российских ученых, находившиеся длительное время на переднем крае научных разработок в области искусственного интеллекта [3, с. 71]. Труды отечественных специалистов второй половины 20 века были посвящены общей теории искусственного интеллекта, машинному переводу, автоматизированному реферированию и информационному поиску, распознаванию образов, сочинению музыки и текстов [4 – 8]. Заложенные в указанных исследованиях идеи легли в основу разработки современных технологий искусственного интеллекта (нейросети), ставших доступными всем пользователям сети Интернет.

В криминологической науке достижениям теории искусственного интеллекта и возможностям его применения в предупреждении преступлений длительное время не уделялось должного внимания. Вместе с тем, невозможность отрицания научно-технического прогресса и внедрение технологий искусственного интеллекта «в массы» способствовали появлению монографических исследований, осмысляющих вопросы использования таких IT-новшеств преступниками и сотрудниками правоохранительных органов [9], рассматривающих технологии искусственного интеллекта в качестве механизма оптимизации уголовно-правовой охраны общественных отношений и направления модернизации (цифровизации) уголовного закона в обеспечении криминологической кибербезопасности [10].

В отдельных трудах ученых-криминологов, безусловно заслуживающих внимания, детально раскрываются криминологические риски применения технологий искусственного интеллекта [11] и определяются возможности их использования в преступной деятельности [12], формулируются направления применения интеллектуальных IT-новшеств и анализа

больших данных в предупреждении преступлений [13-14]. Иные аспекты использования технологий искусственного интеллекта в криминальной деятельности и практике предупреждения преступлений освещаются в трудах незначительной группы отечественных криминологов.

Вместе с тем, имеющаяся сегодня научная информация и архибыстрое развитие технологий искусственного интеллекта требуют от криминологов проведения непрерывных исследований поднятых проблем и разработки своевременных мер реагирования на возникающие криминальные угрозы. Эта задача – сложная. Нередко она усложняется совокупностью теоретико-методологических препятствий. Анализ научных трудов, посвященных познанию криминогенного потенциала технологий искусственного интеллекта и возможностям их использования в антикриминальной практике, позволяет выделить важнейшие из них.

Отсутствие междисциплинарных взаимосвязей. В криминологической науке не единожды ставился вопрос о необходимости налаживания междисциплинарных связей и включении достижений иных наук в криминологические исследования [15-17]. Криминология как бы «стесняется» тесных взаимосвязей с неюридическими науками: социологией и психологией, техническими и медицинскими науками, генетикой и др. [18, с. 96]. Такая проблема охватывает и криминологические исследования, посвященные технологиям искусственного интеллекта.

Теория искусственного интеллекта в отечественной науке оформилась еще в середине 60-х годов прошлого столетия. Сегодня в этой области накоплен арсенал знаний об истории, природе и сущности искусственного интеллекта, его использовании в различных секторах экономической деятельности, возможностях применения технологий искусственного интеллекта в управлении социальными и политическими процессами, особенностях интеллектуального анализа социологических данных и др. Это лишь незначительная грань исследовательских направлений, отраженных в теории искусственного интеллекта. Они представлены в работах ученых, публикуемых в российских научных журналах на протяжении последних тридцати лет («Новости искусственного интеллекта» пер. изд.: 1991-2006 гг.; «Искусственный интеллект и принятие решений» пер. изд.: с 2008 г.).

Достижения теории искусственного интеллекта могут быть, и должны использоваться в криминологических исследованиях, посвященных криминогенному потенциалу технологий искусственного интеллекта и возможностям их применения в антикриминальной практике. Безусловно, ознакомление криминологов с теорией искусственного интеллекта не предполагает углубленного познания сложных технологических закономерностей существования, развития и применения таких интеллектуальных продуктов. Вместе с тем, оперирование накопленной с начала 60-х годов информацией о содержании и сферах применения технологий искусственного интеллекта позволит повысить качество криминологических исследований и наметить направления трансляции в антикриминальную практику не только технологий искусственного интеллекта, представленных сегодня, но и обозримых в будущем.

Архаичность криминологической методологии и методики исследования. Потребность в совершенствовании методики криминологических исследований, продиктованная происходящими информационно-технологическими преобразованиями и трансформацией криминальной среды, определяет острую необходимость непрерывного поиска современных приемов и методов познания. Вместе с тем, несмотря на вызовы времени, большинство современных исследований проводится в традиционной парадигме отечественной криминологии 80-х гг. прошлого века, методология и методика которых строились в статике, без учета происходящих и предстоящих качественных изменений в обществе, обусловленных прогрессом науки и техники [19, с. 9].

В исследованиях криминогенного потенциала технологий искусственного интеллекта и возможностей их применения в предупреждении преступлений архаичность имеющихся приемов и способов криминологического познания ощущается особо остро. Отсутствуют единые методологические параметры (направления) криминологического познания технологий искусственного интеллекта, упущены конкретные программные комплексы, могущие применяться в исследованиях, не выработаны алгоритмы осуществления исследовательских операций с использованием интеллектуальных IT-новшеств, направленные на сбор, фиксацию, обработку и интерпретацию криминологической информации, упущены критерии оценивания эффективности применения технологий искусственного интеллекта в криминологических исследованиях и практике предупреждения преступлений. Отсюда криминологическое познание технологий искусственного интеллекта и возможностей их использования в практике предупреждения преступлений сопровождается оперированием общеизвестной информацией и её адаптацией под задачи исследования. Как результат – отсутствие новых криминологически значимых достижений, призванных обогатить науку и правоохранительную практику.

Выявленные проблемы обуславливают необходимость определения единых методологических параметров (направлений) криминологического познания технологий искусственного интеллекта, среди которых следует выделить:

- понятие и содержание технологий искусственного интеллекта, их значение для криминологической науки и правоохранительной практики;
- технологии искусственного интеллекта и их использование в криминологических исследованиях;
- применение технологий искусственного интеллекта в исследовании латентной преступности;
- использование технологий искусственного интеллекта в виктимологических исследованиях;
- применение технологий искусственного интеллекта в криминологическом прогнозировании;
- технологии искусственного интеллекта в прогнозировании индивидуального преступного поведения;
- влияние технологий искусственного интеллекта на криминализацию и виктимизацию населения;
- использование технологий искусственного интеллекта в преступной деятельности;
- технологии искусственного интеллекта в формировании криминогенных качеств личности;
- взаимодействие технологий искусственного интеллекта с механизмом преступного поведения;
- предупреждение преступлений с использованием технологий искусственного интеллекта.

Эффективной реализации выделенных исследовательских направлений в области познания криминогенного потенциала технологий искусственного интеллекта и возможностей их применения в предупреждении преступлений будет способствовать разработка специальных криминологических методик исследования. Они должны включать в себя разработку алгоритма применения технологий искусственного интеллекта на примере конкретных программных продуктов, содержать особенности проведения исследовательских операций по сбору, фиксации, обработки и интерпретации криминологической информации, предлагать

критерии оценки эффективности применения технологий искусственного интеллекта в познании криминальных процессов. Ранее автором была представлена специальная методика криминологического познания криминальной идеологии в сети Интернет, включающая методологические приемы и процедуры, реализуемые с помощью специальных программных комплексов интеллектуального анализа данных [20, с. 14]. Отдельные её компоненты могут быть адаптированы под задачи криминологического познания технологий искусственного интеллекта и использованы в качестве инструментария диагностики, мониторинга и оценки криминальных угроз, обусловленных развитием интеллектуальных IT-новшеств.

Слабая конкретизация и отсутствие проверяемости собственных выводов. Серьезным препятствием в формировании качественного теоретико-методологического материала в исследуемой области является отсутствие конкретных и (или) наглядных примеров использования технологий искусственного интеллекта. Ряд авторов, исследуя вопросы криминогенного потенциала интеллектуальных IT-новшеств и возможности их применения в практике предупреждения преступлений, рассуждают о социально-политической значимости технологий искусственного интеллекта и их криминогенном потенциале, выделяют направления применения интеллектуальных систем в предупреждении преступлений. Вместе с тем, по определенным причинам авторы не конкретизируют собственные теоретические положения. Какие конкретно технологии могут быть использованы в криминологических исследованиях и практике предупреждения преступлений? Как пользоваться средствами интеллектуальных IT-новшеств? Какая информация может быть получена в результате применения технологий искусственного интеллекта? Упущение поднятых вопросов в криминологических исследованиях приводит к размытости предлагаемых мер предупреждения преступлений и, как следствие, неприменимости полученных результатов на практике. Отсутствие конкретной криминологической информации о возможностях применения технологий искусственного интеллекта для решения правоохранительных задач влечет неосведомленность субъектов профилактики об указанных IT-новшествах и возможностях их применения в предупреждении преступлений.

Результаты проведенного эмпирического исследования наглядно иллюстрируют поднятую проблему. Его основу составили материалы интервьюирования руководителей и сотрудников подразделений по организации деятельности участковых уполномоченных полиции и по делам несовершеннолетних, подразделений по контролю за оборотом наркотиков и противодействию экстремизму территориальных органов МВД России. Общее количество интервьюируемых лиц – 164 сотрудника органов внутренних дел, представляющих 26 регионов Российской Федерации. Выборка респондентов определяется возложенными на указанных сотрудников полиции служебными обязанностями по профилактике правонарушений.

Отвечая на вопрос «Используете ли вы информационно-телекоммуникационные технологии в деятельности по предупреждению преступлений?», 67% респондентов указали, что используют регулярно, 14% специалистов отметили, что применяют такие технологии время от времени. В свою очередь, 12% опрошенных сотрудников полиции указали, что применяют информационно-телекоммуникационные технологии предупреждения преступлений редко, а 7% специалистов и вовсе не используют их в антикриминальной практике. Среди направлений использования информационно-телекоммуникационных технологий в предупреждении преступлений специалисты преимущественно определили выявление лиц, состоящих в группах, направленных на побуждение к совершению самоубийств – 61%, мониторинг

социальных сетей на предмет выявления информации экстремистского и (или) террористического содержания – 24%, а также наблюдение за поведением в социальных сетях лиц, состоящих на различных видах учета – 15%. Относительно вопросов использования технологий искусственного интеллекта лишь 9% специалистов указали, что используют технологии искусственного интеллекта в предупреждении преступлений. В качестве таких технологий сотрудники полиции преимущественно отметили системы биометрической идентификации – 86%, а также средства интеллектуального анализа информационных потоков данных – 14%.

Данные проведенного опроса наглядно демонстрируют значительный разрыв между использованием сотрудниками органов внутренних дел информационно-телекоммуникационных технологий и средств интеллектуальных IT-новшеств в практике предупреждения преступлений. Сотрудники полиции не имеют представления о конкретных технологиях искусственного интеллекта и программных продуктах, которые могут быть использованы в предупреждении преступлений, не обладают знаниями об их функциональных возможностях, не владеют умениями и навыками применения таких технологий в антикриминальной практике.

Для обеспечения развития кадрового потенциала органов внутренних дел и формирования профессиональных компетенций сотрудников полиции по использованию технологий искусственного интеллекта в правоохранительной практике, следует уделять особое внимание подготовке специалистов, обладающих такими знаниями, умениями и навыками. Важно, чтобы специалисты приобрели особые компетенции, необходимые для эффективного решения профилактических задач в изменившихся условиях [21, с. 690].

Одним из примеров формирования профессиональных компетенций сотрудников полиции по использованию технологий искусственного интеллекта в антикриминальной практике является опыт Краснодарского университета МВД России. Он заключается в разработке и реализации программы повышения квалификации руководителей и сотрудников подразделений по организации деятельности участковых уполномоченных полиции, по делам несовершеннолетних и по противодействию экстремизму территориальных органов МВД России на тему «Предупреждение распространения криминальной идеологии в сети Интернет». Участники образовательного курса, представляющие более 25 регионов России, получили профессиональные знания, овладели навыками использования OSINT-инструментов и технологий искусственного интеллекта в диагностике социальных сетей и выявлении информации, транслирующей криминальную идеологию [22]. Подобная образовательная практика позволяет передать сотрудникам полиции специальные знания, сформировать умения и навыки, необходимые для эффективного применения технологий искусственного интеллекта в практике предупреждения преступлений.

Таким образом, повсеместное внедрение технологий искусственного интеллекта в государственные и общественные процессы обуславливают серьезную потребность в определении криминальных рисков, прогнозировании возможностей использования интеллектуальных IT-новшеств в преступной деятельности и разработке своевременных мер реагирования. Для успешного решения указанных задач криминологическая наука должна обогатиться исследовательскими приемами и способами применения технологий искусственного интеллекта в познании криминальных явлений, сформировать мощный фундамент знаний о криминогенном потенциале интеллектуальных IT-новшеств и методики его определения, разработать своевременные меры противодействия протекающим криминальным процессам и транслировать их в область антикриминальной практики.

Использованные источники

1. Президент принял участие в основной дискуссии международной конференции по искусственному интеллекту и машинному обучению Artificial Intelligence Journey 2022 на тему «Технологии искусственного интеллекта для обеспечения экономического роста». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/69927> (дата обращения 17.08.2023).
2. Перечень поручений по итогам конференции «Путешествие в мир искусственного интеллекта». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/70418#assignment-2> (дата обращения 17.08.2023).
3. Поспелов Д. А. История искусственного интеллекта до середины 80-х годов // Новости искусственного интеллекта. 1994. № 4. С. 70-90.
4. Мельчук И.А., Равич Р.Д. Автоматический перевод 1949-1963: Критико-библиографический справочник. М.: ВИНТИ, 1967. 517 с.
5. Севбо И.П. Структура связанного текста и автоматизации реферирования. М.: Наука, 1969. 133 с.
6. Бонгард М.М. Проблема узнавания. М.: Наука, 1967. 320 с.
7. Зарипов Р.Х. Кибернетика и музыка. М.: Наука, 1971. 319 с.
8. Зарипов Р.Х. Машинный поиск вариантов при моделировании творческого процесса. М.: Наука, 1983. 232 с.
9. Ларина Е.С., Овчинский В.С. Искусственный интеллект. Большие данные. Преступность. М.: Книжный мир, 2018. 416 с.
10. Джафарли В.Ф. Криминология кибербезопасности: в 5-ти томах. М.: Проспект, 2021. 1400 с.
11. Бегишев И.Р., Хисамова З.И. Криминологические риски применения искусственного интеллекта // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 6. С. 767-775.
12. Соловьев В. С. Криминологические риски применения технологии искусственного интеллекта в незаконном обороте наркотиков // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2021. № 4. С. 349-360.
13. Грибанов Е. В. Перспективные направления развития кибертехнологий предупреждения преступлений // Общество и право. 2021. № 4. С. 21-27.
14. Sukhodolov A.P. Artificial Intelligence in Crime Counteraction, Prediction, Prevention and Evolution // Russian Journal of Criminology. 2018. Vol. 12, No. 6. P. 753-766.
15. Антонян Ю.М. Криминология будущего: междисциплинарные научные связи // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 4. С. 67-75.
16. Номоконов В.А., Судакова Т.М. Осмысление будущего криминологии: обзор современных тенденций // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 4. С. 531-540.
17. Игнатов А.Н. «Криминология завтра» нужна уже сегодня // Общество и право. 2016. № 4. С. 94-99.
18. Грибанов Е.В. Технологии предупреждения преступлений: проблемы формирования и развития // Государство и право. 2019. № 10. С. 94-103.
19. Квашиш В.Е. Криминология, «камо грядеши»? // Общество и право. 2021. – № 4. – С. 8-11.
20. Ильницкий А.С. Противодействие криминальной идеологии в сети Интернет: дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2022. – 213 с.
21. Осипенко А.Л., Соловьев В.С. Основные направления развития криминологической науки и практики предупреждения преступлений в условиях цифровизации общества // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 6. С. 681-691.
22. В университете провели курс по вопросам предупреждения распространения криминальной идеологии в сети Интернет. URL: <https://xn--d1alsn.xn--b1aew.xn--p1ai/Press-sluzhba/Novosti/item/37742931/> (дата обращения 11.09.2023).

Рузметов Отабек Ойбекович
Главный научный сотрудник Института парламентских исследований при Законодательной палате Олий Мажлиса Республики Узбекистан

Chief Researcher, Parliamentary Research Institute under the Legislative Chamber of Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan

МОШЕННИЧЕСТВО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА УЗБЕКИСТАНА

Fraud committed using information and communication technologies: analysis of Uzbekistan's legislation

Аннотация. В статье проводится правовой анализ мошенничества, совершаемого с использованием информационно-коммуникационных технологий. Рассматриваются положения Уголовного кодекса Республики Узбекистан, касающиеся признаков мошенничества, различия между его традиционными формами и разновидностями, совершаемыми с применением цифровых технологий. Освещены влияние кибермошенничества на общество и экономику, необходимость гармонизации национального законодательства с международной практикой. Проведен анализ деятельности правоохранительных органов в данной сфере, предложены направления совершенствования законодательства в целях обеспечения информационной безопасности и профилактики преступности.

Ключевые слова: мошенничество, информационно-коммуникационные технологии, кибермошенничество, уголовное право, информационная безопасность, борьба с преступностью, законодательство Узбекистана, правовой анализ.

Abstract. This article provides a legal analysis of fraud committed through the use of information and communication technologies. In particular, it examines the provisions of the Criminal Code of the Republic of Uzbekistan regarding the elements of fraud, as well as the differences between its traditional forms and those committed using modern digital technologies. The paper highlights the impact of cyber fraud on society and the economy, as well as the necessity of harmonizing national legislation with international practice. Furthermore, it analyzes the activities of law enforcement agencies in combating crimes in this area and proposes directions for improving legislation to ensure information security and prevent crime.

Keywords: fraud, information and communication technologies, cyber fraud, criminal law, information security, combating crime, legislation of Uzbekistan, legal analysis.

Преступления в сфере экономики традиционно занимают ведущие позиции в структуре зарегистрированной преступности в Республике Узбекистан. Их удельный вес стабильно превышает половину от общего количества уголовно наказуемых деяний. Наряду с этим, одной из наиболее острых проблем последних лет стал стремительный рост **киберпреступности**. За последние пять лет количество киберпреступлений в стране увеличилось в 68 раз, а только за прошедший год – в 9,1 раза по сравнению с 2023 годом. За тот же период число обращений от физических и юридических лиц по фактам

правонарушений в киберпространстве возросло в 34 раза. Если в 2019 году посредством информационных технологий было совершено 863 преступления 18 видов, то в **2024 году** зафиксировано уже **58 800 преступлений** 62 различных категорий. Это свидетельствует о масштабной цифровизации преступной деятельности и усложнении ее форм.

Особое беспокойство вызывает стремительный рост доли киберпреступлений в общей преступности. Так, если в 2023 году она составляла 6,2 %, то в 2024 году достигла уже 44,4 %, что означает, что почти каждое второе преступление совершается с использованием информационно-коммуникационных технологий. Эта тенденция подчеркивает необходимость системного и опережающего развития механизмов противодействия киберпреступности.

В эпоху стремительной цифровизации экономика и социальная жизнь все более переносятся в онлайн-среду, что создает новые возможности для совершения мошеннических действий. Анализ роли мошенничества в цифровой среде невозможен без обращения к его понятийным характеристикам.

По мнению О.А. Шут, киберпреступностью следует считать любое противоправное деяние, совершенное с использованием компьютеров, компьютерных сетей и других информационно-коммуникационных технологий. Автор выделяет виды киберпреступлений, совершаемых в настоящее время, среди которых атаки на персональные компьютеры, создание и распространение программ-вымогателей, интернет-мошенничество, кража и распространение персональной информации [1]. А.А. Комаров рассматривает мошенничество, совершаемое в сети Интернет, как совокупность правонарушений, объединенных общими способами их совершения. К таковым относятся использование коммуникационных и технологических методов информационно-телекоммуникационных систем, подключённых к глобальной сети Интернет, с целью введения жертвы в заблуждение или обхода компьютерной защиты, а также наличие корыстной направленности преступной активности [2]. О.А. Старостенко подчеркивает, что ключевым мотивом IT-мошенничества выступает корысть и осознанное стремление к личной выгоде. В ряде случаев побудительными факторами становятся зависть и потребность в самоутверждении. Таким образом, реализуя корыстные цели, киберпреступники удовлетворяют собственные интересы [3].

В исследовании мошенничества, совершаемого с использованием информационно-коммуникационных технологий в Республике Узбекистан, применяется комплексный междисциплинарный подход. Основным методом выступает системный анализ национального законодательства, в частности положений Уголовного кодекса Республики Узбекистан, регулирующих ответственность за мошенничество. Также используется сравнительно-правовой метод, позволяющий сопоставить узбекское законодательство с международными правовыми нормами и практикой зарубежных стран в сфере борьбы с кибермошенничеством. Наряду с этим применяется формально-юридический метод (изучение и толкование правовых норм), а также социолого-правовой анализ, направленный на выявление последствий цифровых преступлений для общества и экономики.

Кибермошенничество, то есть мошенничество с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), превратилось в одну из самых острых проблем: оно позволяет злоумышленникам обманывать граждан дистанционно, через интернет и мобильные сети, зачастую оставаясь вне досягаемости правосудия. Масштабы этой проблемы растут: например, в одном только Ташкенте число зарегистрированных киберпреступлений увеличилось с 113 случаев в 2019 году до **17 468 случаев в 2024 году** (рост в 154 раза). Финансовый ущерб от таких преступлений огромен – только за 2024 год **жителям Ташкента причинен ущерб в размере 381 млрд сумов** (порядка \$30 млн), из которых удалось вернуть

лишь около 4% [4]. При этом оставшая часть похищенных средств была оперативно выведена за границу, что усложняет их возврат и наказание виновных.

Мошенничество традиционно определяется уголовным законодательством как хищение чужого имущества или приобретение права на него путем обмана или злоупотребления доверием. Данный классический состав преступления включает ключевой признак – добровольную передачу потерпевшим своего имущества (или прав на него) злоумышленнику под влиянием введения в заблуждение. В контексте информационно-телекоммуникационных технологий мошенничество приобретает специфические формы, но сохраняет главную суть: использование современных средств связи и информационных систем для манипулирования сознанием жертвы с целью завладения ее имуществом. **Пленум Верховного суда Республики Узбекистан** в постановлении №17 (2023 г.) особо разъяснил, что под мошенничеством, совершенным с использованием информационной системы, в том числе информационных технологий, понимается хищение имущества, находящегося, как правило, в финансово-банковских учреждениях или фондах, осуществляемое путем обмана, посредством манипулирования при помощи компьютерного оборудования, мобильного телефона, планшета или иных подобных устройств [5]. Важное отличие кибермошенничества от смежных посягательств (например, краж, совершаемых путем **хакерского** взлома) состоит в том, что при мошенничестве жертва **самостоятельно и добровольно** передает ценности виновному под влиянием обмана или злоупотребления доверием, пусть даже обман осуществляется через электронные средства. В случаях же кражи с несанкционированным доступом к информационной системе имущество изымается без согласия и ведома собственника, что квалифицируется как иное преступление.

Мошенничество с использованием ИКТ нередко сопряжено с приемами **социальной инженерии** – психологического воздействия на потерпевших с целью вынудить их совершить нужные действия (сообщить конфиденциальные данные, перевести деньги и т.д.). Криминалистические исследования показывают, что значительную долю преступлений с применением ИКТ составляют именно хищения имущественного характера – мошенничества и кражи [6]. Анализ показывает, что в Узбекистане подавляющее большинство киберпреступлений (98%) связано с несанкционированным доступом к банковским картам и счётам – киберкражами и кибермошенничеством. Основные способы совершения таких преступлений включают:

- 60 % – получение контроля над банковской картой или мобильным устройством через вредоносные ссылки и программы;
- 16 % – хищение SMS-кодов, подтверждающих операции, с помощью социальных инженерных схем;
- 11 % – мошенничество на онлайн-платформах электронной торговли;
- 9 % – привлечение денежных средств граждан посредством различных обманных схем;
- 4 % – оформление онлайн-кредитов на имя пострадавших лиц [7].

В целях противодействия киберпреступности в Узбекистане предпринимаются как правовые, так и организационно-технические меры. Однако, учитывая транснациональный характер этих преступлений, их высокий уровень анонимности и скорость распространения, становится очевидной необходимость в дальнейшем совершенствовании нормативной базы, укреплении межведомственного взаимодействия и повышении цифровой грамотности населения.

Таким образом, в условиях активного распространения цифровых технологий и роста объемов онлайн-коммуникации киберпреступность трансформируется в одну из наиболее

сложных угроз общественной безопасности, требующую стратегического подхода и международного сотрудничества.

Для юридического анализа важно подчеркнуть, что объектом посягательства при кибермошенничестве остаются отношения собственности. Однако способом совершения выступают информационно-телекоммуникационные средства, что требует адаптации правовых норм. Некоторые государства вводят специальные составы “компьютерного” или “электронного” мошенничества. К примеру, уголовное законодательство Германии отдельно криминализует **компьютерное мошенничество** (§263a StGB) [8], определяя его как получение незаконной имущественной выгоды путем воздействия на результат электронной обработки данных посредством введения ложных или неполных данных, либо иным несанкционированным вмешательством в процесс обработки. В законодательстве Узбекистана (как и ряда других стран постсоветского пространства) для кибермошенничества используются общие нормы о мошенничестве, иногда в совокупности со статьями о преступлениях в сфере компьютерной информации.

Уголовный кодекс Республики Узбекистан является основным источником уголовно-правовых норм, охватывающих ответственность за мошенничество с использованием ИКТ. Базовый состав **мошенничества** содержится в статье 168 УК Республики Узбекистан. Применительно к тематике исследования наиболее значимым является **пункт «г» части третьей статьи 168 УК**. Данный пункт установил, чтоотячающим обстоятельством (квалифицирующим признаком) мошенничества является **совершение его с использованием информационной системы, в том числе информационных технологий** [9]. В результате совершение мошенничества посредством ИКТ переводится в тяжкую категорию: оно наказывается штрафом от 300 до 400 базовых расчетных величин, либо исправительными работами на срок 2–3 года, либо (что наиболее существенно) лишением свободы **на срок от 5 до 8 лет** с лишением определенного права. Таким образом, законодатель Узбекистана прямо обозначил использование цифровых технологий как фактор, повышающий общественную опасность мошенничества и влекущий более строгую ответственность. Данное нововведение коррелирует с усиливающимися мировыми трендами противодействия киберпреступности и приближает национальные нормы к зарубежным аналогам (например, к упомянутой норме о компьютерном мошенничестве в Германии, к особым составам мошенничества в сфере электронных платежей в РФ и др.).

Следует упомянуть, что помимо ст.168 УК, отдельные деяния, смежные с мошенничеством в киберсреде, могут подпадать и под другие статьи УК Республики Узбекистан. В частности, если хищение средств совершается не путем обмана, а через несанкционированный доступ к компьютерной системе (взлом аккаунта, перехват данных и т.п.), деяние квалифицируется не как мошенничество, а как преступление против безопасности компьютерной информации. Специальная норма – **статья 278² УК** – устанавливает ответственность за неправомерный доступ к компьютерам, информационным системам, если это действие повлекло уничтожение, блокирование, модификацию, копирование либо перехват информации, нарушение работы электронно-вычислительных машин, системы электронно-вычислительных машин или их сети. Однако эти составы выходят за рамки собственно мошенничества, поскольку отсутствует фактор обмана жертвы – там действие совершается тайно.

Кроме уголовно-правовых норм, важную роль играет **специализированное законодательство о кибербезопасности** и сфере ИКТ, которое создает превентивную и организационную основу борьбы с кибермошенничеством. В 2022 году в Узбекистане был

принят первый комплексный закон в данной области – **Закон Республики Узбекистан «О кибербезопасности»**. Целью этого закона прямо провозглашено регулирование отношений в сфере кибербезопасности [10]. Таким образом, на институциональном уровне заложены основы системы противодействия киберпреступлениям (включая мошенничества в цифровой среде). Хотя сам закон «О кибербезопасности» не криминализует конкретные деяния, он обязывает государственные органы, организации и частный сектор внедрять меры по защите информационных систем, сообщать об инцидентах, сотрудничать с правоохранительными органами. Данный закон, наряду с уже действовавшими законами об электронной коммерции, об электронных платежах, о персональных данных и др., формирует комплексную **нормативно-правовую базу**, направленную на создание безопасной цифровой среды. Косвенно это способствует и профилактике мошенничеств: например, требования по киберзащите банковских систем, по уведомлению пользователей о рисках, по сертификации программного обеспечения и т.п. снижают уязвимость граждан перед кибермошенниками.

Следует отметить и усилия руководства страны по усилению правовой защиты граждан в сфере цифровых услуг и платежей. Так, **Постановлением Президента Республики Узбекистан №ПП-381 от 30.11.2023** утверждена «Дорожная карта» по совершенствованию системы борьбы с правонарушениями, совершаемыми посредством цифровых технологий, и защиты прав потребителей цифровой продукции [11]. В этом документе констатируется, что участвовавшие случаи хищений и мошенничеств с банковскими картами указывают на недостаточную финансовую грамотность населения и отсутствие современных систем предотвращения правонарушений в коммерческих банках и платежных организациях. В рамках намеченных мер Центральному банку предоставлено право давать обязательные указания банкам о **временной блокировке** подозрительных операций по картам до 3 дней, чтобы пресечь перевод украденных средств (пункт 2). Также поручено внедрять антифрод-системы, усиливать контроль за электронными переводами и проводить широкие просветительские кампании по киберграмотности (пункт 3). Таким образом, на высшем уровне признаются проблемные аспекты (технологичность и трансграничность мошенничеств) и предпринимаются шаги для их решения как посредством нормативных актов, так и организационно-техническими средствами.

Несмотря на предпринимаемые меры, в Узбекистане сохраняется ряд серьезных проблем в сфере противодействия мошенничествам с использованием ИКТ – как **нормативно-правового**, так и **правоприменительного** характера. Во-первых, введение квалифицирующего признака в ст.168 УК хотя и усилило наказание, но **не создало отдельного состава** преступления. Это может затруднять статистический учет и специфическую профилактику кибермошенничеств, поскольку они по-прежнему учитываются в общей массе мошенничеств. Отсутствие детального разграничения разных видов цифрового мошенничества (банковские мошенничества, фишинговые атаки, мошенничества с криптоактивами и пр.) оставляет применение нормы во многом на усмотрение правоприменителя. Кроме того, **диспозиция** пункта «г» ч.3 ст.168 УК сформулирована достаточно широко – «с использованием информационной системы, в том числе информационных технологий». В ситуациях, где цифровые технологии играют вспомогательную роль, грань может быть дискуссионной. Потребуется накопление судебной практики, чтобы выработать четкие критерии, и возможно, дополнительные разъяснения или даже поправки в закон (например, дифференцирующие **онлайн-мошенничества** в сфере банковских услуг, электронной коммерции и т.д.).

Во-вторых, чрезвычайной остротой отличается **проблема правоприменения**, связанная с **трансграничным характером** кибермошенничеств. Как отмечают сами правоохранительные органы, значительная часть операций мошенников проводится из-за рубежа: установлено, что крупные схемы организуются преступными группами, базирующимися в других странах, куда практически сразу выводятся похищенные средства [12]. Это создает объективные трудности для правоохранительных органов – требуется международное сотрудничество, запросы через Интерпол, договора о правовой помощи. Узбекистан пока **не присоединился** к *Будапештской конвенции о киберпреступности* (2001), которая существенно облегчает трансграничное взаимодействие в расследовании киберпреступлений. В отсутствие этого инструмента, процесс получения электронных доказательств и экстрадиции киберпреступников усложняется. Как следствие, раскрываемость подобных преступлений остается низкой: по некоторым категориям дел злоумышленники **фактически не задерживаются**. К примеру, все более распространены схемы, в которых мошенники звонят гражданам, представляясь сотрудниками банка или правоохранительных органов – за прошлый год в Узбекистане зарегистрировано свыше 300 жертв такого «телефонного» обмана, однако **ни один из причастных преступников не был пойман** [13].

Еще одна практическая проблема – **возмещение ущерба** и блокировка похищенных средств. Мошенники быстро переводят деньги через электронные кошельки, криптовалютные биржи, платежные системы за пределы страны. До недавнего времени правовые механизмы заморозки подозрительных транзакций были недостаточно оперативными. Банки не имели прямого мандата приостанавливать переводы по запросу правоохранительных органов без решения суда, а к тому времени деньги уже исчезали. **Постановление Президента Республики Узбекистан №ПП-381 от 30.11.2023**, наделяющее ЦБ правом вводить **временную блокировку** счетов при признаках мошенничества, призвано улучшить ситуацию, но его реализация потребует налаженного взаимодействия между банками и органами МВД. Кроме того, жертвы зачастую не знают, как действовать: уровень общей **кибергигиены и информированности** населения пока остается недостаточным. Многие пользователи сообщают мошенникам критические данные или совершают сомнительные переводы, доверяя звонку или сообщению. Даже образованные люди становятся жертвами тщательно продуманных схем, включая **deepfake**-мошенничества (синтезированные голоса руководителей компаний, обманывающие бухгалтеров и т.п.).

Подводя итог можно отметить, что действующая система правового регулирования и правоприменения в сфере борьбы с ИКТ-мошенничеством в Узбекистане находится в стадии активного развития, но сталкивается с вызовами. Необходимо дальнейшее совершенствование как норм (для более полного охвата и детализации новых видов мошенничества), так и институтов – улучшение раскрываемости, международное сотрудничество, возмещение ущерба и профилактика через просвещение населения.

Исходя из проведенного анализа, представляется целесообразным рекомендовать ряд мер для совершенствования национального законодательства Узбекистана и практики правоприменения в сфере противодействия мошенничеству с использованием ИКТ:

1. Разработка специализированных уголовно-правовых норм. Рассмотреть возможность выделения самостоятельного состава преступления – например, «мошенничество в сфере информационных технологий» – либо дальнейшей детализации квалифицирующих признаков в ст.168 УК. Это позволило бы точнее охватывать различные формы кибермошенничества (от фишинга до мошенничества с криптовалютами) и вести отдельный учет таких преступлений для статистики и анализа. В качестве ориентира могут служить

нормы §263a УК Германии (компьютерное мошенничество) или статьи 159.3–159.6 УК РФ, дифференцирующие мошенничества в отдельных сферах (компьютерная информация, электронные платежи и т.п.).

2. Присоединение к международным соглашениям. Ускорить работу по вступлению Узбекистана в Будапештскую конвенцию Совета Европы о киберпреступности и Конвенцию ООН против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям. Международная кооперация критически важна для расследования случаев, когда преступники действуют из-за рубежа. Конвенция позволит наладить быстрый обмен электронными доказательствами, упростит процедуры экстрадиции кибермошенников и взаимную правовую помощь.

3. Повышение киберграмотности и предупреждение преступлений. Закрепить на уровне государственных программ регулярное проведение просветительских кампаний для населения («цифровой иммунитет»), возможно, интегрировать основы кибербезопасности в образовательные стандарты. Практика показывает, что **человеческий фактор** – наиболее уязвимое звено: многие преступления можно предотвратить, если потенциальные жертвы будут осведомлены о типичных схемах и будут настороженно относиться к подозрительным предложениям.

Важно отметить: борьба с мошенничеством в сфере ИКТ требует **комплексного подхода**, сочетания правовых, технических и образовательных мер. Узбекистан за сравнительно короткое время существенно продвинулся в этом направлении – изменено уголовное законодательство, принят закон о кибербезопасности, разрабатываются правительственные программы. Однако динамика кибермошенничеств все еще опережает ответные действия. Реализация предложенных шагов – от точечного совершенствования законов до наращивания международной кооперации – позволит повысить эффективность противодействия данным преступлениям, защитить права граждан и укрепить доверие к цифровой экономике. Только опираясь на лучший мировой опыт и одновременно учитывая национальную специфику, можно выстроить действенную систему **кибербезопасности и киберправосудия**, адекватную вызовам XXI века.

Использованные источники

1. Шут О. А. Криминализация интернет-пространства и преступная деятельность террористических группировок в социальных сетях // Вестник Северо-Казакстанского университета имени М.Козыбаева. 2022.
2. Комаров А. А. Криминологические аспекты мошенничества в глобальной сети интернет: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов
3. Старостенко О. А. Анализ схем IT мошенничества: классификация и противодействие // Вестник Удмуртского университета. 2021. Т. 31. Вып. 6. С. 1072–1077.
4. <https://kun.uz/en/news/2025/03/12/uzbekistans-cybercrime-crisis-how-scammers-steal-millions-and-evadecapture#:~:text=For%20comparison%2C%20in%202019%2C%20Tashkent,154%20times%20in%20six%20years>
5. Постановление Пленума Верховного суда Республики Узбекистан, от 23.06.2023 г. № 17 <https://lex.uz/docs/6523584>
6. Уголовно-правовой аспект предупреждения мошенничества с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и приемов социальной инженерии. Зотина Е. В. Ссылка: <https://yuz.uz/ru/news/v-uzbekistane-chislo-kiberprestupleniy-za-poslednie-pyat-let-vroslo-v-68-raz>

7. Уголовный кодекс Германии Ссылка: https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/_263a.html
8. Уголовный кодекс Республики Узбекистан Ссылка: <https://lex.uz/docs/111457?otherlang=3>
9. Закон Республики Узбекистан «О кибербезопасности» Ссылка: <https://lex.uz/ru/docs/5960609>
10. <https://lex.uz/ru/docs/6681115>
11. <https://kun.uz/en/news/2025/03/12/uzbekistans-cybercrime-crisis-how-scammers-steal-millions-and-evadecapture#:~:text=Sadullaev%20noted%20that%20in%20many,from%20Russia%2C%20Ukraine%2C%20and%20other>
12. <https://kun.uz/en/news/2025/03/12/uzbekistans-cybercrime-crisis-how-scammers-steal-millions-and-evadecapture#:~:text=Sadullaev%20noted%20that%20in%20many,from%20Russia%2C%20Ukraine%2C%20and%20other>
13. https://sherloc.unodc.org/cld/en/legislation/deu/german_criminal_code/special_part_chapter_twenty_two/section_263a/section_263a.html?#:~:text=,use%20of%20data%20or%20other

Миронов Сергей Николаевич

кандидат исторических наук, доцент

Казанский юридический институт МВД России

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПРОТИВОПРАВНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ИНТЕРЕСАХ ИНОСТРАННОГО ГОСУДАРСТВА

*Prevention of the involvement of minors in
unlawful activities in the interests of a foreign state*

Сегодня российское общество сталкивается с многочисленными вызовами и угрозами, среди которых особое внимание заслуживают проявления экстремизма, затрагивающие наиболее уязвимую группу населения – несовершеннолетних. Вовлечение подростков в противоправную деятельность экстремистской направленности, представляет серьезную угрозу как для них самих, так и для общественной безопасности в целом.

Особенно остро встает вопрос о предупреждении вовлечения несовершеннолетних в деятельность, направленную на совершение противоправных деяний в интересах иностранного государства.

Активность зарубежных структур, стремящихся дестабилизировать внутреннюю обстановку в России через манипуляцию несовершеннолетними не имеет тенденции к снижению. Используя современные информационные технологии, социальные сети и мессенджеры, «агенты влияния» пытаются навязать несовершеннолетним идеи, которые ведут к противоправной деятельности.

Отметим, что реализуемая с 2023 г. Стратегия комплексной государственной программы безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030¹ года актуализировала процесс формирования правовых барьеров на пути негативного влияния на несовершеннолетних крайних идеологических воззрений.

Однако гибридные вызовы последних лет, имеющие ярко выраженный антироссийский контекст и подкрепленные экономическим, медийным, технологическим потенциалом недружественных иностранных государств, требуют от отечественной правоохранительной системы особого внимания к вопросам защиты несовершеннолетних, в частности, к

предупреждению вовлечения их в противоправную деятельность в интересах иностранного государства.

По данным ГИАЦ МВД России с 2020 по 2024 г. было зарегистрировано 6515 преступлений экстремистской направленности (в 2020 г. – 833, 2021 г. – 1057, 2022 г. – 1566, 2023 г. – 1340, 2024 г. – 1719) и выявлено 5089 лиц, их совершивших (в 2020 г. – 664, 2021 г. – 924, 2022 г. – 1078, 2023 г. – 1035, 2024 г. – 1387). Среди выявленных лиц число несовершеннолетних составляет 398 человек. При этом отдельно стоит отметить выявленные случаи вовлечения несовершеннолетнего лица в совершение преступлений экстремистской направленности. Так, по ч. 4 ст. 150 УК РФ зарегистрировано 21 преступление (в 2020 г. – 0, 2021 г. – 6, 2022 г. – 8, 2023 г. – 2, 2024 г. – 5)².

По данным Росфинмониторинга по состоянию на 2025 г. из 18650 человек, включенных в национальную часть Перечня террористов и экстремистов, лица младше 18 лет составляют 251 человек (от 14 до 15 лет – 51 человек, от 16 до 17 лет – 200 человек)³.

Деятельность МВД России в этой сфере является неотъемлемой частью общей стратегии по обеспечению безопасности и правопорядка в стране. Одной из ключевых задач, стоящих перед МВД России, является нейтрализация попыток иностранных государств использовать несовершеннолетних в своих целях.

В современных условиях глобализации и информационных технологий несовершеннолетние становятся уязвимой группой для вовлечения в противоправную деятельность в интересах иностранных государств. Развитие цифровых технологий открывает новые возможности для манипуляций, вербовки и идеологического воздействия на молодежь, что представляет серьезную угрозу для государственной безопасности.

Вовлечение подростков в такую деятельность может происходить через различные каналы и методы, от использования социальных сетей и мессенджеров до более традиционных подходов, таких как культурные обмены и финансовая мотивация. Для МВД России важно понимать и своевременно выявлять эти пути, чтобы эффективно противодействовать подобным угрозам и защищать несовершеннолетних от преступных манипуляций.

Как показывает практика, к наиболее распространенным способам вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность в интересах иностранного государства относятся:

- вовлечение родственником несовершеннолетнего лица в экстремистскую деятельность;
- вовлечение несовершеннолетнего лица под предлогом получения материальной или иной выгоды;
- вовлечение несовершеннолетнего лица путем пропагандистского воздействия на личность посредством сети «Интернет».

Эти способы становятся особенно опасными в сочетании с современными технологиями, которые дают доступ к огромному количеству информации и позволяют легко установить контакт с несовершеннолетними. Используя социальные сети, мессенджеры, форумы и игровые платформы, агенты могут незаметно влиять на сознание и поведение молодых людей, постепенно подводя их к выполнению заданий, которые служат интересам иностранных государств.

¹ О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента РФ от 17.05.2023 № 358 // Собрание законодательства РФ. 2023. № 21. Ст. 3696

² Статистика и аналитика [Электронный ресурс]. – <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 30.09.2025).

³ Перечень террористов и экстремистов (весь список) [Электронный ресурс]. – <https://www.fedsfm.ru/documents/terrorists-catalog-portal-act> (дата обращения: 03.10.2025).

Предупреждение вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность в интересах иностранного государства является важной задачей органов правопорядка. МВД России играет одну из ключевых ролей в выявлении и предотвращении таких угроз. Криминологические аспекты этой проблемы включают анализ специфики вербовки несовершеннолетних, выявление методов, используемых зарубежными разведками, и разработку эффективных профилактических мер. Важно учитывать, что работа по предупреждению вовлечения подростков в противоправную деятельность в интересах иностранного государства должна быть комплексной, включая мониторинг социально неблагополучных семей, образовательных учреждений, а также контроль за интернет-пространством.

Криминологический подход позволяет глубже понять причины и условия, способствующие вовлечению подростков в противоправную деятельность в интересах иностранного государства, и разработать более эффективные стратегии профилактики и пресечения таких преступлений.

К основным мерам, направленным на эффективное противодействие вовлечению несовершеннолетних в противоправную деятельность в интересах иностранного государства, относятся, прежде всего, профилактическая работа с несовершеннолетними, укрепление взаимодействия между органами правопорядка и образовательными организациями, разработка специальных программ для семей, мониторинг и контроль интернет-активности.

Усиление правоохранительных мер играет решающую роль в противодействии попыткам иностранных разведывательных служб вовлечь несовершеннолетних в противоправную деятельность. Одним из ключевых направлений является разработка и реализация оперативных мероприятий, направленных на выявление и пресечение таких действий.

Не менее важным аспектом является обучение и повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов, специализирующихся на работе с несовершеннолетними, методам противодействия иностранной разведывательной деятельности.

В рамках этого направления сотрудники полиции должны получать специализированные знания и навыки, связанные с современными методами вербовки, психологическими аспектами манипуляций и особенностями работы с несовершеннолетними жертвами таких воздействий. Курсы повышения квалификации, которые могут проводиться на базе образовательных организаций МВД России, должны включать практические тренинги, анализ реальных кейсов, а также изучение новейших технологий и тактик, используемых для противодействия «агентам влияния».

Повышение профессиональной компетенции сотрудников правоохранительных органов обеспечит более эффективное выявление и пресечение попыток вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность, а также поможет выстроить доверительные отношения с подростками, способствуя их защите от подобных угроз.

Противодействие этим угрозам должно включать не только оперативные меры, но и долгосрочные стратегии, направленные на укрепление социального иммунитета подростков к экстремистской идеологии. Важно не только оперативно реагировать на возникающие угрозы, но и формировать у молодежи устойчивую приверженность законности, уважению к правам и свободам других людей, а также высокие моральные и патриотические ценности.

Использованные источники

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // Собрание законодательства РФ. 2024. № 31. Ст. 4398.
2. О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях: Федеральный закон от 19.06.2004 N 54-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 25. Ст. 2485.
3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27 июля 2006 № 149-ФЗ : ред. от 08.08.2024 // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (часть I), ст. 3448.
4. О полиции : федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
5. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года : утв. Президентом РФ 28.11.2014 № Пр-2753. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru> (дата обращения: 26.08.2024).
6. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01 февраля 2011 № 1: ред. от 29 ноября 2016 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 4.
7. О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел и дел об административных правонарушениях, связанных с применением законодательства о публичных мероприятиях : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 28 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 8.
8. Андреев Б.В. Управляемая толпа (флэшмоб) как форма проявления экстремизма // Экстремизм: Социальные, правовые и криминологические проблемы. М., 2010.
9. Бааль Н.Б. Политический экстремизм молодежи как острейшая проблема современной России // Российский следователь. 2007. № 7. С. 26.
10. Баранов В.В., Захватов И.Ю. Перспективные направления противодействия экстремизму в сети интернет органами внутренних дел Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 4 (68). С. 70-79.
11. Большев Н.И. Противодействие экстремизму в сети Интернет: реализация норм доктрины информационной безопасности Российской Федерации // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2017. № 3-3. С. 252-255.
12. Зубок Ю.А., Федорченко С.Н. Политический флэшмоб – предвестник нового общества? // Проблемы анализа и государственно-управленческое проектирование. 2011. Выпуск 6. С. 24 – 30.
13. Павлова А. А., Григорьева Т. Г. Особенности профилактики молодежного экстремизма в сети Интернет // Право и государство: теория и практика. 2022. № 11. С. 243-245.
14. Рыжевалова А.Д. Профилактика экстремизма среди несовершеннолетних // Аллея науки. 2021. Т. 1. № 11 (62). С. 1173-1180.
15. Таков А. З. Распространение экстремистской идеологии в сети Интернет: проблемы обнаружения и меры противодействия // Журнал прикладных исследований. 2022. № 5. С. 196-199.
16. Тарчоков Б. А. Противодействие распространению экстремизма в сети Интернет // Образование и право. 2022. № 1. С. 186-189.
17. Харламова Д.А., Вихляев А.А. Мониторинг социальных сетей как способ противодействия вовлечению несовершеннолетних в экстремистскую деятельность и профилактика делинквентного поведения с их стороны // ВНЕшкольник. 2020. № 2 (194). С. 33 – 36.
18. Чуносков М.А. Направления противодействия распространения идеологии экстремизма среди несовершеннолетних // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8 (74). № 1. С. 198-202.
19. Яворский М.А., Гусева Е.В. К вопросу о противодействии экстремизму и распространению идеологии преступного мира в исправительных учреждениях для несовершеннолетних // Вестник Самарского юридического института. 2020. № 3 (39). С. 88 – 92.

Югай Людмила Юрьевна
доктор юридических наук, доцент
НИИ цифровой криминалистики
Правоохранительной академии Республики Узбекистан
Doctor of Law, Associate Professor
Research Institute of Digital Forensics of the Law Enforcement
Academy of the Republic of Uzbekistan

СИСТЕМА МЕР ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

*The system of cybercrime prevention measures:
theoretical and practical issues*

Аннотация. В статье исследуются проблемы предупреждения киберпреступности в условиях цифровизации. Уделено особое внимание вопросам совершенствования уголовного и административного законодательства, повышению ответственности субъектов финансово-банковской и телекоммуникационной сфер, внедрению антифрод-систем и механизмов межведомственного взаимодействия. На основе анализа зарубежного опыта сформулированы предложения по повышению эффективности в данной сфере.

Ключевые слова: предупреждение преступлений, цифровая безопасность, антифрод-системы; международный опыт, информационные технологии.

Abstract. The article investigates the challenges of cybercrime prevention in the digital age. Special attention is given to the improvement of criminal and administrative law, enhancing accountability of financial, banking, and telecommunications sector entities, deployment of anti-fraud systems, and inter-agency coordination mechanisms. Drawing on international best practices, the paper proposes recommendations for improving effectiveness in this domain.

Keywords: crime prevention, digital security, anti-fraud systems, international experience, information technology.

В условиях современного этапа цифровой трансформации киберпреступность выступает в качестве одной из наиболее значимых глобальных угроз. Интенсивное распространение сети Интернет среди населения, а также стремительное развитие цифровых технологий во всех сферах общественной и государственной жизни закономерно обуславливают рост рисков и увеличение числа противоправных деяний, совершаемых в цифровой среде. Согласно данным *Global Digital 2025*, на начало 2025 года в мире насчитывается 5,56 млрд интернет-пользователей, что соответствует уровню проникновения в 67,9%. А за 2024 год количество пользователей увеличилось на 136 миллионов (+2,5%) [1].

В соответствии с ежегодным отчетом о цифровом пространстве страны аналитической платформы *Datareportal Digital 2025: Uzbekistan* количество интернет-пользователей в Узбекистане достигло 32,7 миллиона человек, что составляет 89 % населения республики. По сравнению с предыдущим годом этот показатель увеличился на 626 тысяч пользователей [2].

В данных условиях вопросы предупреждения киберпреступности приобретают особую актуальность. В целях усиления соответствующих мер 30 апреля 2025 года было принято Постановление Президента Республики Узбекистан «О мерах, направленных на дальнейшее усиление деятельности по борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием информационных технологий» [3].

Указанный документ определяет необходимость комплексного подхода к противодействию киберпреступности, включая как правовые, так и организационные аспекты. В частности, согласно Постановлению до конца 2025 г. предусмотрена разработка проекта закона «О борьбе с киберпреступлениями, совершаемым с использованием информационных технологий», направленного на определение приоритетных направлений, механизмов взаимодействия и мер ответственности государственных органов, банков, операторов платежных систем и иных организаций.

Перечисленные организации являются одними из субъектов, протоколы деятельности которых, взаимодействие и оперативный обмен информацией между которыми напрямую формируют соответствующие условия и обстоятельства для совершения киберпреступлений.

По мнению А.А. Гаджиевой, пробелы и несовершенство уголовного законодательства не способствуют противодействию возможным современным общественно-опасным киберугрозам и их последствиям, что обуславливает необходимость совершенствования уголовного законодательства в сфере борьбы с киберпреступлениями [4, С. 116-120].

Согласно принятому Постановлению предусматривается установление уголовной и административной ответственности для «дропперов», допускаявших использование оформленных на них банковских карт, банковских счетов, SIM-карт, электронных кошельков и аккаунтов.

Кроме того, предусматривается определение использования информационных технологий в качестве обстоятельств, отягчающего ответственность.

Помимо правовых решений, важное значение имеет реализация комплекса организационных мероприятий. В частности, предусмотрена интеграция транзакций и иных данных банков, операторов платежных систем и кредитных организаций с Единой платформой Центрального банка.

Как отмечают А.В. Минаков и Н.Д. Эриашвили, исследование рисков в системе электронных платежей показывает тенденцию роста операций без согласия клиентов, сокращение доли возмещенного ущерба, рост мошеннических интернет-ресурсов, мошеннических телефонных номеров, рост компьютерных атак с использованием методов социальной инженерии и фишинговых атак [5, С. 274-281].

Учитывая эти обстоятельства, на наш взгляд, необходимо тесное взаимодействие банковских и электронных платежных структур с операторами связи, которые также должны принимать участие по выявлению мошеннических звонков. Постановлением Президента также предусмотрено внедрение мер по ограничению ложных звонков, используемых при совершении киберпреступлений.

Зарубежный опыт показывает положительную практику по блокировке транзакций при помощи электронных платежных систем во время телефонных переговоров. Это позволяет снизить риски использования социальной инженерии при реализации мошеннических схем. Например, в Индии, США, Канаде и других странах [6] используется практика маркировки телефонных звонков, позволяющая абоненту видеть с какой организации осуществляется данный звонок.

Кроме того, важное значение имеет зарубежный опыт использования антифрод систем операторами связи для недопущения использования технологии SIP-телефонии, которая

направлена на подмену телефонного номера и зачастую используется колл-центрами при совершении мошенничества. На сегодняшний день в Узбекистане поэтапно внедряется данная практика, что способствует формированию устойчивого механизма противодействия кибермошенничеству.

Вместе с тем, в соответствии принятым Постановлением Президента в целях усиления ответственности банков и платежных организаций за соблюдение политики информационной безопасности и требований кибербезопасности, Министерством внутренних дел внедряется практика обнародования по итогам каждого месяца перечня банков и платежных организаций, в системах которых зафиксировано наибольшее количество киберпреступлений (в результате уязвимости и недостатков).

В свою очередь, Центральный банк внедряет систему выявления признаков мошеннических схем («финансовых пирамид») или вызывающих подозрение случаев, направленных на привлечение денежных средств населения, путем ведения мониторинга транзакций физических и юридических лиц и оперативного оповещения правоохранительных органов о них.

Кроме того, на Кабинет Министров возлагается ежегодное утверждение комплексной пропагандистско-разъяснительной программы по повышению киберкультуры и формированию кибергигиены населения. Предусмотрено завершение внедрения централизованной антифрод-системы в Центральном банке и антифрод-систем (сессионных, транзакционных и телекоммуникационных) банков, операторов платежных систем и платежных организаций.

В заключение следует отметить, что преступность, в том числе в сфере информационных технологий, а также совершаемая с использованием информационных технологий, постоянно трансформируется и соответственно требует постоянного обновления средств и методов противодействия, среди которых важное значение имеют профилактические аспекты.

Исходя из мнения ученых, передового зарубежного опыта и правоприменительной практики считаем необходимым:

во-первых, совершенствование национального законодательства в сфере противодействия киберпреступности;

во-вторых, внедрить в обязанность операторов связи информировать банки о смене телефонных номеров лиц, входящих в реестр дропперов;

в-третьих, рекомендуется изучить возможность внедрения зарубежного опыта финансовой ответственности операторов связи за невыполнение обязательств по предупреждению телефонного мошенничества и др.;

в-четвертых, повышение уровня ответственности банков за допущенные киберпреступления, ставших возможными из-за недостаточного обеспечения мер кибербезопасности и т.д.

Использованные источники

1. <https://datareportal.com/reports/digital-2025-global-overview-report> (дата доступа: 10.09.2025).
2. <https://datareportal.com/reports/digital-2025-uzbekistan> (дата доступа: 10.09.2025).
3. Постановление Президента №ПП–153. «О мерах, направленных на дальнейшее усиление деятельности по борьбе с преступлениями, совершаемыми с помощью информационных технологий» от 30 апреля 2025 г. // Национальная база данных законодательства, 06.05.2025 г., № 07/25/153/0411.
4. Гаджиева А.А. Современная киберпреступность и проблемы её профилактики // Проблемы экономики и юридической практики. – 2023. – Том 19. – № 2. – С. 116-120.
5. Минаков А.В., Эриашвили Н.Д. Анализ рисков и безопасности электронных средств платежа // Образование. Наука. Научные кадры. – 2024. – № 1. – С. 274-281.
6. The Fight Against Robocall Spam and Scams Heats Up in India. URL: https://www.wired.com/story/india-robocall-spam-caller-id/?utm_source=chatgpt.com (дата доступа: 10.09.2025).

Ильницкий Александр Сергеевич
кандидат юридических наук
Краснодарский университет МВД России
Candidate of Legal Sciences
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

КРИМИНОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СУБКУЛЬТУРЫ «АНИМЕ» В СЕТИ ИНТЕРНЕТ И МЕХАНИЗМ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПРЕСТУПНОЕ ИЛИ СУИЦИДАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

*The criminogenic potential of the “Anime” subculture
on the internet and the mechanism of involving
minors in criminal or suicidal behavior*

Аннотация. В статье определены понятие и признаки субкультуры «Аниме». Установлена активная интеграция отдельных аниме-сообществ в киберпространство, выявлен их криминогенный потенциал. Представлены основные направления деструктивной и криминальной активности аниме-сообществ в сети Интернет. Описан механизм вовлечения несовершеннолетних в преступное или суицидальное поведение (интеграция в нейтральные фандомы, селективное перенаправление в криминальные среды, формирование криминогенных и суицидогенных качеств личности пользователя), разработаны основные направления антикриминальной практики в этой сфере.

Последнее десятилетие, характеризующееся динамичными научно-техническими, политическими и социальными трансформациями, оказало серьезное влияние на общественные отношения и межличностную коммуникацию: возникают новые области социального взаимодействия, изменяются «традиционные» духовно-нравственные нормы и ценности, трансформируется культура общественного взаимодействия, появляются новые социокультурные объединения. Наряду с конструктивными социально-культурными трансформациями, нередко происходят деструктивные преобразования. Одним из направлений таких преобразований являются изменение существующих и (или) формирование новых субкультур, многие из которых носят деструктивный или даже криминальный характер. Они оказывают влияние на воспроизводство преступности, способствуют формированию криминогенных и (или) виктимогенных качеств личности, участвуют в «запуске» механизма преступного поведения. Указанные тенденции криминальной субкультуры требуют постоянного криминологического анализа закономерностей их существования, развития и влияния на криминальную среду.

В криминологической науке не единожды определялись содержание, природа и закономерности влияния криминальных субкультур на преступность [1–3], указывалась высокая степень социально-политической значимости противодействия таким субкультурным группам [4], отмечалась необходимость установления социального контроля за новыми формами

субкультур, протестными по отношению к культуре, господствующей в обществе [5], предлагались отдельные меры противодействия им [6].

В целом криминологическая теория насыщена научной информацией о природе и содержании криминальной субкультуры, ее влиянии на преступность, а также мерах противодействия рассматриваемому явлению. Вместе с тем общественные трансформации бросают криминологической науке и антикриминальной практике новые вызовы. В качестве такого вызова следует отметить формирование современных субкультур, которые хотя и не могут считаться криминальными, но все же демонстрируют очевидную взаимосвязь с преступной деятельностью, становясь проводниками криминальной идеологии. Одной из таких субкультур является «Аниме».

Аниме как культурный феномен возникло в Японии. Сам термин появился от сокращения англ. animation – анимация. В настоящее время аниме стало значительной частью не только японской, но и международной культуры [7]. Содержание данной субкультуры в общем сводится к увлеченности ее представителей различными аниме, японской мультипликацией и японскими комиксами. «Аниме» следует относить к видам молодежной субкультуры. Анализ имеющейся научной информации об исследуемом явлении позволяет выделить следующие его признаки:

- ✦ наличие общих специфических интересов и уникальных ценностей (коллекционирование аниме, фигурок и постеров, рисование в стиле аниме, сочинение фанфиков, подражание аниме-героям и др.);
- ✦ использование специфического сленга в межличностной коммуникации представителей аниме-субкультуры (хикикомори, нормисы, кун, тян и т.д.);
- ✦ наличие атрибутивных элементов (одежда, прически, аксессуары и т.д.);
- ✦ направленность на объединение в неформальные группы и сообщества (поклонники аниме «Великий из бродячих псов», «Тетрадь смерти» и «Атака титанов», «Киберы» и др.).

В последнее время аниме-сообщества в значительной степени сконцентрированы в киберпространстве. Представители данной субкультуры активно создают собственные информационные ресурсы, распространяют в сети Интернет фан-арт, фанфики, видеозаписи, активно осуществляют межличностную коммуникацию. Наряду с «нейтральностью» субкультуры «Аниме», масштабы ее распространения и увлеченность несовершеннолетних данной тематикой нередко используются представителями спецслужб недружественных государств и криминальными элементами внутри для оказания криминального воздействия на молодых людей. Такое воздействие приобрело организованный и целенаправленный характер. Криминальными группами осуществляется распространение криминальной идеологии, реализуются механизмы последовательного вовлечения молодых людей в совершение преступлений и суицид, оказывается воздействие на формирование у них человеконенавистнического, экстремистского, криминального мировоззрения. С целью подтверждения данной гипотезы нами была предпринята попытка определения криминогенного потенциала данной субкультуры и установления механизмов вовлечения несовершеннолетних в преступное и (или) суицидальное поведение посредством существующих аниме-сообществ в сети Интернет.

Методологической основой исследования выступили традиционные для криминологической науки методы познания (опрос, наблюдение, контент-анализ и др.), а также современные методики изучения криминальных явлений, построенные на синтезе «традиционных» методов познания и информационно-телекоммуникационных технологий, позволяющих обрабатывать информационные потоки, а также получать релевантную тематике исследования информацию из открытых источников (OSINT-технологии).

Для определения криминогенного потенциала субкультуры «Аниме» было опрошено 86 сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД) из Брянской, Волгоградской, Курской, Саратовской, Томской, Челябинской областей, Еврейской автономной области, Чукотского автономного округа, а также республик Алтай, Карелия, Мордовия, Тыва, Хакасия и других регионов России. Опрос проводился посредством онлайн-сервиса для создания форм обратной связи «Google Forms». Преимущественными профессиональными категориями опрашиваемых стали сотрудники полиции, проходящие службу в подразделениях по противодействию экстремизму (16%), незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ (8%), а также участковые уполномоченные полиции и сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних (73%).

Респондентам предлагалось оценить, насколько, по их мнению, проблема влияния субкультуры «Аниме» на преступное и суицидальное поведение несовершеннолетних является актуальной. Значительная часть сотрудников органов внутренних дел (38%) считает, что исследуемая проблема является одной из масштабных и актуальных в современном обществе. Вместе с тем 32,4% опрошенных полагают, что, хотя влияние субкультуры «Аниме» на несовершеннолетних представляет собой серьезную проблему, её актуальность ниже по сравнению с другими криминальными проявлениями. Еще 25,4% респондентов указали, что данная проблема не является актуальной.

Следующий вопрос был сконструирован в открытой форме. Респондентам предлагалось на основании опыта служебной деятельности описать, как именно субкультура «Аниме» влияет на преступное и суицидальное поведение. Последующие обобщение и систематизация полученных от сотрудников ОВД данных позволили установить, что одним из наиболее популярных, по мнению специалистов, механизмов влияния является «подражание», т.е. копирование действий других людей, следование определенному образцу поведения, которое демонстрируется в аниме (32%). Наиболее популярные ответы респондентов сводились к тому, что подростки подражают деструктивным героям, перенимают модель их насильственного поведения, что формирует жестокость по отношению к себе и (или) окружающим.

Следующим по популярности механизмом воздействия субкультуры «Аниме» на поведение, по мнению опрошенных, является «заражение» (28%). Респонденты указали, что само по себе содержание отдельных аниме формирует у подростка тревогу, грусть, уныние, ненависть и другие эмоциональные состояния, в результате которых несовершеннолетний способен совершить преступление или суицид.

Третий по популярности механизм характеризуется созданием «закрытых» фан-сообществ в информационно-телекоммуникационной сети Интернет и последующим вовлечением подростков в совершение ритуалов, обрядов или иных действий, которые нередко приобретают преступный характер или связаны с различными формами самоповреждения. Такой механизм отметила незначительная категория специалистов (12%).

Далее респондентам было предложено на основе опыта служебной деятельности указать, насколько часто представители субкультуры «Аниме» совершают преступления и суицид. Обобщая полученные данные, следует отметить, что, по мнению 37,4% опрашиваемых, несовершеннолетние, совершившие преступления, часто или время от времени являются представителями субкультуры «Аниме»; 53,9% респондентов указали, что представители рассматриваемой субкультуры редко совершают преступления; 8,2% сотрудников затруднились ответить на данный вопрос.

По мнению 39,9% респондентов, представители субкультуры «Аниме» совершают суицид часто и (или) «время от времени». Более 48% респондентов считают, что представители

данной субкультуры редко совершают самоубийства, а 11,4% опрошенных затруднились ответить на поставленный вопрос.

Заключительный блок вопросов анкеты был направлен на то, чтобы респонденты отметили, какая часть несовершеннолетних, состоящих на учетах, приходится на представителей субкультуры «Аниме». Полученные в ходе исследования данные свидетельствуют о неоднородных представлениях респондентов. Так, 6% опрошенных указывают на чрезвычайно высокий показатель (от 80 до 90%), в то время как 14,7% оценивают данный показатель в пределах 30–50%. Около 11,4% специалистов полагают, что представители «Аниме» составляют 10–20% среди состоящих на учетах подростков. При этом 31% респондентов склонились к диапазону 3–9%, а 37% выразили уверенность в полном отсутствии несовершеннолетних представителей данной субкультуры на профилактических учетах. Таким образом, картина распределения мнений характеризуется значительной вариативностью показателей.

Наряду с итогами проведенного анкетирования сотрудников ОВД, отдельные причинные взаимосвязи субкультуры «Аниме» и преступного (суицидального) поведения демонстрируются по результатам контент-анализа и наблюдения за ресурсами информационно-телекоммуникационного пространства. Для получения релевантной информации об аниме-сообществах криминальной и (или) суицидальной направленности было составлено семантическое ядро (ключевые слова) и осуществлен автоматизированный поиск криминологически значимой информации посредством технологий искусственного интеллекта. В процессе проведения контент-анализа telegram-сообществ и включенного наблюдения были обнаружены 24 аниме-сообщества, пропагандирующих преступное и суицидальное поведение несовершеннолетних, а также идеализирующих нетрадиционные сексуальные отношения. Обобщая полученные в процессе исследования данные, можно выделить основные направления деструктивной и криминальной активности аниме-сообществ:

- ✦ вовлечение несовершеннолетних в суицид и пропаганда самоповреждений;
- ✦ публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и пропаганда экстремизма;
- ✦ распространение детской порнографии;
- ✦ пропаганда терроризма и вовлечение несовершеннолетних в террористическую деятельность;
- ✦ вовлечение несовершеннолетних в совершение отдельных общеуголовных преступлений против собственности (кражи, грабежи);
- ✦ вовлечение несовершеннолетних в наркооборот и наркопотребление;
- ✦ пропаганда ЛГБТ и педофилии среди несовершеннолетних;
- ✦ героизация маньяков и убийц.

Представленные направления деструктивной и криминальной активности аниме-сообществ в мессенджере Telegram не являются исчерпывающими. Для их выявления и разработки мер противодействия требуется углубленное исследование, основанное на применении современных криминологических методик и информационно-телекоммуникационных средств анализа информационных потоков [8, 9]. Вместе с тем полученная в ходе проведенного исследования информация уже сейчас позволяет установить механизм вовлечения несовершеннолетних в подобные сообщества и преступное (суицидальное) поведение. Остановимся на нем подробнее.

Механизм вовлечения несовершеннолетних в преступное и суицидальное поведение, опосредованный субкультурой «Аниме», характеризуется поэтапным вовлечением пользова-

телей: манипулятивным воздействием, последовательной сменой сетевых коммуникативных пространств, использованием методов целенаправленной рекламы и в последствии привлечением пользователей в сообщества криминальной (суицидальной) направленности.

На первой стадии происходит интеграция пользователя в условно-нейтральные тематические сообщества в мессенджере Telegram, посвященные конкретным аниме-фandomам. Здесь осуществляется первичная киберсоциализация через привычные формы коммуникации: обсуждение контента, обмен фанатскими продуктами (фанфики, арты), распространение релевантных ресурсов. Данные сообщества носят «нейтральный» характер, однако формируют специфическую среду и общие интересы, создавая основу для доверия к последующим перенаправлениям пользователей на иные ресурсы.

Вторая стадия – селективное (выборочное) перенаправление пользователей администраторами, модераторами или активными участниками. Здесь используются методы целенаправленной рекламы, «сарафанного радио» или скрытого продвижения (например, через «сливы» контента) для привлечения аудитории в сообщества с заведомо криминальной или суицидальной направленностью. Такие сообщества (содержание телеграмм-каналов) характеризуется непрерывной пропагандой антиобщественных, криминальных и суицидальных норм, традиций и практик, выраженных в том числе через применение агрессивной и нецензурной лексики, сленга, служащих маркерами групповой принадлежности и инструментами шокового воздействия.

Следующая стадия характеризуется погружением и далее формированием криминогенных и суицидогенных качеств личности пользователя посредством информационно-психологического воздействия агрессивной информационной среды. На этом этапе происходят постоянная демонстрация криминогенного контента, межличностная коммуникация и обмен деструктивными и криминальными практиками, которые: нормализуют противоправные деяния и аутоагрессию через их тривиализацию и романтизацию, содержат прямые призывы к совершению преступлений или актов самоповреждения, суицида, непрерывно представляют ссылки на ресурсы, формируя «воронку вовлечения».

Механизм вовлечения несовершеннолетних в преступное или суицидальное поведение посредством телеграмм-сообществ аниме-направленности представляет собой сложную систему криминальной киберкриминализации с помощью «нейтральных» аниме-сообществ и увлеченности несовершеннолетних пользователей аниме. Последовательная эскалация деструктивности коммуникативных сред, подкрепленная агрессивной нормализацией преступного и (или) суицидального поведения через специфический язык (включая нецензурную и шокирующую лексику) и систематическую рекламу таких сообществ, ведет к формированию криминогенных качеств личности и усилению возможного криминального (суицидального) поведения пользователя.

Перспективным направлением противодействия рассматриваемым угрозам можно назвать деятельность субъектов профилактики по следующим направлениям: активизация блокировки криминальных и суицидальных аниме-сообществ, осуществление антикриминальной пропаганды [10], повышение квалификации субъектов профилактики и формирование у них профессиональных компетенций в сфере противодействия влиянию субкультуры «Аниме» в сети Интернет на преступное (суицидальное) поведение несовершеннолетних.

Особую актуальность в этом контексте приобретает повышение квалификации субъектов профилактики и формирование у них профильных компетенций. Важно отметить, что практический опыт реализации образовательных программ в данной сфере уже нарабатывается. Так, в Краснодарском университете МВД России успешно реализуется программа

повышения квалификации руководящего состава и сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних и по противодействию экстремизму территориальных органов МВД России по теме «Молодежные движения антиобщественной направленности в сети Интернет» [11]. В процессе реализации программ сотрудники формируют навыки диагностики и мониторинга социальных сетей и мессенджеров на предмет выявления криминальных сообществ (включая аниме-сообщества), умения в сфере организации и осуществления профилактических мероприятий с лицами, демонстрирующими признаки вовлечения в рассматриваемые сообщества, а также учатся реализовывать технологии предупреждения преступлений несовершеннолетних.

Таким образом, результаты исследования подтверждают наличие существенного криминогенного потенциала субкультуры «Аниме» в цифровой среде, проявляющегося в системном вовлечении несовершеннолетних в преступную и суицидальную деятельность преимущественно через отдельные сообщества мессенджера Telegram. Обилие подобных сообществ, дифференциация криминальной активности (например, вовлечение несовершеннолетних в совершение отдельных общеуголовных преступлений против собственности, распространение детской порнографии, героизация маньяков и убийц и др.), а также установленный трехэтапный механизм киберкриминализации (интеграция в нейтральные фандомы, селективное перенаправление в криминальные среды, формирование криминогенных и суицидогенных качеств личности пользователя) наглядно демонстрируют высокую степень организованности подобных сетевых объединений криминальной направленности. Представленная информация способна существенно обогатить криминологическую теорию в области современных киберугроз, а также способствовать развитию антикриминальной практики субъектов предупреждения преступлений.

Использованные источники

1. Пирожков В.Ф. Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура). Тверь, 1994.
2. Грибанов Е.В. Криминологические аспекты изучения культуры. Воронеж, 2012.
3. Грибанов Е.В. Преступность несовершеннолетних в контексте культуральной криминологии. Краснодар, 2017.
4. Хисамутдинов Ф.Р., Шалагин А.Е. Криминальная субкультура и ее предупреждение // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2015. № 2(20). С. 46–52.
5. Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции и других «отклонений». 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2007.
6. Бабанина Д.В. Противодействие криминальной субкультуре в среде несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2023.
7. Саградова Т.Г. Влияние современной сетевой субкультуры «аниме» на сознание несовершеннолетних // Российский девиантологический журнал. 2023. Т. 3, № 4. С. 394–402.
8. Соловьев В.С. Криминогенный потенциал социального сегмента сети Интернет: методика оценки и меры нейтрализации. М., 2017.
9. Ильницкий А.С. Криминальная идеология в сети Интернет: методология и методика криминологического исследования // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 2(57). С. 52–60.
10. Грибанов Е.В. Теоретические основы антикриминальной пропаганды // Общество и право. 2023. № 2(84). С. 9–14.
11. Грибанов Е.В., Ильницкий А.С. Дополнительная профессиональная программа «Повышение квалификации руководящего состава и сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних и по противодействию экстремизму территориальных органов МВД России по теме "Молодежные движения антиобщественной направленности в сети Интернет"». Краснодар, 2024.

Хамзяева Юлия Радиковна
кандидат юридических наук
Казанский юридический институт МВД России

*Candidate of Legal Sciences
Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГАРМОНИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ОРГАНИЗАЦИИ ДОГОВОРА О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

*Criminological aspects of the harmonization of criminal legislation
in the field of countering terrorism of the member states
of the Collective Security Treaty Organization*

В современном мире одной из наиболее опасных угроз безопасности отдельных государств, региональным конгломератам стран и мировому сообществу в целом является терроризм. Непокойная обстановка, связанная с террористическими проявлениями, наблюдается на территории государств СНГ, особенно в Центральной Азии. Прежде всего террористы хотят захватить власть в Таджикистане, Узбекистане и Туркменистане и включить их в так называемый всемирный халифат. Проблема терроризма значима и для иных государств, находящихся на территории СНГ, в том числе входящих в ОДКБ: Казахстана [1], Кыргызстана [2], Беларуси [3] и других. В настоящее время в состав ОДКБ входят 6 государств: республики Армения¹, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Российская Федерация, для большинства из которых проблема терроризма является актуальной.

Каждое государство-член ОДКБ на территории своей юрисдикции использует национальное антитеррористическое законодательство. Базовые основы антитеррористической деятельности государств ОДКБ закреплены в законах, которые называются по-разному: «О противодействии терроризму» в Республике Казахстан, Кыргызской Республике, Российской Федерации и «О борьбе с терроризмом» в Республиках Армения, Беларусь, Таджикистан [4].

«Унификация уголовного законодательства и криминологической профилактики в противостоянии транснациональной преступности предполагает четкое законодательное определение понятий и терминов» [5], поэтому одним из центральных мест в унификации антитеррористического законодательства государств – членов ОДКБ является разработка и закрепление в правовых актах единого понятия терроризма. Анализ правовых актов показывает, что в рамках Организации отсутствует единообразно выработанное и

¹ В настоящее время членство приостановлено

документально закрепленное общепризнанное определение терроризма, а дефиниции терроризма, содержащиеся в национальных законах «О противодействии терроризму» («О борьбе с терроризмом»), хотя и основаны на осуждении любых его проявлений, в ряде случаев являются нечеткими, неоднозначными и противоречивыми.

Как идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения государственными органами, органами местного самоуправления или международными организациями определяют терроризм законодательные акты «О противодействии терроризму» Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Российской Федерации. Понятие, представленное в законе России, полностью соотносится с понятием, изложенным в Модельном законе СНГ «О противодействии терроризму». Закон Республики Казахстан данное понятие дополняет угрозой совершения насильственных и (или) иных преступных действий, а также совершенно справедливо выделяет цель – причинение ущерба личности, обществу и государству. Законодатели Кыргызстана в качестве способа воздействия на принятие решений указали на насильственные или иные преступные действия, либо призыв к таким действиям, а в качестве цели дополнительно выделили подрыв конституционного строя государства. Хотя до 2 августа 2016 г. понятия терроризм и преступления террористического характера соотносились в законодательстве Кыргызстана как часть и целое соответственно, что противоречило логике [6].

Закон Республики Таджикистан «О борьбе с терроризмом» содержит отдельную ст. 3 «Понятие терроризма» и дает нецелесообразно широкое толкование терроризма, первая часть которого содержит в себе признаки терроризма, а вторая перечисляет составы преступлений, подпадающие под соответствующие статьи УК республики.

Законодатели Республики Армения не включили в Закон «О борьбе с терроризмом» понятие «терроризм», но дали определение террористической акции, террористической деятельности и борьбы с терроризмом.

Проведенный сравнительный анализ дефиниций терроризма указывает на наличие «терминологической разногласности», «пагубно сказывающейся на правоприменительной практике» [7]. Терроризм – это, прежде всего, явление, основанное на определенной идеологии, выражающееся в совершении противоправного насилия и имеющее политические цели. Акцент внимания на терроризме как социально-политическом и криминальном явлении необходим с целью обозначения его как объекта криминологического противодействия, так как именно «криминологию можно рассматривать как науку о преступности» [8].

Использованные источники

1. Калдыбек А. и др. Терроризм и насильственный экстремизм в СНГ на примере Республики Казахстан // Постсоветские исследования. – 2021. – Т.4. - № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/terrorizm-i-nasilstvennyy-ekstremizm-v-sng-na-primere-respubliki-kazakhstan/viewer> (дата обращения: 25.09.2025).
2. Рахимов К.Х. Деятельность религиозного движения «Таблиги Джамаат» в Кыргызстане // Постсоветские исследования. – 2023. – Т.6. № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-religioznogo-dvizheniya-tabligi-dzhamaat-v-kyrgyzctane/viewer> (дата обращения: 25.09.2025).
3. Васин А.А. и др. Проблема терроризма в Республике Беларусь // Постсоветские исследования. – 2023. – Т.6. - № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-terrorizma-v-respublike-belarus/viewer> (дата обращения: 25.09.2025).

4. О борьбе с терроризмом: закон Республики Армения от 19 апреля 2005 г. № ЗР-79. – URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=2282&lang=rus> (дата обращения: 16.02.2017); О борьбе с терроризмом: закон Республики Беларусь от 3 января 2002 г. № 77-3. – URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=1891 (дата обращения: 25.09.2025); О противодействии терроризму: закон Республики Казахстан от 13 июля 1999 г. № 416-І. – URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1013957#sub_id=40200 (дата обращения: 25.09.2025); О противодействии терроризму: закон Кыргызской Республики от 8 ноября 2006 г. № 178. – URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1971> (дата обращения: 25.09.2025); О противодействии терроризму: федеральный закон Российской Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2006. – № 11. – Ст. 1146. Доступ из справочной правовой системы «Консультант Плюс»; О борьбе с терроризмом: закон Республики Таджикистан от 16 ноября 1999 г. № 845. – URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?Rgn=2195 (дата обращения: 25.09.2025).
5. Кузнецова Н.Ф. О международном уголовном праве // Пробелы в законодательстве и пути их преодоления: сб. науч. стат. по итогам Междунар. науч.-практ. конф., 14-15 сент. 2007 г. / под науч. ред. С.В. Изосимова, В.И. Кандыгина, А.Ю. Чупровой. – Н. Новгород: Нижегород. акад. МВД России, 2008. – С. 318.
6. Изменения в Закон «О противодействии терроризму» и Уголовный кодекс внесены Законом Кыргызской Республики от 2 августа 2016 г. № 162 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты в сфере противодействия терроризму и экстремизму». – URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111441> (дата обращения: 25.09.2025).
7. Баранов В.М., Пшеничнов М.А. Гармонизация законодательства России: философский и правовой аспекты // Философия права. – 2000. – № 1. – С. 50.
8. Антонян Ю.М. Криминология: учебник для бакалавров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2012. – С. 14.

Ollamov Yarash Yo'ldoshovich
 Candidate of Legal Sciences, Associate Professor
 Research Institute of Criminology of the Republic of Uzbekistan
 yuridik fanlar nomzodi, dotsent
 O'zbekiston Respublikasi Kriminologiya tadqiqot instituti

HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF CORRUPTION

Korrupsiyaning tarixiy va huquqiy jihatlar

Abstract. The article highlights the historical and legal aspects of the phenomenon of corruption based on national and foreign sources. The process of corruption development in society, on the one hand, and the evolutionary development of anti-corruption activities, on the other hand, are described. Also, the views of thinkers on the issue of combating corruption, the ideas of combating corruption in various religious teachings are highlighted with examples.

Keywords: corruption, instinctive and situational forms of corruption, bribery (as one of the forms of corruption), "lixoimstvo" (extortion), "mzdoinstvo" (bribery), Hammurabi's Law, the greatest monument of Roman law - the Law of the Twelve Tables, the teachings of Zoroastrianism and its sacred book "Avesta", the Dvina Charter.

Annotatsiya. Maqolada korrupsiya hodisasining tarixiy-huquqiy jihatlar milliy va xorijiy manbalar asosida yoritiladi. Jamiyatda, bir tomondan, korrupsiyaning rivojlanishi jarayoni, ikkinchi tomondan, unga qarshi kurashish faoliyatining evolyutsiyaviy rivojlanishi masalalari bayon etiladi. Shuningdek, korrupsiyaga qarshi kurashish masalasida mutafakkirlarning qarashlari, turli diniy ta'limotlarda korrupsiyaga qarshi kurashish g'oyalari misollar bilan yoritiladi.

Kalit so'zlar: korrupsiya, korrupsiyaning instinktiv va vaziyatli shakllari, poraxo'rlik (korrupsiya shakllaridan biri sifatida), "lixoimstvo" (tovlamachilik), "mzdoinstvo" (poraxo'rlik), Hammurabi qonuni, Rim huquqining eng katta yodgorligi – o'n ikki jadal qonuni, Zardo'shtiylik ta'limoti va uning muqaddas kitobi "Avesto", Dvina ustav gramotasi.

The emergence of the phenomenon of corruption is inevitably connected with the class formation of society, the formation of the state and law, which, in turn, led to the emergence of a group of people performing power functions [1]. "... It is known from centuries of experience that everyone who has power is inclined to abuse it and continues in this direction until a certain limit is reached" [2]. Numerous written records from past eras indicate that the phenomenon of corruption has existed for many millennia [3].

The history of corruption can be traced back to the habit of a person giving gifts in order to obtain a certain incentive [4]. In the primitive communal system, it was customary to give such gifts to a priest or chief (tribal leader). Such gifts (gifts, presents) distinguished such a person among other "petitioners", contributing to the resolution of all his subsequent issues. The history of corruption stems from tribal relations, which have instinctive and situational forms. The instinctive form of corruption manifested itself in the sense of self-preservation and defense of primitive people, who,

striving for survival, gave their tribal leader various gifts, clothing, and the best food. The situational form of corruption was expressed in the tribal chief's good attitude towards flatterers and givers, as this contributed to the growth of his power and authority. Thus, the most destructive and negative phenomenon in the history of human civilization - corruption, that is, the norm of behavior based on mutually beneficial agreements between "givers" and "recipients" arose. This pacified not only clan or tribal leaders, that is, "the powerful of this world", but also gods and spirits who demanded sacrifices. Regarding such a mutually beneficial agreement, the ancient Greek philosopher Euripides asserted that sacrifices also make the gods obedient [5].

The term "corruption" (Latin "rupio") means the direct use by an official of rights related to their position for personal enrichment, that is, the bribery of officials, political figures.

The earliest mentions of corruption are found in various sources of antiquity, for example, in the second half of the 24th century BC, the first anti-corruption state of Lagash - the ruler of the city of Sumer, Urukagin, encountered corruption of judges and officials, that is, abuse of office. The ruler Urukagin reformed state administration against abuse of office by judges and other officials and strengthened penalties for corruption crimes. The rulers of other states faced similar problems.

In the 5th-2nd centuries BC, archival documents of Ancient Greece, as a phenomenon of corruption, included actions contrary to the rules of conduct established in society (immorality of youth), as well as some offenses punishable by the court. In the 4th century BC, in the treatise "Arthashastra" ("Science of Politics"), published by one of the ministers of Bharat (India) (under the pseudonym Kautili), as well as in many other sources, notes about corruption have been preserved. He identified more than 40 types of embezzlement of state funds and proposed severe punishments, including the death penalty, for embezzling royal property. The conclusion drawn by the vizier was very clear, according to which "the royal property, at the very least, cannot exist without the misappropriation of this property by the administrators"[6]. In particular, an acute problem of corruption has arisen in the activities of judges and officials, as a result of which issues have begun to be resolved outside the legal field. The relevance of this aspect was so important that leading religions, among all types of corruption, primarily condemn the corruption of judges as follows: "do not accept gifts, for gifts make the blind see and turn the work of justice" [7]. Often, punishments for corruption were harsh, but at the same time had an educational character. For example, the Persian king Cambyses learned that the king's judge Sisamn was taking bribes when resolving court cases. King Cambyses ordered the judge to be skinned and executed, and in his place appointed Judge Otan, son of Sisamn, and instructed him to perform his functions properly [8]. However, the tightening of punishments for corruption and cruel punishments did not lead to the desired results, the ruler managed to prevent only the most serious crimes, but the level of petty theft and bribery remained high [9].

Corruption flourished in the Roman Empire with its extensive bureaucratic apparatus. Regarding government officials, it was said that "he came to a rich province poor and left a poor province rich"[10]. Information about bribery is also recorded in the "Law of the Twelve Tables" of Ancient Rome (5th century BC). Indeed, as soon as the first socio-organizational forms appeared, bribery as a means of influencing them was tested to win them over. Over time, bribery began to penetrate all important government structures. The widespread prevalence of corruption has even led to the collapse and disappearance of some states. The famous Roman statesman and military commander Julius Caesar devised very severe punishments for bribery of officials. Nevertheless, it should be noted that the influence of corrupt actions of officials ultimately led to the collapse of the Roman Empire. The Romans regularly bribed the Goths and Vandals so that they would not attack on the eve of the empire's collapse. Nevertheless, the barbarians conquered the strongest state of antiquity.

The earliest mention of corruption in the civil service system, reflected in the archives of Ancient Babylon, the oldest known monument of statehood, dates back to the second half of the 24th century BC. Documents discovered during archaeological research testify to the mass manifestations of corruption in Jerusalem in the post-Babylonian period of the Jews in 597-538 BC. Official corruption is also mentioned in Hammurabi's famous Laws [12]. The rulers of Ancient Egypt faced similar problems. The ancient Greek philosophers Plato and Aristotle repeatedly reminded in their works that abuse of power and bribery lead to the disruption and destruction of the economic, political, and spiritual life of society. For example, Aristotle, in his work "Politics", points to corruption as an important factor that, if it does not lead to the destruction of the state, then at least leads to its degradation. An example of such a breakdown is the transformation of monarchy into tyranny, that is, tyrannical rule. In Aristotle's works, the form of government is usually translated as corruption - "wrong", "corrupted" [13]. Aristotle considers the fight against corruption as the basis for ensuring the stability of the state: "The most important thing in the construction of any state is to organize work through laws and other regulations so that officials do not receive free income..." "Only state structures that pursue common interests are considered correct in accordance with strict justice" [14]. Aristotle, in particular, proposed a measure that could still be effective today - a ban on one person holding several positions in the state at the same time [15].

Some of Aristotle's recommendations were implemented in the life of ancient Athens and were later noted by Hegel as follows: "In Athens, there was a law requiring every citizen to report on what funds they live on; now it is considered that no one needs this" [16]. In Roman law, the term "corrumpere" ("corruption") meant "to destroy", "to derail", "to cause harm", "to falsify instructions", and at the same time, to win over the judge (preter) by bribery.

Corruption is also mentioned in the greatest monument of Roman law - the Law of the Twelve Tables: (Table IX. 3. Avl. Helius, Ancient Nights, XX.17: "Do you really consider the law on the death penalty of a judge or judge appointed to consider a case and who has taken a bribe to be severe (cruel)" [17].

The issue of corruption and bribery is condemned in all religions. For example, in the Bible, the holy book of Christians, corruption is described as follows: "gifts and gifts blind the eyes of the wise..." (Eternal Testament. Book of Wisdom of Jesus, son of Sirach, 20, 29); "Woe to those who justify the guilty for gifts and deprive the just of what is permissible" (In the Book of the Prophet Isaiah 5, 23) [18]. Also, in this book, a father advises his son about corruption: "Do not be a hypocrite in front of others and be mindful of your own mouth... Don't let your hands reach for the reception... Do not do evil, and evil will not befall you; stay away from injustice, and it will turn away from you... Don't demand to be a judge so as not to be afraid of some powerful person and not to cast a shadow on your righteousness... so as not to be unable to crush injustice..." [19]. From the description of these instructions, it is not difficult to understand that at that time there were enough cases of bribery of judges and unfair justice.

The topic of corruption and bribery is also encountered in the teachings of Zoroastrianism and its sacred book "Avesta". For example, it is written that "one who cannot overcome and restrain his desires cannot triumph over anything" [20].

The topic of corruption is also found in the Muslim religion. For example, in the "Islamic Encyclopedia", the word "halal" ("free", "unbound", "untie the knot") is defined as permission; permissible actions included in the concepts of fard, mandub, and mubah; the opposite of forbidden actions (haram). Things that Allah has permitted are called "halal" in Sharia. Believing Muslims are commanded to earn halal sustenance, earn an honest living, and consume halal food and drinks. Everything permitted in our Sharia, food to eat, or work to be done is considered halal. Things that

Allah has made permissible are not devoid of material and spiritual benefits for humans. Things and actions that Allah the Almighty has forbidden are considered forbidden in Sharia. Engaging in forbidden acts or consuming forbidden food is considered a grave sin.

In the countries of Central Asia, primarily in ancient China and Japan, corruption was distinguished by certain peculiarities. In many ways, these peculiarities are determined by prevailing religious beliefs. Thus, Confucianism defined the state as a "large family", where giving gifts to "elders" became the norm of behavior and was a specific part of the ancient Chinese tradition [21]. In China, the guidelines of social construction, that is, the Confucian system of "guanxi" (connections, relationships), were built on the basis of the family (clan community) principle, unofficial social connections [22].

In the Middle Ages, the concept of "corruption" acquired church significance. In Catholic theology, according to the words of the Apostle John, "sin is lawlessness", corruption was considered a manifestation of sinfulness. By this time, the Catholic Church itself, which dominated Europe, had become the center of corruption. The practice of forgiving sins and trading with a decree (permission) issued by the Pope at the same time, the granting and bribery of the church *rōtbası* (position, title, rank) contradicted not only the foundations of the main church doctrine, but also the teachings of the Christian religion, which in the modern sense was corruption. A complete picture of the morality of those who ruled over the Catholic clergy is given in the works of N. Machiavelli [23]. It is characteristic that many of his views on this problem are still very relevant today. It's enough to recall his metaphorical comparison of corruption to a "whole", "which is difficult to detect at first, but easier to treat". It is enough to recall his metaphorical comparison of corruption with "a chachat", "which is difficult to detect at first, but easier to treat", if it is omitted, "which is easy to detect, but difficult to treat" [24].

The subsequent periods of Western European history were also accompanied by the development of corruption relations. The existence of corruption in the life of society is reflected not only in historical documents, but also in Shakespeare's "The Merchant of Venice", Chosar's "The Canterbury Tales", Dante's "Hell" and "The Sorcerer", and other literary works. The history of the Russian state is closely connected with the traditions of the society that prevailed in the 9th-10th centuries, when the bribery of the boyars [25] and other officials and the "breeding" system that helped it, as well as the complete disenfranchisement of the lower classes, became a true national catastrophe [26]. To ensure uniform tax rates for all government officials, the "Russian Truth" established its amount.

In Russian, corruption and bribery (as one of the forms of corruption) are denoted by the terms "lixoimstvo" [27] and "mzdoinstvo" [28]. In the explanatory dictionary of V.I. Dall, "lixoimstvo" (extortion) - "to receive gifts, to take a bribe; a corrupt person, that is, a person bought with a bribe", "mzdolyubiye" (bribery) - a bribe-taker, extortionist, recipient of gifts and fees, payment or giving a gift to an official or recruiting him for a bribe for illegal work, buying; "lixoimes - greedy extortionist, bribe-taker" [29].

In Ancient Rus', "bribery", that is, corruption in the form of illegal remuneration, is first mentioned in Russian chronicles in the 13th century. Intentional abuses in public service arose with the emergence of administrators (chiefs, princes) and judges as a means of influencing their fairness and conscientiousness in resolving various issues.

Bribery was also mentioned in the 14th-century "Dvina Charter of 1397" [30]. Numerous historical and literary sources testify to the widespread corruption in Russia. For example, Ivan III legally restricted corrupt activities. During the reign of Ivan IV, according to the 1550 "Sudebnik" and the 1561 "Judicial Charter", bribery (*mzdaimstvo*) was recognized as a crime, for which temporary and life imprisonment, as well as the death penalty, were provided [31].

In the "Regulations" of 1649, for the first time, the crime was classified and divided into two groups. The first group consists mainly of crimes committed by officials of judicial bodies. The second group consists of official crimes and crimes against the rights and lives of individuals. For official crimes, punishments were also established for the lower apparatus - bailiffs, i.e., "weekenders" [32] and "selovalniki" [33]. In cases of illegal levies and repeated offenses, they were punished with flogging and removed from their posts.

In 1714, a decree on the Fixals [35] was issued. They were obliged to take measures to combat the embezzlement of state property and bribery. In practice, the officials are part of the bureaucratic apparatus, and the tasks assigned to them have not always been adequately fulfilled.

The prevalence of bribery in Russia was so great that by decree of Peter I dated August 25, 1713, the death penalty was imposed on bribe-takers. However, this punishment did not frighten those who plundered state property. To imagine the extent of the treachery of Russian officials, it is enough to recall such historical figures as the Siberian governor Gagarin, who was killed during the reign of Peter I, the corrupt and treasury thief Prince A. D. Menshikov, an associate of Peter I, as well as dyaks and dyak assistants before Peter and department heads of subsequent periods.

In January 1722, Peter I issued a decree establishing the position of General (General) Prosecutor. According to the decree, the Senate and Synod Prosecutors-General, as well as the prosecutors of the collegium and provinces, were directly subordinate to the Prosecutor General. The Prosecutor General was to exercise general supervision over the legality and implementation of the decrees and orders of the Emperor and the Senate [36]. This decree is also aimed at combating the embezzlement of state property by officials, bribery, and other abuse of office.

Peter I was the first statesman to establish a systematic fight against corruption. It not only strengthened criminal-repressive measures in the fight against corruption, created special regulatory bodies, but also tried to solve problems by stabilizing the number and specific structure of government bodies, the powers and salaries of all officials.

In Russia, Catherine II, Alexander I, Alexander III, and other tsars continued the policy of Peter I. For example, during the reign of Catherine II, prosecuted bribe-takers (mainly from the highest provincial administration) were published in newspapers for general information [37].

In the plan to combat corruption and bribery, the official information (letter) sent to Emperor Nicholas I in August 1827 entitled "The Highest Established Committee for the Consideration of Laws on Hooliganism and the Provision of a Preliminary Conclusion on Measures to Eliminate this Crime" is very interesting. This document thoroughly examines the causes of the spread of corruption relations in the state apparatus, provides a classification of forms of corrupt behavior, and proposes measures to combat bribery.

In particular, this letter mentions that the main reasons for bribery are "a shortage of just people, a tendency towards greed, constant dissatisfaction with their married life, insufficient funds for their maintenance... low salaries of officials, the lack of any opportunities to meet the needs of everyday life and raise children, the absence of first aid when appointed to the first service or at least some material assistance when their daughters get married". This forces officials to violate laws in all cases for their malicious purposes, in a word, to encourage bribery from the authority entrusted to them.

Forms of corrupt behavior, in particular bribery, are characteristic. They are diverse, for example, offering gifts, promises, bribes, various services to their sponsors, making offers on things of interest (enviable), determining the inclinations of judges and finding their acquaintances, buying a relative, friend, or "benefactor", "benefactor" if they personally cannot "grease their mouth" and so on. Objective laws show that where there is private interest, there are also various abuses.

Among the measures to combat corrupt actions of officials are, first of all, the prompt

development and publication of a code of laws; the abolition of laws that contain norms that compel bribery, create pressure, and deliberately delay; the establishment of salaries in all spheres of public administration in proportion to the needs of the population; the imposition of just punishment on persons who have committed crimes; ensuring the full and strict implementation of laws and other regulatory legal acts; limiting the bureaucratic influence of the judiciary in public administration; ensuring openness in the judicial process, and a number of other issues have been repeatedly proposed. Nevertheless, these recommendations were largely not implemented, and the apparatus of officials was further mired in corruption. The norms of behavior prevailing in the circle of officials, including corrupt actions and their participants, are reflected not only in historical documents, but also in the works of the great Russian writers N.V. Gogol, M.E. Saltykov-Shchedrin, I.I. Lazhechnikov, A.V. Sukhovo-Kobelin, A.P. Chekhov, and many other thinkers.

Since ancient times, there have been three forms of corruption in Russia - "respect", payment of expenses, and payment for promises (bribery) [38]. Gifts (gifts) in the form of "showing respect" to someone expressed respect for the person who deserved it. The significance of "showing respect" was also manifested in the custom of giving bread and salt to a respected person, especially a high-ranking official. But in the 17th century, "respect" increasingly began to have the meaning of allowing bribery. And, of course, in Russia, bribery flourished on the basis of the practice of "respecting" officials [39].

Another form of respect for officials is related to the costs of management and registration. The income of officials in the form of remuneration for management and registration work was taken into account when determining their salaries: if the order contained a large amount of work and it could be "fed", then less was paid. That is, the practice of "feeding from work" in the 17th century was part of the state system for the maintenance of officials, that is, keeping them at work.

The third form of corruption is "payments" that is, taking bribes for committing illegal actions and resolving a case positively. Often, "payments" were made for the services rendered, which were expressed in the management and registration of cases, and therefore the boundary between these two forms of corruption (washed out) is practically indistinguishable [40].

In 1832, at the behest of Nicholas I, the Senate issued a decree prohibiting leaders in the public administration system from accepting gifts from members of society [41].

In order to strengthen and regulate anti-corruption measures, the government of Nicholas I took measures to regulate disciplinary sanctions aimed at increasing the responsibility of civil servants. This was reflected in the Code of Laws of the Russian Empire of 1832 and the Statute of Criminal and Corrective Punishments of 1845.

In the "Regulations" of 1845, a special chapter on bribery and extortion was introduced, in which bribery was classified as a criminal act. According to the "Regulation", if an official received a bribe without violating the law and official duties, they were punished with a fine of double the value of the gift or dismissal from office. Bribery associated with violations of laws and official duties was classified as abuse of power and prosecuted [42]. The subject of these offenses was an official, but the "Regulation" did not contain the concept of such a subject. The subject of this crime could be an official, or the guilty official, or a person in state or public service, etc. In legislation, legal literature, and judicial practice, the concept of "subject" is expressed in this way, or officials equated to them are recognized as the subject of this crime "based on the nature of their obligations" [43].

In the first half of the 19th century, the object of official crimes was considered by most lawyers as a violation of one's official duties. However, in the second half of the 19th century, views on the object of encroachment changed: the object of these crimes began to be considered as legal privileges that an official could dispose of due to the authority granted to him by law. It should be noted that the

problem of corruption arose in Russia simultaneously with the establishment of statehood: neither a systematic approach to this problem, nor the expansion of the range of subjects of corruption crimes in the 19th century, could lead to the eradication of bribery and extortion.

Until the beginning of the 20th century, the term "corruption" was not used in Russian legislation. In 1913, A.Ya. Estrin introduced the scientific definition: "Corruption is the bribery and extortion of state officials, officials, as well as political and public figures in general" [44].

During the formation of Soviet power, despite the strictness of criminal norms, corruption persisted in the judicial system and law enforcement agencies.

The Decree of the Council of People's Commissars "On Bribery" of May 8, 1918, became the first legal document in Soviet Russia providing for criminal liability for this crime, punishing with imprisonment for a term of at least five years (including forced labor).

In addition to those guilty of bribery, it was determined that all employees involved in the bribery, intermediaries, instigators, and those involved in the bribery will also be punished. The class approach also did not go unnoticed, stipulating that if the bribe-giver belonged to a class and tried to preserve their privileges, all their property would be confiscated, and "they would be sentenced to the most difficult and unpleasant work" [45]. Bribery was recognized as counter-revolutionary activity, and the 1922 Criminal Code established the death penalty for it [46].

V.I. Lenin considered bribery one of the most dangerous remnants of the past and demanded the strictest measures to combat it. In a letter to Kursky, a member of the board of the People's Commissariat of Justice, he demanded: "It is necessary to urgently introduce a bill that the punishment for bribery (extortion, bribery, incitement to bribery, and similar crimes) should be imprisonment for no less than ten years with an additional ten years of correctional labor". The strictness of anti-bribery measures was explained not only by the Bolsheviks' view of it as a shameful and disgusting remnant of the old society, but also by the exploiting classes' attempt to undermine the foundations of the new regime. In one of the directives of the RCP (b), it was directly noted that the prevalence of bribery, closely related to the low level of general culture of the main part of the population and the economic backwardness of the country, threatens the disintegration and destruction of the workers' state apparatus [46]. Nevertheless, despite the strict legal measures taken against bribe-takers, the root causes of this phenomenon could not be eliminated. Although Stalin's model of quasi-socialism appears to be the least corrupt from the outside, even during his totalitarian rule, it failed to eliminate the corruption virus. However, we must not forget that in other countries, totalitarianism based on political and economic terror (Hitler's Germany) also appeared less corrupt from the outside, although in reality this did not correspond to reality.

Similarly, the USSR and other socialist states were not free from corruption, including "fish", "trade", "cotton", the Sholokov-Churbanov case, and others, which were widespread in the USSR during the period of stagnation. Undoubtedly, these events reflect only the upper part of the "corruption" iceberg.

The materials of the mass media and court proceedings that took place in the former Soviet period in the 70s and 80s of the 20th century in some union republics, as well as in some regions of Russia, allow us to conclude that by the end of the socialist era, corruption was widespread in the former USSR. Its results show that various types of corrupt behavior, including criminally punishable behavior, were already characteristic of almost all state and party bodies at the union, republic, regional, and local levels at that time. In this regard, structures that provide financial and logistical support services to economic entities, organize and control the spheres of foreign economic relations, commodity distribution, and social support of the population suffered the most. At the same time, if it was impossible to remain silent about these events, then they would be presented as some

kind of expense of the activities of the authorities or as a separate event, independent of the existing system.

It should be noted that not only the elderly, but also middle-aged people still remember the widespread cases of unfair levies and bribery in the process of acquiring housing. We also still remember rumors circulating among people about career advancement, allocation of unique industrial and food products for commercial enterprises, admission to prestigious universities, traveling on business trips to foreign countries, and similar matters. And despite the fact that the penalties for this bribery crime in the Criminal Code are very strict, that is, the highest punishment is the death penalty, the crime continued to be committed.

All this created favorable conditions for the widespread introduction of corruption into social relations in the 1990s of the 20th century in the context of the liberalization of economic and socio-political conditions in the country. As a result, despite the established criminal liability for bribery, in recent years the receiving and giving of bribes has essentially become open. Interestingly, at that time, a significant portion of those accused of bribery were representatives of law enforcement agencies, and it was precisely those whom the authorities and the population should ideologically consider the main support in the fight against offenses that demonstrated a high level of corruption in their activities. It is no secret that at that time, corruption relations served as a connecting link between government bodies and various criminal groups, including organized criminal groups.

Summarizing the above, it can be concluded that corruption has its roots in the distant past, this problem has existed in all periods of human history, but it began to manifest itself in more alarming forms during the transition period.

Therefore, it is necessary for the world community to jointly combat this evil, without delay limiting the scope of its manifestations, eliminating the level of influence and harmful consequences. Indeed, corruption is a phenomenon that knows no borders.

References

1. Saidov A.Kh., Tojikhonov U. Theory of State and Law. – T.: Adolat. – P. 72-90; Islamov Z. Theory of State and Law. – T.: Adolat. – P. 139-145.
2. Fundamentals of anti-corruption (system of national ethics of behavior) / Scientific ed. S.V. Maksimov et al. – M., 2000. – P. 19-21.
3. Nikiforov A. The most ancient profession: corruption or prostitution // Clean Hands. – 2000. – No 4. – P. 119.
4. Customary law (legal custom) is historically understood as the primary source (form) of law.
5. Mitin A.N., Pichugin O.A., Rassokhin A.V. Anti-corruption. - Saint Petersburg: Uralskiy Gosudarstvenniy Universitet, 2019. – P. 6.
6. Kalyanov V.I. Arthashastra or the Science of Politics. Sanskrit translation. - Moscow: Scientific Publishing Center "LADOMIR", 1993. – 299 p.
7. Tikhomirov L.M. Institutional Corruption: Essays on Theory. – M., 2000. – P. 10-17.
8. Herodotus. History in Nine Books / trans. and ap. G.A. Stratanovsky; edited by S.L. Utchenko. – St. Petersburg, 1972.
9. Kramer S.N. History Begins in Sumer. – M.: Nauka. 1965. – 257 p.
10. Mega Encyclopedia. Corruption // URL: <http://megabook.ru/article>.
11. Korchagin A.G., Ivanov A.M. Comparative Study of Corruption and Official Crimes. – Тошкент, 2020. – P. 46.
12. Vantsev V.A. The Problem of Legal Definition of the Concept of Corruption // Corruption in Russia. Information and analytical materials. Issue. 3. – M., 2001. – P. 5.
13. Friedrich Carl J. Corruption Concepts in Historical Perspective / Political corruption. - A handbook. Edited by A.J. Neidenmeier, V.T. Le Vine. New Brinswick. N.J., Oxford, 1989. – P. 3.

14. Aristotle. Works: In 4 volumes. – M., 1983. Vol. 4. – P. 456, 547.
15. Aristotle. Works: In 4 volumes. – M., 1983. Vol. 4. – P. 334.
16. Hegel G.V. Philosophy of Law. – M., 1990. – P. 269.
17. Sit. on: Kabanov P.A. Fight against bribery and other forms of corruption in the conditions of reforming the state apparatus and transition to the market: Dis.... cand. jurid. sciences. – Тошкент, 2020. – P. 12.
18. Myslovsky E. Truth and Justice // Clean Hands. – 2000. – No 4. – C. 65-71.
19. Bible. Syrus 1, 29, 4, 9. – 644 p.
20. Muhsin Umarzoda. Secrets of the Avesta. "World Literature" Publishing House. – 1997. – No 4. – Б. 199-200.
21. Boboyev H.B., Hasanov S. "Avesta" - the Source of Our Culture. – T.: Adolat, 2001. – P. 53.
22. Sidikhmenov V.Ya. China: pages of proshlego. – M., 1978. – P. 241-243.
23. Bartoshek M. Roman Law. Concepts, terms, definitions. – M., 1989. – P. 93.
24. Machiavelli N. Selected Works. – M., 1982.
25. Machiavelli N. Essays. – Тошкент, 2020. – P. 137.
26. In ancient Rus', the head of state issued a decree to representatives of state power - official boyars - to collect taxes in their favor from the population under their control as a reward.
27. Astanin V.V. Corruption and the Fight Against It in Russia in the Second Half of the 16th-20th Centuries (criminological research). Diss.... Cand. Jurid. Sciences. – M., 2001.
28. Lixoiimstvo ("extortion") – receiving gifts, taking bribes: a corrupt person, that is, a person bought for a bribe. Lychomies - greedy extortionist, bribe-taker.
29. Mzdolyubiye ("bribery") – bribe-taker, recipient of gifts, pickshesh, bakshish, khabara, magarih, giving a payment or gift to an official to avoid embarrassment, or buying for a bribe for illegal work.
30. Dal V.I. Explanatory Dictionary of the Russian Language. Modern version. – M., 2000. – P. 121.
31. Maksimov S.V. Corruption. Law. Responsibility. – M., 200. – P. 8.
32. Gladkikh V.I. Corruption in Russia: Genesis, Determinants and Ways to Overcome // Ros. Investigator. – 2001. – No 3. – P. 31.
33. Court bailiff in pre-Petrine Russia, who performed his duties by weeks.
34. Selovalnik - In the 15th-17th centuries in Russia, an official responsible for tax collection, some judicial and police matters; a prisoner, guard, seller; a collector of state property in customs, scales, and salt sales. They kissed the cross to take the oath.
35. PSZ Collected. Vol. V. No 2871.
36. Fiscal - an official who monitors the legality of the actions of persons and institutions in the judicial and financial spheres.
37. Russian Legislation of the 10th-20th Centuries. – M., 1986. – Vol. 4. – P. 177.
38. Golovina E.I. Legal foundations of the fight against corruption in Russia in the 16th-19th centuries: historical and legal research: Abstract of diss.... cand. jurid. sciences. – M., 2002. – P. 20.
39. Gauhman L. Corruption and Corruption Crime // Legality. – 2006. – No 6.
40. Sedov P.V. At the Embassy as on a Chair. From the History of Russian Officials of the 7th Century. // Zvezda. – 2001. – No 4. – P. 208.
41. PRZ. Sobr.1. Vol. XXII. No 25028.
42. PRZ. Sobr.1. Vol. XXII. No 25028.
43. Melnikov V.P., Nechiporenko V.S. State Service in Russia: Domestic Organization Experience and Modernity: in 2 parts. Part 1. – M., 2000. – P. 125.
44. Golovanova E.I. Legal foundations of the fight against crime in Russia in the 16th-19th centuries: historical and legal research: Abstract of diss.... cand. jurid. sciences. – M., 2002. – P. 24.
45. Estrin A.Ya. Bribery in Doctrine and Legislation // Tr. Criminal Law Circle at St. Petersburg. Un-te. – St. Petersburg, 1913.
46. Chrestomathy on the History of the National State and Law. 1017-1991 yy. O.I. Chistyakov. – Тошкент, 2016. 2004. – P. 34.
47. Gersenson A.A., Gringauz Sh.S., Durmanov N.D. et al. History of Soviet Criminal Law. – M., 1947.
48. Karautev A.G. Soviet Bureaucracy: A System of Political and Economic Domination. – Тошкент, 2020.

Сафарзода Хаёт Сайидамур
кандидат юридических наук, доцент
Профессор кафедры предупреждения террористических
преступлений и обеспечения общественной безопасности
Академии МВД Республики Таджикистан

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of Prevention of Terrorist Crimes
and Public Safety of the Academy of the
Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan

Ахёзода Шохрух Табаруқшо
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права,
криминологии и психологии
Академии МВД Республики Таджикистан
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of
Department of Criminal Law, Criminology and Psychology
of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ОБЩЕСОЦИАЛЬНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА

*Conceptual foundations of
general social prevention of extremism*

Аннотация. В статье основной акцент сделан на рассмотрение содержания концептуальных основ противодействия экстремизму, содержащихся в документах (стратегии, концепции, программы, законодательства и т.д.), определяющих основные направления деятельности правоохранительных и других государственных органов по устранению глубинных причин и условий возникновения экстремизма. Работа проведена методом анализа, синтез, дедукции, формально-юридическим методом и методом междотраслевых юридических исследований. Определены причины и условия, способствующие возникновению экстремизма среди мигрантов, требующие введения специальной дисциплины по противодействию экстремизму и повышения правовой просвещенности, также организации и проведения профилактических мер в исправительных учреждениях, подготовки профессиональных кадров и мощного информационно-идеологического обеспечения.

Ключевые слова: Республика Таджикистан, концепция, стратегия, законодательство, экстремизм, причины, условия, общесоциальные меры, государственные органы, функции, задачи, профилактика.

Abstract. The article focuses on the consideration of the content of the conceptual foundations for countering extremism contained in documents (strategies, concepts, programs, legislation, etc.) that define the main areas of activity of law enforcement and other government agencies to eliminate the underlying causes and conditions for the emergence of extremism. The study was conducted using the methods of analysis, synthesis, deduction, the formal-legal method, and the method of intersectoral legal research. The causes and conditions contributing to the emergence of extremism among migrants were identified, highlighting the need to introduce a specialized discipline on countering extremism, to enhance legal awareness, to organize and implement preventive measures in correctional institutions, as well as to train professional personnel and strengthen information and ideological support.

Keywords: Republic of Tajikistan, concept, strategy, legislation, extremism, causes, conditions, general social measures, government bodies, functions, tasks, prevention.

В соответствии с ключевыми положениями международных, региональных и национальных документов, направленных на противодействие экстремизму, основными путями устранения социальных причин и условий, способствующих распространению экстремизма, являются социально-экономические, образовательные, религиозные, информационные, правовые, политические, миграционные, исправительно-трудовые и другие проблемы современного общества. Учитывая современные реалии, эти проблемы требуют новых подходов, как на международном, так и на региональном и национальном уровнях.

На наш взгляд, общесоциальное предупреждение экстремизма не направлено непосредственно на устранение причин и условий его возникновения, хотя устранение недостатков в экономической, политической, социальной, нравственно-психологической, духовной и иных сферах общественной жизни инструментально влияет на основную цель обще-социального предупреждения преступлений – благополучие общества, государства и личности. Данную позицию разделяют и другие ученые [11, с. 98].

В связи с этим, общесоциальное предупреждение экстремизма как сложный, много-аспектный процесс, обладающий «определенными признаками целостности» [8, с. 51], направлен на «обнаружение и ликвидацию объективных внешних причин и условий, способствующих совершению преступлений экстремистского характера» [11, с. 99].

Необходимо отметить, что общесоциальные причины и условия религиозно-политического экстремизма кроются в научных, образовательных, религиозных, нравственно-духовных, культурных, исторических, патриотических и информационно-пропагандистских направлениях общественной жизни таджикского общества, на которые влияют негативные религиозно-политические факторы внешнего характера.

Осознавая религиозную восприимчивость таджикского социума и региона, политическое руководство Республики Таджикистан настойчиво призывает все общественные группы и государства-партнеров к последовательной и планомерной борьбе с данным фактором.

Так, на своей встрече с активистами, представителями общества и религиозными деятелями в марте 2024 года, Лидер нации уважаемый Эмомали Рахмон отмечал, что «Столкновение культур и цивилизаций, религиозные и межконфессиональные разногласия, беспрецедентное распространение терроризма и религиозного экстремизма, двойные стандарты в отношении религиозных экстремистских группировок и тому подобные негативные явления стали средством использования различных корыстных сил иностранного происхождения, которые также влияют на наше общество и государство» [5].

Следует отметить, что за то время, как республика приобрела государственную независимость, сделано достаточно много для полноценного развития общества. Так, построено и введено в эксплуатацию более 3240 новых учебных заведений, рассчитанных на 1 миллион 400 тысяч учащихся, реализуется Национальная Стратегия развития на период до 2030 года. За последние двадцать лет среднегодовой рост экономики обеспечен на уровне 7,5%, доходы государственного бюджета увеличились с 252 миллионов до 28 миллиардов сомони [18].

В результате проделанной работы и реализации названных стратегий и программ за годы независимости в стране было создано более 3,3 миллиона постоянных и сезонных рабочих мест, постепенно улучшаются условия жизни жителей страны. В частности, за этот период средняя заработная плата увеличилась в 87 раз, размер пенсий увеличился в 80, денежные доходы населения увеличились в 75 раз [18].

Целенаправленные усилия Правительства Республики Таджикистан позволили превратить страну в одну из самых безопасных стран мира. Так, согласно отчету «Global

Safety Report – 2025» Американского института общественного мнения «Gallup», в 2025 году Таджикистан занял второе место среди самых безопасных стран мира. По результатам опроса, проведенного в 142 странах, 95% населения республики чувствуют себя в полной безопасности [22]¹.

В последние годы, наряду с положительными тенденциями в отношении уважительного отношения ко всем религиям и конфессиям, представленным в республике, и особенно к исламу, все чаще отмечаются тревожные признаки фанатизма, суеверий и идей религиозного экстремизма, что в конечном итоге приводит к нарушениям конституционных принципов и действующего законодательства республики. Так, согласно статистическим данным, с 2015 по 2024 годы к экстремистско-террористическим организациям примкнуло свыше 2300 наших граждан. К сожалению, имеет место и примыкание к таким организациям духовных служителей и даже преподавателей высших учебных заведений [5].

Р.Х. Рахимзода справедливо отмечает, что «Экстремистские и террористические организации пытаются дестабилизировать обстановку в обществе, разжечь религиозную и межконфессиональную рознь, широко используя значительные финансовые вливания заинтересованных государств, а также интернет-пространство для введения в заблуждение молодежи и более активное их привлечения в экстремистские организации. Поэтому в современных условиях противодействие экстремизму и терроризму имеет первостепенное значение для каждого суверенного государства» [19, с. 25].

Проведенный нами анализ научной литературы доказывает опасность современных проявлений экстремизма и терроризма, совершающихся с использованием современных информационно-телекоммуникационных средств, в том числе по Интернету. На сегодняшний день вербовка молодежи в экстремистско-террористические организации, пропаганда экстремистско-террористической идеологии, незаконное обучение религиозно-экстремистскому мировоззрению и даже обучение совершению дерзких террористических актов координируются с использованием таких технологий.

В связи с этим, А.Н. Курдуков, наравне с усилением уголовной ответственности за публичные призывы к совершению преступлений террористического характера предлагает «укрепить мировоззренческую безопасность общества путем утверждения в общественном сознании позитивных смыслов, выступающих заслоном против проявлений терроризма и экстремизма и усилить контроль за информационно-телекоммуникационными сетями, активно используемыми злоумышленниками для совершения преступлений террористического характера» [12, с. 16].

Об уязвимости современного общества в сфере противодействия финансированию экстремизма и терроризма путем «анонимного использования платежных средств (электронных денежных средств, цифровой валюты) и телекоммуникационных технологий (анонимные виртуальные номера абонентов сотовой связи, временные адреса электронной почты, мессенджеры, социальные сети, онлайн-форумы) и т.д.» говорит в своих исследованиях П.А. Глущенко [7, с. 11].

Затрагивая вопрос о детерминантах экстремистской преступности несовершеннолетних, Т.Г. Сироткина особое внимание уделяет «наличию свободного доступа к экстремистским материалам в информационно-телекоммуникационных сетях и отсутствию механизма

¹ В десятку самых безопасных стран мира вошли Сингапур (98%), Таджикистан (95%), Китай (94%), Оман (94%), Саудовская Аравия (93%), Кувейт (91%), Норвегия (91%), Бахрейн (90%) и Объединенные Арабские Эмираты (90%)

моментальной блокировки информации экстремистского толка в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе сети Интернет» [21, с. 12-13].

Решение вопроса об эффективном противодействии экстремизму органами внутренних дел (далее – ОВД) В.В. Баранов видит «в своевременном выявлении и блокировке каналов распространения в сети Интернет информации, имеющей экстремистскую направленность, которое требует внесения соответствующих изменений в нормативную правовую базу, регламентирующего данное направление правоохранительной деятельности» 4, с. 110. Он также предлагает «наделение прокурора полномочиями по принятию решений, являющихся основанием для включения доменных имен, сетевых адресов и (или) указателей страниц сайтов информационно-телекоммуникационной сети Интернет в Единый реестр, позволяющий идентифицировать источники размещения экстремистских материалов и внесения соответствующих изменений в Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» 4, с. 110.

Другие же авторы предлагают усилить уголовное наказание за распространение вредоносной информации. Например, Н.Э. Мартыненко с учетом охвата большой аудитории в случаях распространения информационных угроз в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» предлагает «в качестве отягчающего наказания обстоятельства закрепить в ст. 63 УК РФ новое – совершение преступления в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» [14, с. 74]. Однако на наш взгляд, такой подход не совсем удачен, так как в современных условиях в более 85% случаях все преступления совершаются с использованием таких средств, что приведет к усилению уголовного наказания за многочисленные преступления разной категории и содержания. Более того, как отмечают В.В. Красинский и В.В. Машко, только Китайский «Золотой щит» обеспечивает информационную безопасность указанного государства на более высоком уровне, так как «охватывает не только техническую безопасность, но и всеобъемлющий контроль национальной информационной инфраструктуры, в том числе, защиты информационных систем от кибератак и вирусов, с использованием системы фильтрации интернет-контента» [10, с. 88]. Другие же государства, в том числе региональные и мировые державы не в состоянии полностью контролировать указанный процесс в полном объеме.

Поэтому за последние 10 лет новые телекоммуникационные технологии и социальные сети Интернета привели к беспрецедентному росту национализма, социального радикализма и религиозного фундаментализма» [16, с. 6]. Например, из расчета каждых 10 млн. чел. в странах Центральной Азии, более 4 миллионов имеют многофункциональные мобильные телефоны и доступ к Интернету [6]². Принимая во внимание, что в этой группе преобладают молодые люди в возрасте 17-35 лет, лишённые жизненного опыта, политической зрелости и надлежащего образования, они, соответственно, наиболее уязвимы к вербовке. Большинство таких людей (85%) имеют лишь неполное или полное среднее образование либо являются выпускниками колледжей и техникумов.

По мнению Дж. Пула, «для многих молодых поколений, межличностное взаимодействие посредством Интернета на основе общей идеологии «чистого ислама», позволяет получить альтернативную идентичность «глобального джихада» независимо от географической принадлежности» [24, р. 7]. Далее он отмечает, что «в интересах всемирного движения «джихада» в виртуальном мире действует около 5600 сайтов, причем каждый год открывается около 900 новых» [24, р. 7].

Применительно к молодежи Таджикистана, завербованных в экстремистско-террористические группировки, следует отметить тот факт, что 85% из них при этом пользовались приложениями Viber, WhatsApp и т.д. Идеологи экстремизма активно использовали программу Zello (телефон-рация), организовывая таким образом религиозно-экстремистские диспуты в онлайн-режиме одновременно с 1000 потенциальными клиентами. Для привлечения в свои ряды большего количества сподвижников экстремисты-рекруты весьма умело используют такие социальные сети Интернета, как «Одноклассники» (OK.ru), Mail.ru, Twitter, YouTube и другие. Некоторые террористические сайты и транснациональные телеканалы играют ключевую роль в пропаганде идей экстремистских течений на разных языках, так как их локация расположена в зарубежных странах Запада и Востока. К таковым каналам можно отнести сети «Висоли Хак», «Таухид», «Калима», «Висоли Порси», «Карван Муджахиддин» и «Ахли Байт», являющихся информационным аппаратом международных экстремистско-террористических организаций [20, с. 54].

Различные группировки не только обмениваются идеями с помощью Интернета, но и делятся практическими рекомендациями о том, как создавать взрывные устройства, создавать ячейки, проводить атаки, что делается на различных языках мира, а в радикальных экстремистских сайтах можно получить до 80% информации о противнике [26, р. 2], в т.ч. о жизненно важных объектах и наиболее «эффективных» методах террористических атак [15, с. 24].

Несмотря на то, что государственными органами Республики Таджикистан проводится весьма активная работа по выявлению и блокировке сайтов, распространяющих экстремистские материалы, деятельность в этом направлении требует самого пристального внимания и принятия своевременных и действенных мер правового, организационного, информационного, кадрового, финансового и идеологического характера.

Десятки экстремистских идеологов Афганистана (пуштуны, таджики, узбеки и т.д.) распространяют экстремистские идеи по Интернету на персидском (дари) языке, который таджикская молодежь прекрасно понимает, соответственно, воздействие такой идеологии именно на таджикских граждан намного выше, чем в других странах региона.

Как показывает анализ уголовных дел и научной литературы, на фоне сложной миграционной ситуации во всем мире, наиболее опасные цели преследует крупнейшая транснациональная террористическая организация современной эпохи под названием «Исламское государство», осуществляющая свою деятельность путем радикального толкования в информационном пространстве религиозных норм о насильственном установлении «всемирного халифата» [9, с. 11]. Здесь необходимо отметить, что большинство террористических организаций используют возможности сети Интернет не только для осуществления кибертеррористических атак, но также и для распространения своей джихадистской идеологии «теологического» обоснования террористических действий, пользуясь различными интернет-площадками для размещения инструкций по подготовке и осуществлению террористических актов и вербовочной деятельности [27].

Из 300 сотрудников ОВД РТ (руководителей, оперативников, следователей, слушателей, преподавателей), опрошенных нами в ходе социологического опроса, к числу основных факторов, детерминирующих экстремизм и терроризм, 195 человек или 65% респондентов указали на нехватку профессиональных педагогов, теологов, журналистов, отсутствие специальной дисциплины по противодействию религиозно-политическому экстремизму в образовательных учреждениях и слабой контртеррористической пропаганде в СМИ и по Интернету. О проблемах противодействия экстремизму среди трудовых мигрантов и исправительных учреждениях органов юстиции указали 199 чел. или 66,33% респондентов.

² Например, в 2024 году число пользователей Интернета в Таджикистане составил более 4,2 млн. человек.

Изученные нами уголовные дела так же подтверждают, что вербовщики в 85,7 % случаях вербуют молодежь по интернету путем их обучения в религиозно-экстремистских группах, создаваемых на платформах «Вотсап», «Вайбер», «Имо», «Телеграмм», «Тик-ток», «Ок.ру», «Фейсбук».

Массовая миграция рабочей силы также играет важную роль в данной ситуации. Находясь вдали от родины, неинформированная часть молодежи, ощутив «свободу», сталкивается усилением чувства изоляции и тревоги, с отсутствием контроля над религиозным образованием, безнаказанностью за распространение насильственной идеологии, с недостаточной реакцией правоохранительных органов на экстремистские взгляды. Кроме того, множество социально-экономических трудностей, с которыми сталкиваются мигранты, делают их особенно уязвимыми к влиянию экстремистских идеологий. Поэтому незаконная трудовая миграция на уровне концептуальных документов признается одним из факторов возникновения экстремизма [1].

Необходимо отметить, что в государствах пребывания мигрантов ими же создаются молельные дома, в которых нередко проповедь читают радикальные «салафиты». Пользуясь тем, что на периферии мало мечетей и минимальный контроль со стороны полиции, «салафиты» активизируют свою экстремистскую деятельность [16, с. 569].

На наш взгляд, в силу исторических факторов, а также неразвитость и архаичность религиозного мышления в некоторых регионах Таджикистана приобрели предвзятый и в определенной степени суеверный характер. Почти аналогичная позиция озвучена и в Концепции государственной политики Республики Таджикистан в сфере религии [2].

Проведенный нами социологический опрос среди широких слоев населения, который охватил 50 учащихся средних общеобразовательных школ, 50 учащихся техникумов, колледжей, 100 студентов ВУЗов, 50 мигрантов, 30 ученых, 50 преподавателей, 100 работников правоохранительных органов и 20 теологов о фундаментальных основах религии ислама показывает, что у более 90% указанных лиц (за исключением теологов) самое низкое мировоззрение о сущности и содержании религии ислама. Однако, все они считают себя истинными мусульманами и свою религиозную школу самой правильной.

Так, на вопрос: «Сколько текстов стихов Корана вы знаете наизусть на арабском языке и значение скольких таких постулатов вы знаете на родном языке?», начиная от школьников старшего класса и заканчивая учеными и педагогами (за исключением теологов), на арабском языке знают от 3 до 15 аятов священного Корана, почти столько же Сунн Пророка (с). А на своем родном языке 99% школьников и студентов не знают содержания ни одного аята. Ученые и педагоги на своем родном языке знают только значение 1-2 аята Корана.

Более того, ни у одного из опрашиваемых нет четкого представления о сущности и содержании других религиозных течений ислама, что говорит об очень узком политическом мировоззрении, соответственно, различить геополитическую конъюнктуру заинтересованных враждебных государств и экстремистско-террористических организаций под лозунгом распространения «чистого ислама» им весьма и весьма проблематично.

Надо отметить, что в целях противодействия экстремизму некоторые авторы предлагают «внедрение комплексной многоступенчатой и многоцелевой государственной программы адаптации и социализации мигрантов, разработки на федеральном уровне специализированного нормативного правового акта, посвященного противодействию всем преступлениям, совершаемым по мотивам ненависти или вражды» [13, с. 11].

На основе вышеуказанных фактов, следует отметить, что концептуальную основу противодействия экстремизму составляют совокупность научно-теоретических концепций,

правовых принципов и норм, а также идеологических ориентиров, разработанных правовых механизмов и средств, обеспечивающих осуществление противодействия в указанной сфере [3, с.11], так как содержание уголовной политики в сфере противодействия экстремизму обусловлено историческими, социально-экономическими, нравственно-духовными, религиозными и геополитическими предпосылками, изложенными в документах стратегического планирования.

Исходя из этого, сущность и содержание концептуальных основ противодействия экстремизму нашли свое отражение в стратегиях и других программных документах, утвержденных Президентом и Правительством Республики Таджикистан. В качестве примера можно привести Государственную программу противодействия преступности в Республике Таджикистан на 2021-2030 гг.; Концепцию уголовно-правовой политики Республики Таджикистан от 2 ноября 2013 г.; Программу реформы милиции на 2021-2025 гг., Концепцию государственной политики в сфере религии от 4 апреля 2018 г.; Стратегию по противодействию экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан на 2021-2025 гг.; Государственную программу правового обучения и воспитания граждан Республики Таджикистан на 2020-2030 гг. и др.

По нашему убеждению, качественная реализация требований таких нормативно-правовых и концептуальных документов осуществляется только путем правильного определения компетенции и задач каждого органа, соответственно и поддержание сотрудничества между различными субъектами профилактики по заранее намеченным целям по вертикали и горизонтали в структуре целостной системы даст положительные результаты.

Однако, не всегда требования концептуальных документов стратегического характера воплощаются в жизнь в полном объеме, что связано в первую очередь с тем, что механизм их реализации требует научного подхода и реформаторской мудрости компетентных органов государства.

Так, Президент Республики Таджикистан, Лидер нации уважаемый Эмомали Рахман на встрече с учеными и работниками образования страны отметил, что «В системе науки и образования страны имеются два важных учреждения Академия образования Таджикистана и Научно-исследовательский институт развития образования, на которые возложены задачи проведения научных исследований по проблемам образования и воспитания, а также повышения его качества. Однако анализ показывает, что вышеуказанные структуры до сих пор не разработали учебники, отражающие идеи о национальных ценностях, культуре, патриотизме, любви к родине и другим общечеловеческим ценностям, формирующим идентичность нашего народа» [6].

Применительно к проблемам противодействия обще-социальным причинам экстремистской преступности, имеющие научно-исследовательский и педагогическо-образовательный характер, отмечается и в пункте 11 (подпунктов 1-4) Плана действий по реализации Стратегии противодействия экстремизму и терроризму в Республике Таджикистан на 2021-2025 годы, утвержденного Указом Президента Республики Таджикистан от 1 июня 2021 года за № 187. Так, в соответствии с п. 11 Стратегии задачами противодействия экстремизму и терроризму в республике в том числе являются:

1) включение в учебные программы гуманитарных дисциплин, в том числе истории, литературы, обществознания, прав человека и т.д. в образовательных учреждениях всех уровней тем, направленных на воспитание учащихся в духе патриотизма, повышения национального самосознания, любви и преданности национальным ценностям и традициям, уважения к людям независимо от национальности и вероисповедания, нетерпимости к проявлениям экстремизма и терроризма;

2) увеличение количества аудиторных часов, практических и внеклассных занятий в общеобразовательных учреждениях по предмету «История таджикского народа»;

3) разработка и внедрение новых образовательных стандартов и методов обучения, направленных на противодействие экстремизму и терроризму, а также повышение профессионального уровня педагогических кадров в этой области;

4) организация курсов повышения квалификации педагогических работников общеобразовательных учреждений по вопросам противодействия экстремизму и терроризму.

Исполнителями указанного требования стали Министерство образования и науки Республики Таджикистан, Национальная академия наук Таджикистана и Академия государственного управления при Президенте Республики Таджикистан. Однако, к сожалению, ни один из вышеуказанных пунктов не был выполнен на соответствующем уровне.

Такой просчет совершен при том, что за последние 10 лет научным учреждениям страны было выделено более 1,2 млрд сомони на реализацию 3354 заказных научно-исследовательских проектов [6].

Далее, в пункте 18 Стратегии отмечается и о «недостаточном использовании возможностей средств массовой информации для антиэкстремистской агитации, отсутствие потенциала правоохранительных органов по борьбе с киберэкстремизмом и слабое сотрудничество с институтами мировой индустрии информационных и коммуникационных технологий, включая социальные сети».

Немаловажную роль в устранении общесоциальных причин возникновения экстремистской идеологии играют требования национальных законов «О противодействии экстремизму», «О противодействии терроризму», «Об упорядочении торжеств и обрядов», «Об ответственности за обучение и воспитание ребенка», «О патриотическом воспитании граждан» и т.д., в которых заложены правовые, организационные, политические, религиозные, патриотические и информационно-пропагандистские основы противодействия экстремистской идеологии.

Особенность указанных законов заключается в том, что они нацелены на координацию деятельности многочисленных не силовых министерств и ведомств, исполнительных органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных и религиозных организаций, отдельных граждан по снижению и преодолению обще-социальных причин и условий возникновения экстремизма.

Концепция уголовно-правовой политики Республики Таджикистан, утвержденная 2 ноября 2013 года за № 492, представляет собой систему официально принятых в государстве положений, определяющих сущность, цель, направления, приоритеты и критерии эффективности нормотворческой и правоприменительной деятельности в области защиты личности, общества и государства от преступных посягательств уголовно-правовыми мерами играет ключевую роль в противодействии экстремизму, так как гармонизация уголовной ответственности признается приоритетным направлением уголовно-правовой политики государства.

Республика Таджикистан динамично осуществляет гуманную политику во всех направлениях общественно-политической жизни общества. Так, за период независимости 17 раз принимался закон об амнистии, распространяя свое действие на 170 тысяч человек. Ярким примером гуманной политики является и издание Указа Президента страны «О приостановлении применения смертной казни» от 30 апреля 2004 г., на основании которого был принят соответствующий закон, объявлен мораторий на смертную казнь и ее применение. На родину были возвращены более 4000 лиц, незаконно обучавшихся в зарубежных религиозных

школах и более 1850 лиц, примкнувших к экстремистским группировкам, были освобождены от уголовной ответственности на основе поощрительных норм Уголовного кодекса республики.

Однако, парадоксален тот факт, что международные организации и страны Запада прекрасно понимая уязвимость молодежи Ближнего Востока и Центральной Азии в области религиозных знаний и принимая во внимание многоликость религиозных течений ислама, которые испокон веков враждуют между собой, каждый из которых претендует на истинность и справедливость своего мазхаба, течения, секты и т.д., совершенно четко представляя ситуацию о террористической опасности в данном регионе, основанной на религиозно-политическом факторе, пытаются пользоваться этим в своих геополитических интересах. При этом, всякие правовые ограничения религиозно-воинствующего экстремизма в развивающихся странах расцениваются ими как ограничения религиозных прав и свобод человека и гражданина.

Так, специальный докладчик ООН по религиозной свободе и убеждениям Назила Гани критикует законодательство республики, ограничивающее посещение мечетей несовершеннолетними во время учебы, запрещением деятельности самовольно организованных мечетей, посещении хаджа (фарзи) лиц, не достигших 40-лет, ношение в общественных местах хиджаба и т.д. Международное сообщество выражает озабоченность о запрете в назначении на должность имамов лиц, получивших религиозное образование в Иране, Пакистане, Египте и Саудовской Аравии [17].

В целях подтверждения необоснованности позиции международных организаций по ущемлению религиозных свобод граждан, приведем несколько фактов. За последние года правоохранительными органами республики выявлены десятки фактов причастности имамом, получившим религиозное образование за границей к экстремистско-террористическим организациям. Эти имамы в завербовывали молодежь в ряды религиозно-экстремистской организации «Братья мусульмане»*, в том числе, в Канибадаме - 6 чел., в Дж. Расулове - 1 чел., в Б. Гафурове - 1 чел., в г. Гулистан - 1 чел. и г. Худжанде - 2 чел. Опасность данного факта заключается в том, что в эту деятельность были вовлечены даже некоторые преподаватели Национального университета Таджикистана и Международного университета языков имени С.Улугзоде, силами которых в ряды этой религиозно-экстремистской организации было завербовано 124 студента [19, с. 124-125].

По мнению иностранных специалистов, исправительные учреждения превратились в центры вербовки новых членов экстремистско-террористических организаций. Именно здесь рекруты вербуют осужденных лиц, совершивших общеуголовные преступления 16, с. 163, в результате чего, члены таких экстремистско-террористических организаций совершали дерзкие террористические акты в отношении сотрудников исправительных учреждений. Так, 8 ноября 2018 г. около 20 заключенных и двое охранников погибли во время бунта членов ИГИЛ** в колонии строгого режима в Худжанде. 19 мая 2019 года тюремный бунт, начатый заключенными боевиками этой же организации в исправительном учреждении в городе Вахдате привел к гибели 32 человек, в том числе, 24 приверженцев.

* Организация, признанная Верховным Судом Республики Таджикистан террористической и экстремистской.

** Исламское государство Ирака и Ливанты (ИГИЛ) - организация, признанная Верховным Судом Республики Таджикистан террористической и экстремистской. (94%), Саудовская Аравия (93%), Кувейт (91%), Норвегия (91%), Бахрейн (90%) и Объединённые Арабские Эмираты (90%)

Некоторые ученые отмечают, что жесткие условия в исправительных колониях многих стран способствуют радикализации и примыканию осужденных к экстремистско-террористическим группировкам [28, с. 176]. Например, французский социолог Фархад Хосрохавар утверждает, что «государство не подготовило каких-либо институциональных барьеров на пути распространения исламизма в местах заключения» [25]. Д.А. Нечитайло отмечает, что «во французских тюрьмах отсутствует регулируемая государством деятельность имамов» [16, с. 165-167]. Аналогичная ситуация прослеживается в тюрьмах США, Испании [23, р. 84], Франции [16, с. 166], Германии и других европейских странах.

Необходимо отметить, что на сегодняшний день, по нашим сведениям, только в Саудовской Аравии реализуется специальная реабилитационная программа в отношении радикальных исламистов, согласно которой максимальное внимание уделяется системной и научно-обоснованной дерадикализации мышления таких лиц с широким применением норм шариата и привлечением авторитетных теологов. В рамках указанной программы были созданы 5 специализированных тюрем, из расчета 1200 заключенных в каждой.

Таким образом, думается, что принятие и реализация требований программ, концепций и правовых документов в определенной мере снижают социальную опасность религиозно-экстремистских идей среди широкого круга населения, однако для системного и комплексного реагирования в этом направлении на более ранних стадиях, требуется координация деятельности многочисленных не силовых министерств и ведомств в области образования, науки, культуры, религии и информационно-коммуникационной технологии. Для достижения указанной цели необходимо совершенствование правовых основ организации общесоциальных мер противодействия экстремизму.

С учетом вышеизложенного, полагаем высказать свое мнение относительно совершенствования мер общесоциальной профилактики экстремизма:

1. В соответствии с ключевыми положениями международных, региональных и национальных стратегий по борьбе с экстремизмом в Республике Таджикистан, ключевыми аспектами решения социально-экономических, образовательных, религиозных, информационных, правовых, политических, миграционных, исправительно-трудовых и других проблем общества требуют нового осмысления с учётом современных реалий на международном, региональном и национальном уровнях.

2. Устранение общесоциальных причин и условий в указанном направлении смогут повлиять на основную цель по предупреждению преступлений – развитие благополучия общества, государства и личности. Обще-социальное предупреждение экстремизма как сложный и многоаспектный процесс, обладающий определенными признаками целостности, направлено на обнаружение и ликвидацию объективных внешних причин и условий, способствующих совершению преступлений экстремистского характера.

3. Обще-социальные причины и условия религиозно-политического экстремизма кроются в образовательных, религиозных, нравственно-духовных, культурных, исторических, идеологически-патриотических и информационно-пропагандистских направлениях общественной жизни таджикского общества, на которые влияют негативные религиозно-политические факторы внешнего характера.

4. Фундаментальную основу устранения общесоциальных причин возникновения экстремистской идеологии религиозного толка составляют требования национальных стратегий, концепций, программ и законов в сфере образования, культуры, экономики, религии и т.д. в которых заложены правовые, организационные, политические, религиозные, патриотические и информационно-пропагандистские основы противодействия экстре-

мистской идеологии. Особенность указанных стратегических документов и законов заключается в том, что они нацелены на координацию деятельности многочисленных не силовых министерств и ведомств, исполнительных органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных и религиозных организаций, отдельных граждан по снижению и преодолению общесоциальных причин и условий экстремизма.

5. При патриотическом воспитании подрастающего поколения важно принимать во внимание религиозные принципы, что является фактором обеспечения национальной безопасности. Реализация этой цели – задача, требующая глубокого научного анализа и разработки концептуальных подходов. Важно отметить, что персы и таджики, благодаря своим суфийским философам, обладают глубоким пониманием исламской мысли и сделали выбор в пользу мира и справедливости. Этот аспект необходимо акцентировать при проведении информационно-просветительской работы с населением, и в особенности с молодежью.

6. Принятие и реализация требований программ, концепций и правовых документов в определенной мере снижают социальную опасность религиозно-экстремистских идей среди широкого круга населения, однако для системного и комплексного реагирования в этом направлении на более ранних стадиях, требуется координация и кооперация деятельности многочисленных не силовых министерств и ведомств в области образования, науки, культуры, религии и информационно-коммуникационной сферах. Для достижения указанной цели необходимо совершенствование правовых основ организации общесоциальных мер противодействия экстремизму.

7. Факторы, которые приводят к распространению экстремистских идей среди мигрантов требуют внедрения специальных программ по борьбе с экстремизмом в учебных заведениях всех уровней. Это также предполагает повышение уровня правовой грамотности, религиозной толерантности и политической зрелости учащихся и студентов, многие из которых в будущем могут стать потенциальными трудовыми мигрантами.

8. Организация и проведение профилактических мер в исправительных учреждениях, среди лиц, осужденных за экстремизм, требует нового подхода и совершенствования организационных и правовых основ, профессионального кадрового и мощного информационно-идеологического обеспечения.

Использованные источники

1. Национальная стратегия Республики Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2016-2020 годы: утверждена 12 ноября 2016 года, № 776.
2. Концепция государственной политики Республики Таджикистан в сфере религии: утвержденная Указом Президента Республики Таджикистан 4 апреля 2018 года, № 1042.
3. Аверина, А.В. Уголовная политика Российской Федерации в области международного сотрудничества по противодействию преступности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Алеся Валерьевна Аверина. – М., 2023. – 26 с.
4. Баранов, В.В. Деятельность органов внутренних дел по предупреждению преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием сети Интернет / В.В. Баранов // Труды Академии управления МВД России. – 2023. – №1 (65). – С. 104-111.
5. Выступление на встрече с активистами, представителями общественности и религиозными деятелями страны. 9 марта 2024 года // Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://president.tj/event/speeches/37087> (дата обращения: 09.09.2025).
6. Выступление Президента Республики Таджикистан, Лидера нации уважаемого Эмомали Рахмана на встрече с учеными и работниками образования страны. 30 мая 2024 г. // [Электронный ресурс]. –

Режим доступа: <https://president.tj/event/speeches/37699> (дата обращения: 12.08.2025)

7. Глущенко, П.А. Криминологические основы противодействия финансированию экстремистско-террористической деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Полина Андреевна Глущенко. – Краснодар, 2025. – 30 с.
8. Ковбенко, Н.Д. Криминологическая характеристика и уголовно-правовые меры противодействия мошенничеству: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Николай Дмитриевич Ковбенко. – СПб., 2006. – 156 с.
9. Кочои, Р.С. Противодействие транснациональной преступности террористических организаций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Рон Самвелович Кочои. – М., 2024. – 28 с.
10. Красинский, В.В., Машко, В.В. Кибертерроризм: криминологическая характеристика и квалификации / В.В. Красинский, В.В. Машко // Государство и право. – 2023. – № 1. – С. 79-91.
11. Криминология (общая часть): учебник для бакалавриата и специалитета / Под ред. А.В. Кудрявцева, А.Е. Михайлова. – Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2020. – 220 с.
12. Курдуков, А.Н. Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия преступлениям террористического характера, совершаемым ненасильственными способами: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Андрей Николаевич Курдуков. – Екатеринбург, 2024. – 236 с.
13. Малинина, Я.В. Преступления, совершаемые по мотивам ненависти или вражды: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Яна Вадимовна Малинина. – Саратов, 2024. – 33 с.
14. Мартыненко, Н.Э. Уголовно-правовые средства охраны информации и противодействия информационным угрозам / Н.Э. Мартыненко // Труды Академии управления МВД России. – 2022. – № 4 (64). – С. 66-76.
15. Мухаммад Бен Ахмад ас-Салам. 39 Василя ли-Хидмат аль-Джихад ва аль-Мушарака фих (39 способов служения джихаду и участие в нем). – Бейрут, 2006. – С. 24.
16. Нечитайло, Д.А. Современный радикальный исламизм: стратегия и тактика: дис. ... д-ра. полит. наук: 23.00.02 / Дмитрий Анатольевич Нечитайло. – М., 2017. – 633 с.
17. Отчет специального докладчика ООН по правам человека о свободе религии и убеждений в Республике Таджикистан. Пятдесят пятая сессия ООН, 26 февраля – 5 апреля 2024 г. // Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1758008626&tld=ru&lang=ru&name=TJK> (дата обращения: 10.09.2025).
18. Послание Президента Республики Таджикистан, Лидера нации уважаемого Эмомали Рахмона «Об основных направлениях внутренней и внешней политики республики». 21 декабря 2021 г. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://president.tj/event/missives/24851> (дата обращения: 08.10.2024).
19. Рахимзода, Р.Х. Значение встречи Президента Республики Таджикистан с активом, представителями общественности и религиозными деятелями страны: монография (на тадж. яз.) / Р.Х. Рахимзода. – Душанбе: МВД Республики Таджикистан, 2024. – 160 с.
20. Сафарзода, Х.С., Ахёзода, Ш.Т., Мирзоумарзода, А.М. Профилактика примыкания молодежи к экстремистско-террористическим организациям: учебно-методическое пособие (на тадж. яз.) / Х.С. Сафарзода, Ш.Т. Ахёзода, А.М. Мирзоумарзода. – Душанбе: Торус, 2021. – 136 с.
21. Сироткина, Т.Г. Криминологическая характеристика и предупреждение экстремистской преступности несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Татьяна Геннадьевна Сироткина. – М., 2024. – 29 с.
22. Таджикистан вошёл в десятку самых безопасных государств мира // Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://khovar.tj/rus/2025/09/tadzhikistan-voshyol-v-desyatku-samyh-bezopasnyh-gosudarstv-mira/> (дата обращения: 01.10.2025).
23. Cragin, K. Sharing the Dragon's Teeth: Terrorist Groups and the Exchange of New Technologies Text / Cragin, K. - Santa Monica: Calif. et al.: RAND Corporation, 2007. - 102 p.
24. Pool, J. New Forum Postings Call for Intensified Electronic Jihad against Government Websites / Pool, J. - Volume 3. - Issue 8. August 29, 2005. - Pp. 7
25. Ross, B. Terror Plot Hatched in California Prison / Ross, B. ABC News. 16 August 2005.
26. Scheuer, M. Al-Qaeda's Media Doctrine: Evolution from Cheerleader to Opinion-Shaper / Scheuer M. - Volume 4. - Issue 15. May 22. 2007. - Pp. 2.
27. Tesauro, L. The Role Al Qaeda Plays in Cyberterrorism // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://smallwarsjournal.com/jrnl/art/role-al-qaeda-plays-cyberterrorism> (дата обращения: 25.12.2024).
28. Wenger, A. How States Fight Terrorism: Policy Dynamics in the West / Wenger, A. - Boulder. Colo.: Lynne Rienner Publishers, 2007. - Pp. 175-202.

Бариев Энвер Фарихович

научный сотрудник Исследовательского института
криминологии Республики Узбекистан

Research Fellow at the Research Institute of Criminology
of the Republic of Uzbekistan

О НЕКОТОРЫХ ПЕРСПЕКТИВАХ ВНЕДРЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СИСТЕМУ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

*On some prospects for the implementation of
artificial intelligence technologies in public safety*

Аннотация. В статье проанализированы возможности внедрения технологий искусственного интеллекта в сферу обеспечения общественной безопасности в Узбекистане. Автором разработаны возможные приоритетные направления внедрения данной технологии и сделана попытка сформулировать цель проведения данной работы в современных условиях.

Ключевые слова: безопасная среда, общественная безопасность, искусственный интеллект.

Abstract. This article analyzes the potential for implementing artificial intelligence technologies in public safety in Uzbekistan. The author develops potential priority areas for implementing this technology and attempts to formulate the purpose of this work in the current context.

Keywords: safe environment, public safety, artificial intelligence.

Обеспечение общественной безопасности является ключевой задачей каждого государства и в данном направлении в нашей стране вопросы защиты жизни, чести и достоинства, свободы и личной неприкосновенности, имущества граждан гарантированы Конституцией Республики Узбекистан [1].

Однако, ни для кого не является секретом, что активное развитие цифровых систем вносит свое воздействие практически на все сферы жизнедеятельности человека. Наряду с финансово-экономической, гуманитарной, социальной и другими важными составляющими современного общества, вопросы обеспечения безопасности жизнедеятельности также не могут оставаться вне влияния технологий искусственного интеллекта.

Так, по оценке некоторых международных платформ Мировой рынок искусственного интеллекта в производстве в 2024 году оценивался в 4,2 млрд дол. США и в период с 2025 по 2034 г. среднегодовой темп роста составит 31,2% и составит 60,7 млрд дол. США.

Подобный характер активного развития данной технологии обуславливается рядом факторов, а именно:

– растущая потребность в автоматизации;

- стремительное развитие технологий машинного обучения;
- внедрение решений для профилактического обслуживания на основе искусственного интеллекта;
- увеличение инвестиций в промышленную автоматизацию [2].

Таким образом, технология искусственного интеллекта становится наиболее экономически привлекательной отраслью и будет способствовать его активному внедрению в жизнедеятельность человека.

В Республике Узбекистан активное внедрение искусственного интеллекта началось в рамках реализации стратегии «Цифровой Узбекистан - 2030», где приоритетными направлениями определены:

- в банковско-финансовой сфере – предотвращение мошенничества, оценку платежеспособности пользователей, прогнозирование рыночных тенденций;
- в налоговой и таможенной сферах – уменьшение доли теневой экономики, прогнозирование подозрительных таможенных операций и управление рисками;
- в сфере здравоохранения – определение методов диагностики, лечения заболеваний, анализ медицинских снимков и управление данными о больном;
- в сфере сельского хозяйства – прогнозирование урожайности, управление сельскохозяйственными ресурсами, мониторинг процессов выращивания посевов, птицы, рыбы и скота;
- в сфере энергетики – управление энергоресурсами, оптимизация производства и распределение энергии, развитие использования возобновляемых источников энергии и прогнозирование спроса на них.

При этом предусматривается поэтапная реализация следующих основных задач в данной сфере:

- формирование нормативно-правовой базы, направленной на развитие технологий искусственного интеллекта;
- внедрение технологий искусственного интеллекта в социальную сферу и отрасли экономики;
- совершенствование стандартов в данной области и укрепление международного сотрудничества;
- формирование технической инфраструктуры для обработки данных на основе технологий искусственного интеллекта;
- повышение знаний и навыков населения, а также развитие кадрового потенциала [3].

Как видно, наряду с «традиционными» социально-экономическими направлениями внедрения искусственного интеллекта, на первый план также выдвигаются вопросы обеспечения безопасности, нашедшие свое отражение в таких категориях, как «предотвращение мошенничества», «уменьшение доли теневой экономики», «формирование навыков безопасного использования населением технологий искусственного интеллекта».

Исследование научных подходов к внедрению данной технологии в сферу обеспечения общественной безопасности позволяет сделать вывод о том, что ряд учёных склоняются к изучению поведенческих качеств граждан с применением искусственного интеллекта.

Так, например, по мнению М. Аблаймейко, Н. Шакель и Р. Богуш при функционировании «умных городов» со всех источников собирается значительный объем информации (маршруты движения жителей и транспорта, геолокация, количество затрачиваемых на те или иные услуги средств, частота использования определённых услуг). При этом большая часть данных собирается с помощью систем интеллектуального видеонаблюдения, которые

сегодня становятся неотъемлемой частью «умных городов», что обусловлено широким кругом решаемых такими системами задач и постоянным ростом доступности средств наблюдения и связи [4].

Похожее мнение сформулировано и К. Петуховым который отмечает, что искусственный интеллект при сопряжении с камерами видеонаблюдения, расположенными в местах массового скопления людей, подъездными камерами, автомобильными камерами и прочим, может стать незаменимым помощником правоохранительных органов в разрешении, возложенных на них задач по охране общественного порядка и безопасности [5].

Вместе с тем, другая группа исследователей полагает, что направлениями для внедрения искусственного интеллекта могут стать, наряду с анализом поведенческих качеств человека, и анализ иных данных, хранящихся в больших массивах данных.

В частности, по мнению И. Тушко искусственный интеллект – это компьютерная программа, которая принимает и анализирует данные, а затем делает выводы на их основе. Это может быть отнесение фотографии к определенному классу, группировка текстов схожей тематики, предсказание курса валют, а также более сложные задачи, например, написание других компьютерных программ, проектирование строений, анализ почвы и т.д. [6].

К аналогичному мнению приходит и А. Панов, который связывает развитие искусственного интеллекта в области безопасности в основном модификациями структуризации видео-записей, биометрии, распознавания объектов и анализа больших данных [7]*.

К подобному мнению склоняются и некоторые исследователи в США, которые считают, что использование искусственного интеллекта в сфере общественной безопасности меняет подход городов к борьбе с преступностью и обеспечению безопасности, а именно, посредством предиктивной аналитики, обработки данных в режиме реального времени, позволяющие службам общественной безопасности выявлять риски раньше, быстрее реагировать и упрощать получение помощи [8].

Таким образом, можно сформировать следующие направления внедрения технологий искусственного интеллекта в обеспечение общественной безопасности:

- анализ информации от средств видеофиксации, применяемых для обеспечения общественной безопасности с целью формирования «банка данных» поведенческих качеств людей;
- анализ информации от средств коммуникации (системы глобального позиционирования, мобильные устройства связи и др.) с целью выявления угроз безопасности в местах массового скопления людей;
- анализ биометрических данных людей с целью выявления лиц, которые могут угрожать общественной безопасности (разыскиваемые за совершение противоправных действий, вынашивающие преступные намерения или совершающие правонарушения) в том числе на основе методов профайлинга;
- анализ иных крупных массивов данных, несущих в себе информацию о возможных угрозах безопасности личности, общества и государства, поступающую из обращений и заявлений граждан.

* Превалирующее изучение мнений российских исследователей обусловлено наличием: научного подхода с 1968 года, научного совета действующего с 1986 года, мировым признанием научных исследований на 3-месте в мире в 2020 году, принятием национального стандарта ГОСТ Р 71476-2024 (ИСО/МЭК 22989:2022) «Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта» в 2024 году.

Подобный подход к формированию вышеуказанных направлений внедрения технологий искусственного интеллекта позволяет сформулировать цель проведения данной работы.

А именно, что «целью внедрения технологий искусственного интеллекта в систему обеспечения общественной безопасности является выработка обоснованных предложений для точечного выявления наиболее опасных направлений, а также заблаговременной координации сил и средств обеспечения общественной безопасности, направленных на предотвращение противоправных действий и повышение оперативности для их пресечения».

Необходимость применения данной технологии также обуславливается и тем фактом, что число насильственных преступлений в крупных городах (с населением, по меньшей мере, 250 тыс. чел.) примерно вдвое выше этого показателя для небольших городов (с населением менее 10 тыс. человек), а уровень имущественных преступлений в больших городах примерно на 30% выше уровня этого вида преступлений в малых городах [9].

Достижение вышеуказанной цели, в первую очередь в крупных городах, становится возможным при использовании искусственного интеллекта, именно в связи с его возможностями.

В частности, анализ больших данных позволяет интегрировать массивные неструктурированные и структурированные данные, а также анализировать и вычислять их атрибуты. При этом, управление массивами данных используется для сбора и хранения информации из ресурсов, а их анализ может проводиться с помощью свободного от «человеческого фактора» интеллектуального анализа больших данных.

В свою очередь, применение искусственного интеллекта для анализа больших данных может значительно снизить затраты на рабочую силу, повысить эффективность и даже сделать возможным решение некоторых задач, которые сложно выполнить человеку (поиск по лицу, базе данных, ассоциации фото, видео и других источников информации).

Говоря в целом о современных подходах к развитию искусственного интеллекта, необходимо отдельно подчеркнуть, что данная сфера становится одной из наиболее приоритетных в Республике Узбекистан.

Так, в ходе проведенного Президентом Республики Узбекистан совещания было отмечено, что искусственный интеллект становится одним из ключевых инструментов в таких областях, как экономика, образование, здравоохранение, безопасность и других важнейших направлениях. Его использование способствует повышению эффективности государственного управления, рациональному расходованию ресурсов и улучшению качества услуг, предоставляемых населению [10].

Это в свою очередь создаёт предпосылки для дальнейшего внедрения технологий искусственного интеллекта и в сферу обеспечения общественной безопасности в нашей стране. А поэтапная реализация задач, в рамках проводимой в данном направлении работы, позволит заблаговременно выявлять и устранять условия для совершения противоправных действий в отношении как граждан, так и общества и государства.

Использованные источники

1. Конституция Республики Узбекистан / «Ўзбекистон», Т-2023;
2. Global market insights. 01.2025 / Электронный ресурс: <https://www.gminsights.com/ru/industry-analysis/artificial-intelligence-ai-in-manufacturing-market> Дата ознакомления: 21.10.2025;
3. Постановление Президента Республики Узбекистан от 14.10.2024 года № ПП-358 «Об утверждении Стратегии развития технологий искусственного интеллекта до 2030 года» / Национальная база данных законодательства, 17.10.2024 г., № 07/24/358/0825;
4. М. Аблаймейко, Н. Шакель, Р. Богуш. Использование систем искусственного интеллекта при обеспечении общественной безопасности в «умном городе»: юридические аспекты / Вестник Полоцкого государственного университета №5, 2021, С 84-85;
5. К. Петухов. Искусственный интеллект, общественная безопасность и юриспруденция: есть ли точки спорикосновения. Forbes Council 22.04.2025 // Электронный ресурс: <https://blogs.forbes.ru/2025/04/22/iskusstvennyj-intellekt-obshhestvennaja-bezopasnost-i-jurisprudencija-est-li-tochki-soprikosnovenija> Дата обращения: 16.10.2025;
6. И. Тушко. Безопасность на новом уровне: искусственный интеллект / Системы безопасности. «Гротек» (2025), 09.09.2025 г. // Электронный ресурс: <https://www.secuteck.ru/articles/bezopasnost-na-novom-urovne-iskusstvennyj-intellekt>. Дата обращения 23.10.2025;
7. А.И. Панов. Анализ применения искусственного интеллекта в сфере безопасности / Экономика и качество систем связи 4/2022, С 46-51;
8. Результаты социологического опроса AI in Smart Cities 2025: What Do Residents Think? / Sand Technologies, 2025 // Электронный ресурс: <https://www.sandtech.com/downloads/ai-in-smart-cities-2025> Дата обращения: 18.10.2025
9. Glaeser, E. L., Sacerdote, B., & Scheinkman, J. A. (1996). Crime and Social Interactions. The Quarterly Journal of Economics, 111(2), 507–548;
10. Обсуждены вопросы развития инфраструктуры и кадрового потенциала в сфере искусственного интеллекта 06.10.2025 // Электронный ресурс: <https://president.uz/ru/lists/view/8545> Дата обращения: 10.10.2025.

Konovalov Ilya Borisovich

prokuror-kriminalist
Raqamli kriminalistika ilmiy-tadqiqot instituti

Prosecutor-criminalist
Scientific Research Institute of Digital Forensics

Yo'ldoshev Temurbek Anvar o'g'li

katta prokuror-kriminalist
Raqamli kriminalistika ilmiy-tadqiqot instituti

Senior prosecutor-criminalist
Scientific Research Institute of Digital Forensics

DROPLAR SHAXSINI KRIMINOLOGIK TAHLIL QILISHNING AYRIM JIHLATLARI

*Some aspects of criminological analysis
of the personality of drops*

Annotatsiya. Maqolada bank hisob ma'lumotlari va shaxsiy ma'lumotlarni jinoiy maqsadlarda ishlatishning xususiyatlari, shuningdek, milliy va xalqaro miqyosda bunday harakatlarga huquqiy baho berishdagi muammolar o'rganiladi. Mualliflar shaxslarning hisob ma'lumotlari, kartalari va boshqa identifikatsiya ma'lumotlarini jinoiy sxemalarda foydalanish uchun taqdim etgan shaxslarning harakatlarini, jumladan, "dropchi"lar va "pul tashuvchilar" deb ataluvchi shaxslarning harakatlarini kvalifikatsiya qilishga oid jinoiy-huquqiy yondashuvlarni tahlil qiladilar.

Kalit so'zlar: kiberjinoatchilik; shaxsiy ma'lumotlar; bank hisob ma'lumotlari; elektron to'lov vositalari; pul tashuvchilar; jinoiy javobgarlik; moliyaviy jinoyatlar; raqamli kriminalistika; xalqaro tajriba.

Abstract. This article examines the peculiarities of using banking details and personal data for criminal purposes, as well as the problems of legal assessment of such acts in national and international contexts. The author analyzes criminal law approaches to qualifying the actions of individuals who provide their bank accounts, cards, and other identification data for use in criminal schemes, including so-called "drops" and "money mules."

Keywords: cybercrime; personal data; banking details; electronic payment instruments; money mules; criminal liability; financial crimes; digital forensics; international experience.

Axborot texnologiyalarining rivoji ijtimoiy jarayonlarni avtomatlashtirish, raqamli bank va mablag'larni hamda texnologik jarayonlarni tez boshqarishga imkon beruvchi boshqa xizmatlarni joriy etish bilan bog'liq ko'plab ijobiy jihatlarga ega. Shu bilan birga, bunday tez texnologik taraqqiyotning xavfli jihatlari ham mutanosib ravishda ortib bormoqda. Elektron firibgarlik, bank hisoblaridan mablag'larni o'g'irlash, tovlamachilik – bular "kiberjinoatchilik" degan so'z ostida tushuniladigan aysberg cho'qqisining faqat bir qismi.

Kiberjinoyatlar ko'p bo'lishiga qaramasdan, jinoiy sxemalardagi yangi yo'nalishni ta'kidlash lozim. Bu bank hisob ma'lumotlari va shaxsiy ma'lumotlardan jinoiy faoliyatda foydalanishdir. Boshqa

mamlakatlarda bunday qilmishni jinoyat sifatida e'tirof etish keng tarqalgan bo'lishiga qaramasdan [1], O'zbekiston hali uning zarurati ko'rib chiqilmoqda.

Bank hisob ma'lumotlari va shaxsiy ma'lumotlardan foydalangan holda jinoyat sodir etish tushunchasini belgilash uchun quyidagi savollarni ko'rib chiqish lozim. Aynan nimalar bunday jinoyatlar hisoblanishi mumkin? Qaysi holatlarda hisob raqamidan foydalanish yoki uni jinoyatchi yoki jinoiy guruhga foydalanish uchun taqdim etish jinoyatga aylanadi? Shaxsiy ma'lumotlardan jinoyatda qanday foydalanish mumkin?

Shu o'rinda, O'zbekiston Respublikasining Jinoyat kodeksiga murojaat qilish lozim. Uning 14-moddasida jinoyat deb, aybli ijtimoiy xavfli qilmish, jazo qo'llash tahdidi bilan taqiqlangan qilmish tan olinadi [2]. Shu tarzda, bank hisob ma'lumotlari, to'lov tizimlari va shaxsiy ma'lumotlardan foydalanish bilan bog'liq jinoyat – bu ijtimoiy xavf tug'diradigan qilmishni sodir etish maqsadida ulardan qasddan foydalanish. Ammo bu atama ostida aniq nimani tushunish kerak?

S.B. Laliyev va M.Sh. Margiyeva [3] yoki D.A. Badikov va A.K. Yelisseyeva [4] kabi tadqiqotchilar firibgarlik yo'li bilan bank hisob ma'lumotlarini qo'lga kiritish va undan shaxsiy maqsadlarda foydalanishga alohida urg'u beradilar. Bunday qilmishlar ko'pincha firibgarlik sifatida kvalifikatsiya qilinadi. Xuddi shu narsa O.V. Ayvazova va A.V. Mailyan [5] olib borgan tadqiqotga ham taalluqli. Tadqiqotlar shuni ko'rsatadiki, bank hisob raqami egasi jabrlanuvchi yoki zarar ko'rgan tomon hisoblanadi. Agar Jinoyat kodeksining 168-moddasiga murojaat qilinadigan bo'lsa, unda firibgarlik deb o'zganing mulkini yoki unga bo'lgan huquqni aldash yoki ishonchni suiiste'mol qilish yo'li bilan egallab olish tushuniladi. Bunday talqinda esa, jinoyat sodir etishda shaxsiy ma'lumotlar, elektron to'lov vositalari yoki abonent identifikatsiya modullari ishlatgan shaxslardan aybdorlik olib tashlanadi.

Agar shaxs o'z shaxsiy ma'lumotlarini, plastik kartasini, SIM-kartasini yoki bank hisob ma'lumotlarini jinoyatchining ixtiyoriga o'zi taqdim etgan bo'lsa, hisob ma'lumotlari egasini ishtirokchi sifatida ko'rib chiqish mumkin bo'lar edi. Bu esa bizni A.M. Axatovning tadqiqotiga olib keladi [6]. Shu bilan birga, O'zbekiston Respublikasi Jinoyat kodeksining 27-moddasi qasddan sodir etilgan jinoyatda ikki yoki undan ortiq shaxslarning ishtirokini nazarda tutadi. Bundan kelib chiqadiki, hisob raqami egasida jinoyat sodir etish niyatining yo'qligi, uni ishtirokchilar qatoriga kiritishga imkon bermaydi. Xuddi shu narsa Jinoyat kodeksining 31-moddasida nazarda tutilgan jinoyatga aloqadorlikka ham taalluqli [7]. Chunki shaxs jinoyatga tayyorgarlik ko'rilayotgani yoki hisob raqamidan jinoiy qilmishlarda foydalanilayotgani haqida bilmasligi, ba'zan esa hisob raqamining jinoiy qilmishda ishlatilishi xavfini anglatmasligi ham mumkin.

Aytilganlarning barchasiga qaramasdan, o'z bank hisob ma'lumotlarini taqdim etuvchi ko'plab shaxslar buni foyda olish yoki boshqa sabablarga ko'ra amalga oshirishadi. Bu esa, ma'lum darajada ularning aslida bundan manfaatdor bo'lishiga olib keladi. Va bu nuqtai nazardan ushbu vaziyatni boshqa tomondan ko'rib chiqish lozim.

Agar bunday shaxslarni o'rganadigan bo'lsak, rivojlangan xorijiy mamlakatlarda ularning bunday faoliyatlari jinoyat sifatida kvalifikatsiya qilinadi. Bunday shaxslar turli nomlar bilan ataladi. Masalan, "drop" yoki "dropchilar"dan tortib "pul tashuvchilar", "smurflar", "chopqirlar" va hokazo. Ular faoliyatlarining mohiyati bank hisob raqamlaridan pul mablag'larini olish, jo'natish va naqd pulga aylantirish yoki kripto-aktivlarni sotib olishga borib taqaladi.

Bu atama 2009-yilda AQSHda FQBning Omaxadagi operatsiyasi natijasida paydo bo'lgan [8]. Bu yo'nalishdagi tadqiqotlar bu faoliyatni belgilovchi ko'plab atamalarni keltirib chiqardi. Rossiya Federatsiyasidagi banklar faoliyatida va bank sohasidagi jinoyatlarga qarshi kurashishda Rossiya Banklar Assotsiatsiyasi tomonidan turli tavsiyalar berilgan bo'lib, unda ushbu atama jinoiy sxemada pul mablag'larini naqd pulga aylantirish uchun foydalanadigan qo'g'irchoq shaxs sifatida keltirilgan [9]. Shunga qaramay, tadqiqotchilar atamani har xil yozadilar va talqin qiladilar.

Masalan, A.P. Sudoxodov va A.M. Bichkovning fikricha, shaxsiy ma'lumotlari jinoiy faoliyatda ishlatilgan shaxsni “drop” deb atash mumkin [10]. Bunda u asosiy faoliyatdan xabardor bo'lmagan shaxs sifatida ko'riladi. V.V. Kopilov, O.M. Prokofyev va Yu.S. Kaloshina esa dropning asosiy vazifasi mablag'larni naqd pulga aylantirish deb hisoblaydilar [11].

I.Yu. Gazimullin esa ularni mablag'lar va tovarlar aylanmasidagi oraliq bo'g'in bo'lgan jinoiy faoliyat yordamchilari qatoriga kiritadi. Bunda u blokcheyn texnologiyalari bilan ishlaydigan droplar harakatlarining alohida xavfiga urg'u beradi [12]. Shu bilan birga, R.R. Gayfutdinov droplarni sodir etilgan jinoyat qurbonlari qatoriga kiritadi [13], S.A. Timko va A.P. Podshivalov droplarning bir qismi ongli ravishda g'ayriqonuniy harakatlarda ishtirok etadi, boshqalaridan esa ular hech narsa sezmaganda foydalanishlari mumkin, degan fikrni ilgari suradilar [14]. Shu bilan birga, ta'kidlash joizki, ishtirokchilar qilmishining ijtimoiy xavfi uchun ularning xabardorligi shart emas [15].

Droplarning o'zlari esa ham yoshi, ham atrofdagi voqelikni sof subyektiv qabul qilishi bo'yicha turli aholi qatlamlaridan bo'lishi mumkin, bunday fikr V.E. Zajigalkinning ishida ko'rinadi [16].

Biroq, olib borilgan tadqiqotlardan so'ng droplarning vazifalar bo'yicha bo'linishi paydo bo'ldi. Bunda, tranzitni ta'minlovchi shaxslar “pul tashuvchilar”, mablag'larni bir nechta yo'nalishlarga bo'lish bilan shug'ullanadigan, mablag'lar harakati yo'lini yashirish maqsadida ularni legallashtirishuvchilar “smurflar” nomini olishdi [17].

Ta'kidlash joizki, S.P. Kushnirenko, N.A. Danilova va A.N. Sarjin droplarni “chopqirlar” deb nomlab, ularni jinoyat ijrochilari degan fikrni ilgari surishadi [18]. Ushbu toifa shaxslarning maqsadi pulni jinoyatning boshqa xuddi shunday ishtirokchilariga o'tkazishdir. Shu bilan birga, jinoyatda bunday ishtirokni cheklashlar mavjud bo'lib, ular shaxsning aqli rasoligiga bog'liq.

A.B. Sabirbayevaning tadqiqotlarida nafaqat droplar, balki drop-boshqaruvchilarning faoliyati ham ko'rib chiqiladi. Bunda ular jinoyatchiga nafaqat to'lov plastik kartalarini, balki mobil bank ishlashini ta'minlash uchun mobil aloqa SIM-kartalarini ham uzatadilar yoki sotadilar. Agar jinoyatchilar to'g'ridan-to'g'ri “onlayn” rejimda boshqa shaxslarni jalb qilish holatlarida aloqada bo'lganlarni aniqlash qiyin bo'ladi [19].

G. Musayev, X. Sattarova va V. Ponomarenko o'z tadqiqotlarida shaxslarni ushbu jinoiy faoliyatga jalb qilish tamoyillarini keltirib, droplarning jinoyatlar sodir etishda o'ynagan asosiy rolini jinoiy daromadlarni anonimlashtirish va yuvilishning asosiy elementi sifatida ko'rsatdilar [20].

Shuningdek, Sberbank hisobotida keltirilgan droplarni turlarga bo'linishini ham ta'kidlash zarur. Unda xabardorlik bo'yicha “aldanganlar” va “aldanmaganlar” sifatida ikkiga bo'lish usuli, shuningdek, bank xizmatlaridan foydalanish turi bo'yicha ham bo'linish mavjud [21]. Bu esa, bizning fikrimizcha, unchalik ham to'g'ri emas va ko'proq vazifalar bo'yicha bo'linish uchun mos keladi. Chunki naqd pulga aylantiruvchilar, tranzitdilar va hisob to'ldiruvchilar, o'z mohiyatiga ko'ra, jinoiy sxemada alohida vazifalarni bajaradilar. Buning yorqin misoli sifatida, shartli ravishda “Allo, oyi!” [22] deb nomlangan qator jinoyatlar xizmat qiladi. Bunday jinoiy sxemada MDH mamlakatlarining fuqarolari, shu jumladan, O'zbekiston Respublikasi fuqarolari ham fribgarlik yo'li bilan olingan pul mablag'larini, shuningdek, uchinchi shaxslarning kartalari orqali ham o'tkazish va naqd pulga aylantirish ishlari bilan shug'ullanganlar.

Shuni ta'kidlash muhimki, bu yo'nalishdagi barcha tadqiqotchilar bir fikrga kelishadi, ya'ni droplar jinoiy tarmoqdagi eng quyi bo'g'ini bo'lib, ular tekshiruvning dastlabki bosqichlaridayoq aniqlanadilar. Drop-boshqaruvchilar va jinoiy sxemaning boshqa a'zolarini esa aniqlash imkoniyati bo'lmaydi.

O'tkazilgan tahlil asosida, o'z bank hisob ma'lumotlari, shaxsiy ma'lumotlari va identifikatsiya vositalarini jinoiy sxemalarda foydalanish uchun taqdim etuvchi shaxslarning faoliyati sezilarli ijtimoiy xavfni ifodalaydi va tegishli huquqiy bahoni talab qiladi, degan xulosaga kelish mumkin.

Keltirilgan huquqiy amaliyot misollari shaxsning ushbu harakatlarni qasddan sodir etganligi yoki faoliyatning jinoiy xarakteridan xabardorligini isbotlash zarurligini ko'rsatmoqda. Amaliyotda droplarning aksariyati bunday harakatlardan xabardor emasliklarini ta'kidlaydilar. Bu ularni javobgarlikka tortish jarayonini sezilarli darajada qiyinlashtiradi. Biroq bank hisob ma'lumotlarini taqdim etish orqali moddiy foyda olish fakti amalga oshirilayotgan harakatlarning g'ayriqonuniyligidan dalolat beradi. Bu huquqni muhofaza qiluvchi organlar tomonidan e'tiborsiz qoldirilishi mumkin emas.

Binobarin, o'z bank hisob ma'lumotlarini, to'lov kartalarini va boshqa to'lov vositalarini uchinchi shaxslarga jinoiy maqsadlarda foydalanish uchun ongli ravishda taqdim etuvchi shaxslar javobgarligini qonuniy tartibga solish zarurati mavjud. Bunda qasddan harakat qiluvchi shaxslarning javobgarligini fribgarlik qurboni bo'lganlarnikidan ajratish zarur. Bu jinoiy-huquqiy normalarni qo'llashda adolatni ta'minlash va moliyaviy jinoyatlarga qarshi kurashish samaradorligini oshirishga xizmat qiladi.

Foydalanilgan manbalar

1. «Дропперов» ждет уголовная и материальная ответственность// Qozog'iston Respublikasi Bosh prokuraturasining matbuot xizmati, Qozog'iston Respublikasining Hukumat portal – elektron manba. Kirish rejimi: <https://www.gov.kz/memleket/entities/prokuror/press/news/details/765459?lang=ru> – murojaat sanasi 20.09.2025-y.
2. O'zbekiston Respublikasining Jinoyat kodeksi // O'zbekiston Respublikasi Qonunchilik ma'lumotlari milliy bazasi – elektron manba. Kirish rejimi: <https://lex.uz/docs/111457> - murojaat sanasi 05.08.2025-y.
3. Laliyev S. B., Margieva M. Sh. Особенности квалификации мошенничества с использованием электронных средств платежа // Magistratura axborotnomasi. – №5-6 (116). – 2021 – B.116-118.
4. Badikov D.A., Yeliseeva K.A. Мошенничество с использованием электронных средств платежа: к вопросу об уголовно-правовой характеристике // V. V. Lukyanov nomidagi Rossiya IIV OrYuI ilmiy axborotnomasi. – №2 (99). – 2024 – Elektron manba. Kirish rejimi: <https://cyberleninka.ru/article/n/moshennichestvo-s-ispolzovaniem-elektronnyh-sredstv-platezha-k-voprosu-ob-ugolovno-pravovoy-harakteristike> – murojaat sanasi: 05.08.2025-y.
5. Ayvazova O.V., Mailyan A.V. О криминалистической классификации способов хищений, совершенных с использованием электронных средств платежа // TulDU axborotnomasi. Iqtisodiy va huquqiy fanlar. – №2. – 2022 – B.82-90.
6. Axatova A.M. Дроп как соучастник преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: проблемы уголовно-правовой оценки и правоприменения // Udmurt universiteti axborotnomasi. "Iqtisodiyot va huquq" seriyasi. – №6. – 2024 – B.1075-1083.
7. O'zbekiston Respublikasining Jinoyat kodeksi // O'zbekiston Respublikasi Qonunchilik ma'lumotlari milliy bazasi – elektron manba. Kirish rejimi: <https://lex.uz/docs/111457> - murojaat sanasi 05.08.2025-y.
8. Cyber Banking Fraud Global Partnerships Lead to Major Arrests./ FBR rasmiy sayti – elektron manba. Kirish rejimi: <https://archives.fbi.gov/archives/news/stories/2010/october/cyber-banking-fraud> – murojaat sanasi 05.08.2025-y.
9. Методические рекомендации о порядке действий в случае выявления хищения денежных средств в системах дистанционного банковского обслуживания, использующих электронные устройства клиента (утв.АРБ) // YuS Legalakt – elektron manba. Kirish rejimi: <https://legalacts.ru/doc/metodicheskie-rekomendatsii-o-porjadke-deistvii-v-sluchae/> – murojaat sanasi 05.08.2025-y.
10. Suxodolov A.P., Bichkova A.M. Цифровые технологии и наркопреступность: проблемы противодействия использованию мессенджера «Телеграм» в распространении наркотиков // Butunrossiya kriminologiya jurnali. – №1. – 2019 – B.5-17.
11. Kopilov V.V., Prokofyev O.M., Kaloshina Yu.S. Особенности совершения дистанционных хищений денежных средств граждан с использованием метода социальной инженерии // Rossiya IIV Moskva universiteti axborotnomasi. – №3. – 2022 – B.126-131.

12. Gazimullin I.Yu. Некоторые организационно-тактические особенности противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Jamiyat, huquq, davlatchilik: retrospektiva va istiqbol. №1 (9). – 2022 – B.50-54.
13. Gayfutdinov R.R. Типы компьютерных мошенников // ВЭПС. – №2. – 2017 – B.54-58.
14. Timko S. A., Podshivalov A. P. Региональный наркосбыт с использованием информационно-телекоммуникационной сети «интернет»: ролевая характеристика его участников // Lex Russica. – №5 (174) – 2021 – B.125-133.
15. Axatova A.M. Дроп как соучастник преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: проблемы уголовно-правовой оценки и правоприменения // Udmurt universiteti axborotnomasi. "Iqtisodiyot va huquq" seriyasi. – №6. – 2024 – B.1075-1083.
16. Zajigalkin V.E. «Дропы» – инструмент организации и исполнения контрабанды подконтрольных психоактивных веществ с использованием современных телекоммуникационных ресурсов // Narkokontrol. – №3 – 2018 – B. 28-30.
17. Groshikov K.K., Shuvalova A.A. Цифровая валюта как предмет легализации (отмывания) преступных доходов // Raqamli transformatsiya sharoitida jinoyatlarni tergov qilishga qarshilik ko'rsatish va uni bartaraf etish choralari to'g'risidagi ta'limotning rivojlanishi: Xalqaro ilmiy-amaliy konferentsiya materiallari bo'yicha ilmiy maqolalar to'plami, Moskva, 2021 yil 21 may / Yu.V. Gavrilin, Yu.V. Shpagina tahriri ostida. Moskva: Rossiya Federatsiyasi Ichki ishlar vazirligi Boshqaruv akademiyasi – 2021 – B.515–520.
18. Kushnirenko S.P., Danilova N.A., Sarjin A.N. Преступления в сфере банковской деятельности как высокотехнологичные преступные посягательства международного характера // Sankt-Peterburg IIV universiteti axborotnomasi. № 2(30). – 2006 – B.329-333.
19. Sabirbayeva A.B. Droplar tashkiliy guruhning bog'lovchi halqasi va kiberjinoyatlar sodir etilganda olingan pul mablag'larini yuvish vositasi sifatida // Markaziy Osiyo fanlararo va boshqaruv sohasidagi tadqiqotlar jurnali – №6(3) sp. – 2024 – B.223-232.
20. Musaev, G., Sattarova, K. & Ponamorenko, V. Hidden players: the role of 'drops' in the cybercrime ecosystem. Secur J 38, 68 (2025). <https://doi.org/10.1057/s41284-025-00513-0>
21. Анализ системы вывода денежных средств, похищенных у граждан // Sber Bank. – elektron manba. Kirish rejimi: <https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/kibrary/investigations/drops.pdf>. – murojaat sanasi 30.09.2025-y.
22. "Алло, мама!": курьеры рассказали, как стали соучастниками мошенничества с телефонными звонками // "Darakchi" gazetasining elektron versiyasi – elektron manba. Kirish rejimi: <https://darakchi.uz/ru/183878> – murojaat sanasi 30.09.2025-y.

Mirakbarova Dildora Miralisher qizi
falsafa fanlari bo'yicha falsafa doktori
Doctor of Philosophy

To'rayev Ilxomjon Esanovich
tibbiyot fanlari bo'yicha falsafa doktori
Doctor of Philosophy in Medical Sciences

GIYOHVANDLIK VOSITALARI VA PSIXOTROP MODDALARGA QARAMLIKNING ILMIY-FALSAFIY TAHLILI

*Scientific-philosophical analysis of dependence
on drug and psychotropic substances*

Annotatsiya. Ushbu maqolada asr vabosi nomini olgan giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalarga qaramlikning ilmiy-falsafiy, tibbiy jihatlarini tahlil qilinadi.

Kalit so'zlar: global muammo, giyohvandlik vositalari, psixotrop moddalar, qaramlik, giyohvand, eyforiya, yoshlar.

Abstract. The article analyzes the scientific-philosophical, the medical aspects of addiction to drugs and psychotropic substances, which are called the plague of the century.

Key words: global problem, drugs, psychotropic substances, dependence, drug addiction, euphoria, youth.

Bugungi kunda dunyoda giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalarga qaramlik global muammolardan biri hisoblanadi. Uning salbiy ta'siri nafaqat insonning jismida, balki ruhiyatida ham aks etadi. Butun dunyo ushbu ofat bilan qanchalik kurashishga harakat qilmasin, yovuz niyatli insonlar qo'lida giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalar kuchli qurol sifatida odamlar shuurini egallash uchun xizmat qilmoqda.

2024-yil ma'lumotlariga qaraganda, oxirgi 10 yil ichida giyohvandlik vositalarini iste'mol qiluvchilar soni 20 %ga oshgan. 2022-yil holatiga ko'ra, dunyo bo'yicha giyohvandlar soni 292 millionga yetgan. Butunjahon sog'liqni saqlash tashkilotining ma'lumotlariga ko'ra, giyohvandlarning 228 mil-

lioni kannabis, 60 millioni opioidlar, 30 millioni amfetaminlar, 23 millioni kokain, 20 millioni ekstazi kabi giyohvandlik vositalarini iste'mol qilishar ekan.

Giyohvandlik vositalarini ishlab chiqarish bo'yicha Afg'oniston, Eron, Pokiston kabi davlatlar oldingi o'rinlarda turadi. Giyohvandlik vositalarini iste'mol qilish bo'yicha Eron birinchilikni egallagan. Eron aholisining 14,32 % giyohvandlik vositalarini, asosan, heroin moddasini iste'mol qiladi. Keyingi o'rinlarni Buyuk Britaniya, Fransiya, Slovakiya, Rossiya, Afg'oniston, AQSH, Braziliya, Meksika, Kanada, Avstraliya kabi davlatlar egallagan [3].

Giyohvandlikdan aziyat chekayotganlarning 60 %ni 16 yoshdan 30 yoshgacha bo'lganlar tashkil etsa, 20 % 30 yoshdan kattalar hisoblanadi. Afsuski, qolgan giyohvandlar 15–17 yoshdagilar, hatto bugungi kunda 9–13 yoshli bolalar ham mavjud.

World Population Reviyew jurnali o'tkazgan tadqiqot natijalariga ko'ra, O'zbekiston Respublikasi dunyoda giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalar iste'moli masalasida 95-o'rinni egallaydi. Bu Markaziy Osiyodagi yaxshi natijalardan biri hisoblanadi [8]. Bu davlatimiz tomonidan amalga oshirilgan va oshirilayotgan islohotlar natijasidir.

Birlashgan Millatlar Tashkiloti bosh Assambeliyasining 1987-yil 7-dekabrdagi qaroriga asosan, har yili "26-iyun – Xalqaro giyohvandlikka qarshi kurash kuni" deb e'lon qilingan.

1993-yilda Birlashgan Millatlar Tashkilotining Giyohvandlik vositalari ustidan nazorat qilish va jinoyatchilikning oldini olish boshqarmasining Markaziy Osiyodagi vakolatxonasi Toshkent shahrida ochilgan bo'lib, u ayni kunlarda ham faoliyat ko'rsatmoqda.

O'zbekiston Respublikasi 1995-yilda Birlashgan Millatlar Tashkilotining 1961-yilda qabul qilgan Giyohvandlik moddalari to'g'risidagi, 1971 yilda qabul qilgan Psixotrop vositalar to'g'risidagi va 1988-yilda qabul qilgan Giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalarning g'ayriqonuniy aylanishiga qarshi kurash to'g'risidagi konvensiyalariga a'zo bo'lgan.

1996-yilda O'zbekiston Respublikasi Vazirlar Mahkamasi huzurida Giyohvandlik moddalari ustidan nazorat qilish bo'yicha Milliy axborot tahlil markazi tashkil etildi [7; 146–151-b.].

O'zbekiston Respublikasining «Giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalari to'g'risida»gi qonuni 1999-yil 19-avgustda qabul qilingan. Ushbu qonun takomillashtirilib, 2000-yil 1-yanvarda unga o'zgartirish va qo'shimchalar kiritilgan. Mazkur qonunning 3-moddasida giyohvandlik vositalariga quyidagicha ta'rif berilgan: "Giyohvandlik (narkotik) vositalari – giyohvandlik vositalari ro'yxatiga kiritilgan va O'zbekiston Respublikasida nazoratga olinadigan, kelib chiqishi sintetik yoki tabiiy moddalar, tarkibida giyohvandlik moddasi bo'lgan preparatlar va o'simliklar" [9].

Giyohvandlik – bu psixofaol moddalarga qaramlik bilan tavsiflangan kasallik bo'lib, qaramlikka va normal hayotning buzilishiga olib keladi. Giyohvandlikning eng keng tarqalgan turlariga quyidagilar kiradi:

toksikomaniya – giyohvandlik moddasi hisoblanmagan dori vositalari, shuningdek, kimyoviy va o'simlik moddalariga qaramlik;

alkogolizm – spirtli ichimliklarga qaramlik;

chekish – nikotinga qaramlik;

giyohvandlik – bu markaziy asab tizimi faoliyatini buzadigan va giyohvandlikka olib keladigan turli xil moddalarga qaramlik.

Giyohvandlik vositalari ro'yxati BMTning 1988-yilda qabul qilgan Giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalar bilan qonunga xilof ravishda muomala qilishga qarshi kurash to'g'risidagi konvensiyasida [4], shuningdek, har bir davlatning giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalarga qarshi kurashga oid qonun hujjatlarida belgilangan. Ushbu hujjatlarga ko'ra, giyohvandlik vositalari sirasiga marixuanna, gashish, nasha, kannabis smolasi, nasha moyi, qoradori, morfin, heroin, kodein, opiy, efedron, kokain va boshqalar kiradi.

Giyohvandlik vositalarining tabiiy va sintetik turlari mavjud bo'lib, u hidlash, ichish va inyeksiya orqali qabul qilinadi. Giyohvandlik moddalarining eng og'ir turi heroin hisoblanib, uning bir martalik inyeksiyasidan so'ng o'smir dardi-bedavo giyohvandlik yoki bangilik xastaligiga muhtalo bo'lib qoladi [1; 18–22-b.].

Shuningdek, «Giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalar to'g'risida»gi qonunning 3-moddasida psixotrop moddalar va prekursorlarga ham izoh berilgan:

psixotrop moddalar – psixotrop moddalar ro'yxatiga kiritilgan va O'zbekiston Respublikasida nazoratga olinadigan, kelib chiqishi sintetik yoki tabiiy moddalar;

prekursorlar – prekursorlar ro'yxatiga kiritilgan va O'zbekiston Respublikasida nazoratga olinadigan, giyohvandlik vositalarini, ularning analoglarini va psixotrop moddalarni tayyorlash uchun foydalaniladigan moddalar.

Psixotrop moddalardan, aslida, ruhiy kasallarni davolashda foydalaniladi. Afsuski, bugungi kunda psixotrop moddalarni suiiste'mol qilish orqali ular g'arazli maqsadlarda ham ishlatilmoqda. Tibbiy maqsadlarda, me'yorida foydalanilgan psixotrop moddalar davo vositasi hisoblansa, moddalardan keragidan ortiq foydalanish uni zahri qotilga ham aylantirishi mumkin. Psixotrop moddalar insonning miyasi, ruhiyati va nerv tizimiga ta'sir etishiga ko'ra turlarga bo'linadi. Bularga og'riq qoldiruvchi anestetik vositalar (ketamin), uyquni yaxshilovchi dorilar (barbituratlar, benzodiazepinlar) hamda diqqatni oshiruvchi moddalar(metilfenidat, ritalin)ni misol sifatida keltirish mumkin.

O'zbekiston Respublikasi Jinoyat kodeksining XIX bobida "Giyohvandlik vositalari yoki psixotrop moddalar bilan qonunga xilof ravishda muomala qilishdan iborat jinoyatlar" [10] yoritilgan bo'lib, giyohvandlik vositalari yoki psixotrop moddalarni yetishtirganlik, saqlaganlik va boshqa qonunga zid xatti-harakatlar uchun jinoiy javobgarlik belgilangan.

«Giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalar to'g'risida»gi O'zbekiston Respublikasi qonunining 24-moddasida giyohvandlik vositalari, psixotrop moddalar, prekursorlardan tibbiy maqsadlarda foydalanish tartibi [9] va ushbu holat O'zbekiston Respublikasi Sog'liqni saqlash vazirligi tomonidan belgilanishi qat'iy ta'kidlangan. Ushbu qonunning 34-moddasi «Giyohvandlik vositalari, psixotrop moddalar va prekursorlar targ'ibotining taqiqlanishi hamda reklamasining cheklanishi» deb nomlangan bo'lib, unda giyohvandlik vositalari, psixotrop moddalar va prekursorlar targ'iboti, ya'ni giyohvandlik vositalari, psixotrop moddalar va prekursorlarni ishlab chiqish, tayyorlash va ulardan foydalanish usullari, uslublari to'g'risidagi, ularni olish joylari haqidagi ma'lumotlarni tarqatishga qaratilgan faoliyat taqiqlanishi qayd etilgan [9].

O'zbekiston Respublikasi Sog'liqni saqlash vazirligining 2025-yil 27-yanvardagi Giyohvandlik vositalari, psixotrop moddalar va prekursorlarni saqlash, realizatsiya qilish, berish, taqsimlash va olish tartibi to'g'risidagi Nizomida [11] ushbu turdagi dori vositalaridan tibbiy maqsadda foydalanish va saqlash tartibi belgilangan.

Umuminsoniy tamoyillarni targ'ib qiluvchi barcha jahon dinlarida giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalarni iste'mol qilish taqiqlanadi. Masalan, buddizm ta'limotining axloq qismida har bir buddist amal qilishi lozim bo'lgan "Pancha shila" (sanskritcha – "besh nasihat") ishlab chiqilgan bo'lib, ulardan biri aqlni sarxush qiluvchi moddalar (alkogol, giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalar)ni iste'mol qilmaslik hisoblanadi. Bunga sabab sifatida ushbu vositalar insonni qaramlikka olib kelishidan tashqari, dunyo xohish-istaklariga bog'lab qo'yib, odamni nirvana holati yetishishidan to'sishini ko'rsatadilar [12].

Nasroniylik dinida giyohvandlik vositalarini iste'mol qilish gunohi kabira hisoblansa-da, giyohvand ruhiy kasal inson sifatida qabul qilinadi. Muqaddas manbalardan giyohvand ham Allohning rahmatidan noumid bo'lmasligi lozimligi, qaramlikka qarshi kurashishi kerakligi aytiladi. Injilda aqlni sarxush qiluvchi ichimlik va vositalar barcha yomonliklarning asosi ekanligi uqtiriladi [2].

Islom dinining muqaddas manbasi Quroni karimning Baqara surasi 195-oyatida “O‘z qo‘lingiz bilan o‘zingizni halokatga tashlamang” deyilgan. Payg‘ambarimiz Muhammad alayhissalom ham hadisi shariflarda kim o‘z joniga nima bilan qasd qilsa, o‘sha narsa bilan jahannamda jazolanishini ta’kidlab o‘tganlar. “Kimki zahar ichib joniga qasd qilsa, u qo‘lida zaharini tutib, jahannam olovida abadulabad o‘zini zaharlaydi” degan so‘zlari ayni shu vaziyatga, ya’ni giyohvandlik orqali o‘z joniga qasd qilishga mos keladi [5]. Demak, unutmazlik lozimki, barcha dunyoviy va diniy manbalarda inson hayoti, sha’ni, salomatligi oliy qadriyat ekanligi qayd etilgan.

Giyohvandlik – narkotik moddalarga o‘rganib qolish, aniqrog‘i, tabiiy yoki zaharli sintetik moddalarni vaqtincha yoki surunkasiga iste‘mol qilish natijasida kelib chiqadigan kasallik. Giyohvandlik tanada va ruhiyatda jiddiy o‘zgarish yuz berishiga sabab bo‘ladi va giyohvandni tanazzulga olib boradi. Bu esa, o‘z navbatida, nafaqat giyohvandga, balki butun jamiyatga ko‘plab zarar yetkazadi. Giyohvandlikka, odatda, irodasi kuchsiz, o‘zini tiya olmaydigan, o‘tkir sezgilarni o‘zida sinab ko‘rishga qiziquvchan, ruhan zaif kishilar beriluvchan bo‘ladi. Yoshlar tarbiyasidagi nuqson va kamchiliklar, giyohvandlik moddalarini iste‘mol qilib yuruvchi katta yoshdagilarga taqlid va havas, oiladagi noxush sharoit hamda giyohvandlik moddalarining oson topilishi yoki qo‘l ostida bo‘lishi ham giyohvandlikka sabab bo‘ladi [6; 68-72-b.].

Giyohvandlik (narkomaniya) quyidagi bosqichlardan iborat:

Birinchi bosqich – adaptatsiya (moslashuv) bosqichi. Bunda organizmning himoya reaksiyalari yo‘qolib boradi va ruhiy bog‘lanish vujudga keladi.

Ikkinchi bosqich – surunkali kechuvchi bosqich. Bunda to‘la jismoniy bog‘lanish tarkib topadi va narkotik moddalar ta’siri ostida psixozlar paydo bo‘ladi.

Uchinchi bosqich – kechki bosqich. Bemorning butun organizmi funksiyalari pasayadi va jismoniy, ruhiy buzilishlarga olib keladi, hatto aqlpastlik ham kelib chiqadi [1; 18-22-b.].

Giyohvandlikka muhtalo bo‘lganlarda xastalik borgan sari kuchaya borib, odatda, kutilmagan yomon oqibatlariga olib keladi. Giyohvandlik eyforiyasida, ya’ni kayfi chog‘likda ikki bosqich kuzatiladi: qisqa muddatli – 1–5 daqiqa davom etadigan o‘tkir hissiyotli bosqich (haqiqiy eyforiya) va uzoq (1–3 soat) cho‘ziladigan bo‘shashish, tinchlanish davri. Bu bosqichlarning qisqa yoki uzoq bo‘lishi qanday giyohvandlik vositasi qabul qilinganiga va miqdoriga bog‘liq. Giyohvandlikning hamma turi ham o‘z rivojida giyohvandlik moddalariga o‘rganib qolish yo‘li bilan giyohvandlik sindromi shakllanishiga olib keladi [7; 146–151-b.].

Narkotik moddaga o‘rgangan organizmda fiziologik o‘zgarishlar yuz beradi. Narkotik moddaga tashnalik vujudga keladi, usiz tura olmaydigan holat yuz beradi, og‘ir kasalliklar paydo bo‘ladi. Yurak muskullari jarohatlanib, surunkali yurak yetishmovchiligi boshlanadi. Mutaxassis shifokorlarning aytishlaricha gastrit, oshqozon yarasi, jigar serozi, pnevmoniya va plevrit kasalliklari paydo bo‘ladi.

Ko‘chada, to‘y-ma‘rakada giyohvandni turli belgilaridan bilsa bo‘ladi. Giyohvand, avvalo, rangi unniqqan, sal sarg‘aygan, havo issiq bo‘lishiga qaramay uzun yengli kiyim kiyishi, qo‘l panjasining shishi, tishlarining qorayishi va sarg‘ayishi, sinishi, spirtni hidi kelmay turib sarxush holatda o‘zicha kulib, xursand bo‘lib yurishi, serharakat bo‘lmasligi, tez ta’sirlanishi, tajanglik, uyidan narsalar va pullarning yo‘qolishi kabilardan ham bilib olsa bo‘ladi [7; 146-151-b.].

Giyohvandlik moddalariga qaramlik psixologik va jismoniy bo‘lishi mumkin. Odam ushbu moddalarni iste‘mol qilishni to‘xtatganda, tanada og‘ir fiziologik reaksiyalar namoyon bo‘ladi. Dastlabki 1-2 kun ichida yengil shamollash alomatlari paydo bo‘ladi, keyinchalik mushak va bo‘g‘imlarda kuchli og‘riq, tana haroratining oshishi, ko‘ngil aynishi va qayt qilish kuzatiladi. Og‘riqlar kuchaygani sari inson o‘zini agressiv tuta boshlaydi. Hattoki, og‘riq kuchliligidan o‘z joniga qasd qilish holatlari ham kuzatiladi.

Giyohvandlikka muhtalo bo‘lgan bemorlar asosan shifoxona (statsionar) sharoitida 2–4 oygacha davolanib, 4–5 yilgacha ambulatoriya kuzatuv va hisobida bo‘ladilar [7; 146–151-b.]. Ma‘lumotlarga qaraganda, dunyo bo‘yicha 64 million kishi giyohvandlik moddalari iste‘moli natijasida vujudga kelgan kasalliklar, ruhiy zo‘riqishlardan aziyat chekadi. Ularning o‘rtacha har 11 tasidan faqat bittasi davolanadi. Davolanish har 7 ma erkakdan 1tasi, ayollardan esa har 18 tadan 1tasiga to‘g‘ri kelar ekan [3]. Narkomaniya asosan erkaklar o‘rtasida keng tarqalgan bo‘lsa-da, lekin ayollarda ushbu qaramlikdan qutilish qiyin kechadi. Va, asosan, giyohvandlik tufayli OITS kasalligiga chalinish erkaklarga qaraganda ayollarda ko‘proq uchraydi.

Butunjahon sog‘liqni saqlash tashkilotining ma‘lumotlariga ko‘ra, giyohvandlik vositalarini iste‘mol qilishdan har yili 450 ming odam vafot etadi. Bu 1945-yili Xirosima va Nagasakida yadroviy bomba portlashi natijasida halok bo‘lganlar sonidan ikki barobar ko‘pni tashkil etadi.

Giyohvandlikning yoshlar o‘rtasida tarqalishi katta yoshdagilar o‘rtasida tarqalishidan-da xatarlidir. Giyohvandlik sigaret chekish, ularni hidlashdan boshlanadi. Agar ota-ona farzandiga sigaret, nos sotib olib kelib berishni buyursalar, ular ota-onalaridan yashirib sigaret, nos chekishni, hidlashni o‘rganadilar. Giyohvandlik ota-onalarning e’tiborsizligi, loqaydligi, uzoqni o‘ylamay ish qilishi oqibatida kelib chiqadi [7; 146–151b].

Insonning giyohvandlikka berilishi bevosita u mansub bo‘lgan oilaga juda katta zarar keltiradi, buni asosan quyidagilarda ko‘rish mumkin: jamiyat va oila o‘rtasida uzilishlar bo‘lishi; er-xotin munosabatlari buzilishi; kasalliklarning ko‘payishi; qashshoqlashuv; nogiron farzand tug‘ilishi; farzandlar tarbiyasining izdan chiqishi; bu illatni farzandlariga ham o‘rgatishi; insoniy fazilatlarining yo‘qolishi va tubanlashuv; oilalarning buzilishi, farzandlarning yetim qolishi va boshqalar [6; 68–71b].

Yuqoridagi kabi salbiy holatlarning oldini olish, milliy va diniy qadriyatlarimiz, tarbiyamizga zid bo‘lgan axloqsizlikka qarshi kurashish har bir insonning burchidir. Ogohlik – davr talabi ekan, bu balo meni uyimga, oilamga kirib kelmadi deyishga shoshilmaylik. Bugungi loqaydlik kelajakda ko‘plab tuzatib bo‘lmas xatolarga olib kelishi mumkin. Zero, kelajak – bugundan boshlanadi.

Foydalanilgan manbalar

1. Abdullayev N.T. Giyohvandlik vositalari bilan qonunga xilof ravishda muomala qilish jinoyatlarini tergov qilishda tintuv va boshqa tergov harakatlarining ahamiyati // Siyosatshunoslik, huquq va xalqaro munosabatlar jurnali. – 2022. – T. 1. – №. 3. – 18-22-b. Azbyka.ru internet sayti ma'lumotlari
2. https://azbyka.ru/otechnik/dokumenty/osnovy-sotsialnoj-kontseptsii-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi/#0_11_6.
3. BMTning rasmiy sayti ma'lumotlari. <https://news.un.org/ru/story/2024/06/1453676>.
4. BMTning rasmiy sayti ma'lumotlari. https://www.unodc.org/pdf/convention_1988_ru.
5. Muslim.uz internet sayti ma'lumotlari. <https://muslim.uz/uz/e/post/33163>.
6. Ruzmetov B.N. Giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalar – strategik qurollardan biridir // Eurasian journal of law, finance and applied sciences. ISSN 2181-2853, Volume 4, Issue 4. May 2024. – P. 68–71. <https://doi.org/10.5281/zenodo.11197835>.
7. Tashpulatova M., Shamayeva M. Giyohvandlik moddalari va ularning yoshlarga ta'siri // Journal of universal science research. ISSN (E): 2181-4570, Volume 2, Issue 3. – 2024. – P. 146–151.
8. Uz.kursiv.media internet sayti ma'lumotlari. <https://uz.kursiv.media/2024-02-19>.
9. O'zbekiston Respublikasining “Giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalar to'g'risida”gi qonuni. <https://lex.uz/uz/docs/86044>.
10. O'zbekiston Respublikasining Jinoyat kodeksi. <https://lex.uz/docs/-111453>.
11. O'zbekiston Respublikasi Sog'liqni saqlash vazirligining 2025-yil 27-yanvardagi Giyohvandlik vositalari, psixotrop moddalar va prekursorlarni saqlash, realizatsiya qilish, berish, taqsimlash va olish tartibi to'g'risidagi Nizomi. <https://lex.uz/uz/docs/-7349574>
12. Wikipediya internet sayti ma'lumotlari. <https://ru.wikipedia.org/wiki>.

Alokxonov Muhammadmirzokhan
Research Fellow of the Research Institute of Criminology
of the Republic of Uzbekistan
O'zbekiston Respublikasi Kriminologiya tadqiqot instituti,
ilmiy xodim

Mirzatillayev Umid Izatillayevich
Chief Researcher, Research Institute of Criminology of the
Republic of Uzbekistan
O'zbekiston Respublikasi Kriminologiya tadqiqot instituti,
bosh ilmiy xodim

INTEGRATION OF CRIMINOLOGY AND MODERN CRIMINOLOGY: HARMONY OF TRADITIONAL THEORIES AND INNOVATIVE TECHNOLOGIES

Kriminologiya va zamonaviy kriminologiya
o'zaro integratsiyalashuvi: an'anaviy nazariyalar
va innovatsion texnologiyalarning uyg'unligi

Abstract. This scientific article analyzes the integration of traditional theories of criminology and technological approaches of modern criminology, highlighting the importance of innovative tools such as artificial intelligence, big data, predictive analysis, and digital crime mapping in crime prevention. Furthermore, using Uzbekistan as an example, the article substantiates the formation of the concept of modern criminology, the practice of applying digital methods in criminological research, and the prospects for enriching traditional approaches with innovative technologies. The paper also puts forward scientific and practical proposals along with original conclusions.

Keywords: modern criminology, scientific prediction of crime, scientific diagnosis of crime, new forms of crime, criminological activity.

Annotatsiya. Ushbu ilmiy maqolada kriminologiya fanining an'anaviy nazariyalari va zamonaviy kriminologiya texnologik yondashuvlari o'zaro uyg'unlashuvi tahlil qilinib, sun'iy intellekt, katta ma'lumotlar, bashoratli tahlil va raqamli jinoyat xaritalash kabi innovatsion vositalarning jinoyatchilikni oldini olishdagi ahamiyati yoritilgan. Shu bilan birga, O'zbekiston misolida zamonaviy kriminologiya konsepsiyasining shakllanishi, kriminologik tadqiqotlarda raqamli metodlarni qo'llash amaliyoti va an'anaviy yondashuvlarni innovatsion texnologiyalar bilan boyitish istiqbollari asoslab berilib, ilmiy-amaliy taklif va original xulosalar ilgari surilgan.

Kalit so'zlar: zamonaviy kriminologiya, jinoyatchilikni ilmiy prognoz qilish, jinoyatchilikka ilmiy diagnoz, jinoyatchilikning yangicha shakllari, kriminologik faoliyat.

In the age of globalization and digital technologies, the characteristics of crime and the methods of combating it are changing dramatically. Today, law enforcement agencies in many countries strive to improve the fight against crime using artificial intelligence and big data analysis. In particular, studies show that "smart" technologies can help reduce crime in cities by 30-40%[1]. At the same time, important steps are being taken in this direction in Uzbekistan - in the Decree of the President of the Republic of Uzbekistan No. UP-10 and Resolution No. PP-22 of January 15, 2024, priority tasks are defined as scientific research and forecasting of crime, eliminating its negative trends, and introducing artificial intelligence and modern digital technologies into criminological activities [2].

In these conditions, a new task arises before the science of criminology: increasing the effectiveness of crime prevention and control by combining traditional theoretical knowledge and modern innovative technologies. Criminology was initially formed as a legal science and over time developed in harmony with other social sciences, such as sociology and psychology [3]. Traditional criminological theories have created a solid theoretical foundation for explaining problems related to crime. However, since the beginning of the 21st century, rapid technological progress has opened up new opportunities for a deeper study and prediction of the nature of crime. Predicting the risks of crimes using programs based on artificial intelligence, methods for analyzing large databases, and geographic information systems - all of these have become important areas of modern criminology.

Therefore, the purpose of this article is to scientifically analyze the process of integration between traditional theories of criminology and modern innovative technologies.

In the modern world, criminological theory and innovative technologies are becoming increasingly integrated. Many developed countries are strengthening preventive measures by implementing the concept of "predictive policing" in the fight against crime. For example, in a number of US cities (Los Angeles, Chicago, and others), law enforcement agencies, relying on statistical data and artificial intelligence, identified areas with a high probability of crime and deployed additional patrol forces there. The Chicago Police Department reported that a predictive program implemented in 2017 reduced the number of murders by 23% in the first year. In New York City, since 2016, the "Strategic Prevention and Response Planning" department, aimed at identifying high-risk individuals and locations, has been operating, and in the first two years, the number of murders in some regions has decreased by 5%.

At the international level, the formation of criminological databases and conducting research using them are widespread. For example, within the framework of Interpol and Europol, a large amount of data on transnational crime is analyzed, crime statistics from different countries are combined on digital platforms, and dangerous trends are quickly identified. Thanks to digital crime maps, "hot spots" of crime have been identified in cities and regions, and preventive work is being strengthened in these areas. For example, in London, the police implemented special prevention programs by ranking the crime rate of each neighborhood using GIS maps. As a result, a decrease in the indicator of some crimes (for example, crimes against property) was observed.

Also abroad, facial recognition technologies using artificial intelligence serve to ensure public safety. In countries such as China and Singapore, artificial intelligence programs are connected to street surveillance cameras, which help to automatically identify suspects. In the USA and Europe, there is a practice of identifying individuals prone to terrorism or promoting aggressive behavior through social media monitoring. It is noted that these methods are effective in ensuring an acceptable level of security, although there are controversies surrounding their application regarding the right to privacy and privacy.

The international scientific community is also actively studying the impact of modern technologies on the criminal justice system. In particular, risk assessment algorithms (Risk assessment tools) are being tested in judicial practice - for example, in the USA, judges use programs that assess the probability of a person committing a repeat crime in some states. These programs bring the previously formed actuarial approach of criminology (taking into account statistical risk factors) to a new level. However, some studies show that such AI-based systems can also make unexpected errors, reflecting distorted data ("dirty data") or historical bias[5]. For example, scientists at the University of New York studied predictive police systems in 13 US jurisdictions and found that in some cases, they exacerbated existing mispractices. There are reports that the first predictive policy projects launched in Los Angeles and Chicago were suspended due to failure to yield the expected results. Therefore, international experts recommend maintaining human control and regularly analyzing algorithm errors when implementing "smart" systems.

In general, international experience shows that the integration of criminological theory and innovative technologies takes the strategy of combating crime to a new level. While traditional theories explain "why" crimes occur, modern technologies help predict "when and where." Through the harmonious application of these two approaches, significant progress can be made in crime prevention. However, as the international community puts forward, it will be important to comply with legal and ethical standards, ensure transparency and accountability.

After the Republic of Uzbekistan gained independence, consistent reforms were carried out in the field of combating crime. However, the development of criminology as an independent scientific field was relatively slow [6]. In recent years, special attention has been paid to the development of criminology in our country.

The year 2024 became historically significant in terms of integrating criminological science and practice - the Research Institute of Criminology of the Republic of Uzbekistan was established as the only one in Central Asia directly accountable to the Government of Uzbekistan. This Institute is entrusted with the tasks of providing scientific and expert support for criminological activities and conducting fundamental and applied research in the field of combating crime. Notably, the Institute will include specialists not only in law, but also in fields such as sociology, psychology, information technology, and economics. This is expected to serve the interactive development of criminology by enriching theoretical knowledge with modern scientific achievements.

As mentioned above, Presidential Decree No. PP-22 of January 15, 2024, defined specific measures to elevate the field of criminology in the country to a new level. According to it, one of the main priorities is the systematic analysis and forecasting of crime trends, including latent (hidden) crime, identifying the root causes of crimes based on comprehensive scientific analysis, as well as the gradual introduction of artificial intelligence and modern digital technologies into criminological activities. The decree also provides for the creation of a "Factors of Crime" module within the unified information system "E-public safety," which will introduce a mechanism for scientific diagnosis of factors influencing crime. This system will provide scientifically based information to crime prevention bodies and allow for the implementation of anti-crime measures directly based on data analysis.

Local criminologists are proposing several innovative methods for crime prevention. For example, some researchers have identified the concept of "social prevention" as a separate research area in criminology, suggesting the development of methods to prevent offenses committed through social networks and digital communications. Several young criminologists emphasize the need to define "modern criminology" as an independent scientific field and to thoroughly study its application mechanisms. These proposals indicate the need to enrich criminology in Uzbekistan with new approaches, not only in terms of content but also organizationally.

However, analysis shows that there are still problems to be solved in integrating national criminological science and practice. Firstly, the level of practical application of scientific research results remains low. Scientific recommendations given by criminologists are often not fully reflected in the daily activities of law enforcement agencies. To eliminate this discrepancy, it is important to create mechanisms for implementing scientific developments at the state policy level.

Secondly, it is necessary to enhance human resource potential in applying technological innovations - law enforcement officers and criminologists must have sufficient knowledge and skills in information technology and data analysis.

Based on the above analysis, it can be said that the integration of criminology and innovative technologies is being gradually established in Uzbekistan. The combination of traditional theories and advanced technologies serves to create an effective mechanism for ensuring national security. At the same time, consolidating theoretical knowledge, orienting scientific approaches to practical needs, and adapting new technologies to local conditions are of great importance in this process. The current stage of criminology development in Uzbekistan requires harmonizing national identity with international experience. After all, the effectiveness of crime fighting depends not only on the laws being adopted or existing theories but also on the extent to which we can master modern innovations.

As a result of the research conducted within the framework of the article, the following important scientific and practical conclusions and proposals were developed:

1. Strengthening the theoretical and practical integration of criminology: To develop criminology in Uzbekistan, it is necessary to reduce the existing gap between theory and practice. The results of scientific research should be widely implemented in law enforcement activities. For this, it is proposed to introduce amendments to regulatory legal acts based on the recommendations of the Criminology Research Institute and to establish the practice of making decisions on crime prevention. It is necessary to expand the authority of the Criminological Council of the Republic of Uzbekistan, which includes leaders and experts from over 20 ministries, agencies, analytical and research structures operating under the Institute, and grant it the power to make decisions that are mandatory to implement based on their scientific recommendations.

2. Training criminologists in new technologies: It is necessary to update criminology personnel training programs based on modern requirements. In particular, it is recommended to introduce special courses such as "Digital Criminology" and "Criminological Forecasting" at the Academy of the Ministry of Internal Affairs and other relevant educational institutions. These courses should teach knowledge at the intersection of disciplines such as artificial intelligence fundamentals, data analysis and statistical modeling, and geocriminological analysis. It is also important to organize short-term training sessions and seminars to enhance the skills of practitioners, and to expand cooperation programs to study foreign experience.

3. Developing a national criminology concept: It is proposed to develop and implement a concept of national criminological theory and practice suited to Uzbekistan's conditions. This concept should be created taking into account the national characteristics of crime, demographic and complex factors, and specific trends in a transitional society. Along with traditional theoretical views, the concept should also cover modern innovative approaches such as electronic prevention, measures to combat crime in virtual space, and information security. By introducing the national criminology concept into practice, it will be possible to introduce the terms "Criminology of Uzbekistan" and "Modern Criminology" into scientific discourse and present them in the international arena.

4. Strengthening international cooperation: It is necessary to continue studying and adapting the world's best practices in criminology and the integration of modern technologies. The exchange of experience through international conferences, seminars, and joint research projects contributes to

the rapid development of criminology. In the future, it is advisable to further expand such cooperation, conduct joint scientific research, and utilize foreign experience in creating innovative products (software, databases, etc.).

In conclusion, it should be noted that criminology and modern criminology should be considered as two important complementary elements. While traditional theories illuminate the stable causes and factors of crime in society, innovative technologies allow for monitoring and managing the manifestation of these factors in a rapidly changing environment. As a result of their harmonization, the achievements of criminology can be effectively applied to law enforcement policy, enabling new milestones in ensuring citizens' safety, early crime prevention, and the establishment of justice. We hope that the scientific conclusions and proposals presented in this article will serve to develop criminology in our country, improve law enforcement activities, and most importantly, elevate the prevention of offenses in society to a new qualitative level.

References

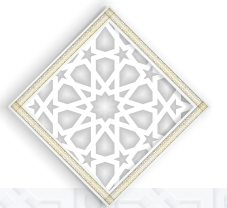
1. McKinsey Global Institute. Smart Cities: Digital Solutions for a More Livable Future. – MGI Report, 2018. – P. 8.
2. O'zbekiston Respublikasi Prezidentining 2024-yil 15-yanvardagi PQ–22-son “Kriminologiya sohasida ilmiy-amaliy tadqiqot ishlarini tashkil etish chora-tadbirlari to'g'risida”gi qarori. – Toshkent, 2024.
3. Zaripov Z.S., Pulatov Yu.S., Avanesov G.A. va boshq. Kriminologiya: Darslik. – Toshkent: O'zbekiston Respublikasi IIV Akademiyasi, 2006. – 474 b.
4. Perry W.L., McInnis B., Price C.C., Smith S.C., Hollywood J.S. Predictive Policing: The Role of Crime Forecasting in Law Enforcement Operations. – Santa Monica: RAND Corporation, 2013. – P. 1–2.
5. Abdurasulova Q.R. Становление, развитие, современное состояние криминологических учений в нашей стране и задачи современной криминологической науки // Общество и инновации, 2021. – №5. – С. 78–90.
6. Mirshayeva K.O. Ayollar tomonidan g'araz maqsadlarda zo'rlik ishlatib sodir etiladigan jinoyatlarning oldini olish: Yuridik fanlar bo'yicha falsafa doktori (PhD) dissertatsiyasi. – Toshkent, 2024. – 176 b.

*Uzbekistan, Samarkand
Memorial complex of Imam Al-Bukhari*

Forum dasturi / Agenga	3
O'zbekiston Respublikasi Ichki ishlar vaziri A.A.Tashpulatovning tabrik so'zi	7
The speech of the Minister of Internal Affairs of Uzbekistan A.A.Tashpulatov	
O'zR Kriminologiya tadqiqot instituti boshlig'i B.E. Berdialiyevning tabrik so'zi	11
The speech of head of the Research Institute of Criminology of Uzbekistan	
Xurshidbek Ro'ziyev	17
Yangi o'zbekiston: islohotlar va natijalar / New Uzbekistan: Reforms and Results	
Prof (Dr.) Purvi Pokhariyal	22
Issues of stabilizing the criminogenic situation in the country's mahallas: the experience of Uzbekistan & India / Mahallalarda kriminogen vaziyatni barqarorlashtirish masalalari: O'zbekiston va Hindiston tajribasi	
B.V. Кожокаръ	30
Криминалогические исследования в системе мед россии и их значение для правоохрани- тельной деятельности / Criminological research in the mia system of russia and its role in law tnforcement	
M.X. Рустамбаев, А.С. Якубов	36
Criminal misdemeanor: "pros" and "cons" / Уголовный проступок: «за» или «против»?	
И.В. Калашников	47
Системный подход в изучении предупреждения современной преступности / A systems approach to studying modern crime prevention	
К.Р. Абдурасулова, Р.Е. Буранова	52
Передовой опыт криминалогического прогнозирования преступности в мировой криминологии / Modern problems of criminological forecasting in the world today and ways to solve them	
Ю.В. Козубенко	61
О возможности «удаленного» допроса находящихся зарубежом потерпевших по делам о мошенничестве и транснациональных преступлениях террористической и экстре- мистской направленности / On the possibility of conducting "remote" interrogations of victims located abroad in cases of fraud and transnational crimes of a terrorist and extremist nature	
Q.Yu. Sadullayev	66
Davlat boshqaruvida kriminologik tahlil tizimini joriy etish: davlat xizmatining yangi funksiyalari / Implementation of a criminal analysis system in public administration: new functions of public service	

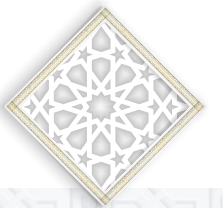

M.B. Андреев	72
Тяньцзиньская декларация ШОС – глобальная инициатива по противодействию вызовам и угрозам безопасности / The SCO Tianjin Declaration is a global initiative to address security challenges and threats	
Azim Shukhrat	74
International legal and domestic regulation of public relations ensuring information security from cybercrime / Kiberjinoyatchilikdan axborot xavfsizligini ta'minlovchi Ijtimoiy munosabatlarning xalqaro-huquqiy va milliy darajada tartibga solinishi	
S.S. Niyozova	78
Voyaga yetmaganlarni o'z joniga qasd qilish jinoyatining subyektiv belgilari / Subjective signs of juvenile suicide	
A.B. Майоров	84
Виктимологическая экспертиза системы уголовного правосудия / Victimological Expertise of the Criminal Justice System (Review of UN Recommendations)	
A.A. Otajonov	91
Bolalarga nisbatan tazyiq va zo'ravonliklarning oldini olish choralarini takomillashtirish / Improving measures to prevent harassment and violence against children	
Ю.С. Караваева	95
Роль криминологии в законодательном определении границ преступного поведения: российский опыт / The role of criminology in legislating the boundaries of criminal behavior: the Russian Experience	
H.I. Isoqov	102
Kriminologiyaning odil sudlov samaradorligiga ta'siri / The impact of criminology on the efficiency of justice	
B.C. Соловьев	105
Технологии искусственного интеллекта в криминалогической науке и практике предупреждения преступлений / Artificial intelligence technologies in criminological science and crime prevention practice	
О.О. Рузметов	112
Мошенничество с использованием информационно-коммуникационных технологий: анализ законодательства Узбекистана / Fraud committed using information and communication technologies: analysis of Uzbekistan's legislation	
C.H. Миронов	120
Предупреждение вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность в интересах иностранного государства / Prevention of the involvement of minors in unlawful activities in the interests of a foreign state	

Samarqand 2025

Л.Ю. Югай	124
<i>Система мер по предупреждению киберпреступности: проблемы теории и практики / The system of cybercrime prevention measures: theoretical and practical issues</i>	
А.С. Ильницкий.....	127
<i>Криминогенный потенциал субкультуры «Аниме» в сети Интернет и механизм вовлечения несовершеннолетних в преступное или суицидальное поведение / The criminogenic potential of the "Anime" subculture on the internet and the mechanism of involving minors in criminal or suicidal behavior</i>	
Ю.Р. Хамзеева	133
<i>Криминологические аспекты гармонизации Уголовного законодательства в сфере противодействия терроризму государств-членов ОДКБ / Criminological aspects of the harmonization of criminal legislation in the field of countering terrorism of the member states of the collective security treaty organization</i>	
Ya. Yu. Ollamov	136
<i>Historical and legal aspects of corruption / Korrupsiyaning tarixiy va huquqiy jihatleri</i>	
Х.С. Сафарзода, Ш.Т. Ахёзода	145
<i>Концептуальные основы общесоциальной профилактики экстремизма / Conceptual foundations of general social prevention of extremism</i>	
Э.Ф. Бариев	157
<i>О некоторых перспективах внедрения технологий искусственного интеллекта в систему обеспечения общественной безопасности / On some prospects for the implementation of artificial intelligence technologies in public safety</i>	
I.V. Konovalov, T.A. Yo'ldoshev	132
<i>Droplar shaxsini kriminologik tahlil qilishning ayrim jihatleri / Some aspects of criminological analysis of the personality of drops</i>	
I.E. To'rayev, D.M. Mirakbarova	167
<i>Giyohvandlik vositalari va psixotrop moddalarga qaramlikning ilmiy-falsafiy tahlili / Scientific-philosophical analysis of dependence on drug and psychotropic substances</i>	
M.A. Alokxonov, U.I. Mirzatillayev	172
<i>Integration of criminology and modern criminology: harmony of traditional theories and innovative technologies / Kriminologiya va zamonaviy kriminologiyaning o'zaro integratsiyalashuvi: an'anaviy nazariyalar va innovatsion texnologiyalarning uyg'unligi</i>	

Samarqand 2025

Uzbekistan, Samarkand
Mirzo Ulugbek Observatory

O'ZBEKISTON RESPUBLIKASI
KRIMINOLOGIYA TADQIQOT INSTITUTI

**“JAHON KRIMINOLOGIYASINING ILG'OR TAJRIBALARI”
II XALQARO FORUM MATERIALLARI TO'PLAMI**

Muharrirlar: B.A. Yarov, G.T. Muminova
Dizayn va sahifalovchi: G.T. Muminova
Texnik muharrir: A.R. Fayziyev

Original-maket Kriminologiya tadqiqot instituti
Tahririy-noshirlik markazida tayyorlandi
Bosishga ruxsat etildi 11.11.2025-yil
Bichimi 60x4 1/8. Nashriyot-hisob tabag'i 12,0. Adadi 100 nusxa
Buyurtma № 25/52

O'zbekiston Respublikasi Kriminologiya tadqiqot instituti
Tahririy-noshirlik markazida chop etildi

100187, Toshkent sh., Bуюk ipak йўли, 243
Тел.: +998 (71) 231 39 77
E-mail: kti@iiv.uz
Website: kti.iiv.uz

©'z.KTI